

Ольга

ТАРАСЕВИЧ

Без гайкиных
ЦЕРЕМОНИЙ

РУССКИЕ ЦЕРЕМОНИИ

Annotation

Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется! Журналистка Лика Вронская, освободившись одним махом от изматывающей работы в газете и от своей многолетней неразделенной любви к главному редактору, собирается написать роман. Этому способствует убийство крутого бизнесмена Макарова, совершенное в ее любимом спортивном клубе. Макаров и становится первой жертвой в детективе Вронской. И тут... О ужас! Прототипы всех героев Ликиного опуса, списанные с членов клуба, начинают умирать в реальной жизни. А рукопись с фамилией девушки попадает на глаза следователю...

- [Ольга ТАРАСЕВИЧ](#)

- [Глава 1](#)

- [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)

- [Глава 2](#)

- [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)

- [Глава 3](#)

- [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)

- [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [Глава 4](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
  - [Глава 5](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
  - [Глава 6](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
-

Ольга ТАРАСЕВИЧ

БЕЗ ЧАЙНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ

Глава 1

1

– Как же мне хорошо! – довольно выдохнула Лиза, откидываясь на подушку.

Сергей Макаров искоса взглянул на девушку. Да она просто прелесть, надо отдать ей должное. Светлые волосы, длинные ножки, упругая попка. И неглупа при своих роскошных внешних данных. У Лизы практически нет недостатков. Правда, с момента их встречи прошло уже более двух недель... Пора, пора сказать крошке: «Прости, прощай». Иначе легкий флирт и приятный секс перерастут в стадию взаимных обязательств. А это скучно и обременительно.

– Скоро Новый год, – как бы между прочим заметила Лиза.

И замолчала, выдерживая паузу. Ей казалось, что после такого замечания Сергей должен предложить провести новогоднюю ночь вместе.

Макаров улыбнулся, набросил халат и пошел в душ. Решено: с Лизой надо попрощаться. Вычеркнуть ее из своей жизни раз и навсегда. Он всегда так поступает с женщинами и не испытывает при этом ни малейшего сожаления. Их слишком много вокруг – хорошеньких, авантюрных, падких на его внешность, и особенно – на его деньги. Зачем выбирать одну, если можно наслаждаться ими всеми по очереди?

По коридору поплыл легкий аромат кофе. Обнаружив Лизу, примостившуюся на кухонном подоконнике с чашкой в длинных тонких пальцах, Сергей не стал ходить вокруг да около.

– Лиза, я думаю, нам надо расстаться.

По красивому лицу девушки скользнула тень досады и недоумения.

– Но почему?

– Видишь ли, мой бизнес отнимает много сил и времени. Я просто не могу себе позволить, чтобы рядом со мной кто-то был. Мне необходимо одиночество. Вот моя стихия.

– Но я ведь ни на что не претендую, – робко заметила Лиза. – Или я что-то сделала не так?

Сергей поморщился. Опять эти сцены, разборки, выяснение отношений. Неужели так сложно: встать, одеться и захлопнуть дверь в его квартиру и его жизнь?

– Ты – прелесть, – терпеливо объяснил он. – Молодая, привлекательная, умненькая девушка. Но мне уже за пятьдесят. В этом возрасте давно сформированы привычки. И нет ни возможности, ни

желания что-то менять.

Лиза кивнула:

– Конечно. Если только речь не идет о такой малости, как любовь. Я ведь влюбилась в тебя в тот самый момент, когда ты притормозил у автобусной остановки. Сергей, ты помнишь? Ты спросил, не нужно ли меня подвезти. Я еще не ответила – а уже влюбилась...

Макаров пожал плечами. Ну да, все они так говорят: любовь, люблю, а ты холодный, бесчувственный... А он и правда не понимает, о чем идет речь. В его жизни есть страсть. Радость предвкушения новой встречи или удачной сделки. Азарт выхода бизнеса на более высокую ступень. Но любовь... Увольте. Скучно, примитивно, как лубочная картинка или приторно-сладкий некачественный шоколад. Человек – это животное. Значит, есть лишь половой инстинкт. А все остальное – плод воображения романистов, режиссеров и домохозяек.

– Хорошо, Сергей. Я уйду, – Лиза спрыгнула с подоконника и прильнула к Макарову. – Спасибо, что ты был.

«Да не за что», – хотел он цинично заметить, но удержался. Побледневшая мордашка Лизы не вызвала никаких сомнений в искренности переживаний.

Закрыв за девушкой дверь, Макаров бросил взгляд на часы. Что ж, пора обедать. Потом можно отправиться на тренировку. А вечером фитнес-центр «Мир спорта» устраивает для своих клиентов новогоднюю вечеринку. Самое время поохотиться на новую кошечку...

Своим отражением в зеркале Сергей Макаров остался доволен. Морщины разгладились, глаза искрились энергией молодости. Он совершенно не чувствовал легкого дыхания приближающейся смерти...

Ли́ка не могла точно вспомнить, когда из ванной исчезли Пашины бритвенные принадлежности. Ну исчезли – и исчезли. Он часто уезжал в командировки. Правда, в таких ситуациях бойфренд всегда звонил или присылал смешные смс-ки. Но она же часто отключала мобильный – во время пресс-конференций, интервью или работы над срочной статьей. Так что особых волнений по поводу отсутствия Паши Ли́ка не испытывала. А вот когда руки дошли до уборки, и она обнаружила, что из шкафа испарилась вся Пашина одежда, прозрение окатило ее холодным душем. Действительно, в последнее время парень часто ворчал из-за того, что она все время занята, что им надо серьезно поговорить. Ли́ка же все отшучивалась. А Паше, видимо, было далеко не до шуток. Отчаявшись достучаться до нее при помощи слов, он просто перешел к действиям.

Рассердившись, Ли́ка извлекла из сумки мобильник и набрала номер вероломного приятеля.

– Ну и что это все значит? Почему ты увез свои вещи? Что происходит? – не здороваясь, застреляла она вопросами. Все-таки нападение – лучший способ защиты.

– Не прошло и двух недель, как ты заметила мое отсутствие. Знаешь, Лик, я даже не ожидал, что так мало значу для тебя.

– Пашка, ну хватит, а? Да, я виновата. В последнее время действительно как-то так выходило, что я живу в офисе, а не дома. Все поняла, исправлюсь. Пашк, вернись, пожалуйста...

Паша молчал, обдумывая ее предложение. Хотя у Ли́ки возникло предчувствие, что он все для себя уже решил. И она не ошиблась.

– Я не вернусь, Ли́ка. Я просто больше тебе не верю. Ты сто раз обещала перестать кормить меня пельменями. За те три года, что мы были вместе, ты даже в отпуск со мной не съездила! У тебя все время на работе аврал. Но сколько можно жить в таком темпе? Месяц, два? Я ждал. А потом понял, что это твое нормальное состояние. Ты помнишь, что ответила мне, когда я предложил пожениться и завести ребенка?

Ли́ка закусила губу. Точной формулировки она опять-таки не помнила, но общий смысл ясен. После того как она закончит набор сотрудников для отдела политики. Или вот буквально на днях, когда начнет выходить новое приложение к еженедельнику. Или... У заместителя главного редактора всегда работы хватает.

– А я, – с обидой продолжал Паша, – я больше не могу жить в ритме твоего аврала. Не могу и не хочу. Я работаю ничуть не меньше. Зарплата у меня в несколько раз больше. В принципе, ты могла бы вообще не работать... Лик, я хочу, чтобы у меня был дом, где пахнет пирогами. Нормальная жена, дети. Прости, но ты мне этого дать не можешь!

– Паша, вернись, я все прощу, – Лика старалась, чтобы ее голос звучал бодро. Хотя по щекам уже предательски заструились слезы. – Паша, я клянусь – это в последний раз. Приезжай, а? У меня же полный холодильник пельменей...

Даже по телефону Лика поняла: он улыбается. Сейчас, сейчас он растает и все простит. Новый год же скоро – ну как вообще можно ругаться накануне праздников?

– Лик, я не спорю, с тобой всегда очень весело. Правда, ты потрясающая девушка, с которой никогда не бывает скучно, так как невозможно угадать, какой фортель ты выкинешь в следующую минуту. Но ты пойми: всему есть предел.

– Ну и хрен с тобой. Не очень-то и хотелось, – выпалила Лика. – Сиди, плесней в обществе какой-нибудь недалекой мадам. Плодитесь и размножайтесь, дети мои! Ариведерчи!

Она нажала кнопку отбоя и рухнула на тахту. Как же больно, как невыносимо больно! Сколько любви, оказывается, в ней живет, а она, занятая делами, об этом даже не подозревала.

«Эта любовь – просто кактус какой-то. Надо поскорее выдрать застрявшие в сердце колючки. Вот только как?» – пробормотала Лика, нарыдавшись всласть. Потом она посмотрела на часы и пулей помчалась в ванную. До ритуальной ежевечерней прогулки по парку с шефом оставалось всего 15 минут – а ведь ей надо не только доехать до места встречи, но и хоть как-то замаскировать на лице следы разбившихся надежд...

Андрей Иванович Красноперов уже ждал ее возле входа в парк. По сторбившейся фигуре шефа Лика сразу догадалась: замерз и, может быть, даже успел разозлиться. Она мигнула фарами своего «Форда» и умчалась вперед, выискивая свободное место на парковке.

– Опаздываешь, Вронская, – обиженно нахмурился Андрей Иванович и чмокнул воздух в миллиметре от Ликиной щеки.

Ее всегда поражала прямо какая-то снайперская точность приветственной вежливости редактора. Раньше ей хотелось хулигански подставить губы, украсть поцелуй, который может зажечь огонь страсти. Но это было давно, когда Лика еще не знала, что единственная страсть

Андрея Ивановича – это газета. О ней он мог говорить часами. Вот и теперь, поддерживая ее под локоток на заснеженной аллее парка, он предался своим любимым рассуждениям – о творческих планах.

– Лика, послушай, что я придумал. Знаешь, не нравится мне, что в нашей газете мало серьезной информации, а большую часть объема мы забиваем «желтухой». Что делать: люди любят читать про всякие сплетни, слухи, скандалы, – разглагольствовал Андрей Иванович. – Поэтому я подумал: а не сделать ли нам еще одну газету для тех читателей, у которых есть серое вещество в черепной коробке? Конечно, на первоначальной стадии этот проект окажется убыточным. Но за счет наших желтеньких «Ведомостей», тираж которых постоянно растет, мы вполне можем себе позволить небольшие убытки. Что скажешь? Ты же всегда говорила, что тебя не устраивает «развлекаловка». Я думаю, у тебя есть все данные для того, чтобы редактировать новое деловое издание...

Лика осторожно заметила:

– Что ж, идея вроде бы неплохая. Правда, стартовать всегда сложно. Я помню, как мы начинали выпускать «Ведомости». Приходилось спать по пять часов в сутки.

Красноперов резко остановился:

– Да ладно тебе! Я ведь тоже помню, как мы начинали. Все было нормально.

«Как бы не так, – подумала Лика. – Просто у тебя была я. Молоденькая, по уши влюбленная в тебя девочка. Мне хотелось произвести на тебя впечатление. А ты тут же переложил на мои плечи всю работу. И тебе еще хватало наглости трезвонить мне после пьянок со своими шлюхами и требовать, чтобы я привезла минералки. Я сама во всем виновата. Я просто позволила так с собой обращаться...»

– Лик, не вижу огня в глазах, – разочарованно заметил Андрей Иванович. – Ты же всегда мечтала о редакторском кресле. Ау, девочка! О чем ты думаешь?

Вместо ответа Лика молча изучала две пары обуви, мерно топающие по дорожке. «Цок-цок», – цокают каблочки ее черных сапожек. «Плюх-плюх», – вторят им идеально начищенные ботинки шефа. Вот уже семь лет они идут рядом одной дорогой. И куда привел ее этот путь? В пустую квартиру, где больше нет никого. Компьютер ведь не в счет, верно?

Словно в первый раз Лика посмотрела на Андрея Ивановича. Ей даже пришлось задрать голову – вот вымахал, почти под два метра. Красивый мужик. Что ж, вероятно, он может жить только версткой, эксклюзивными интервью и равнодушными ласками девчонки с Тверской. А она, Лика...

Она сыта по горло! Она устала. Лика вспомнила Пашу, который принял решение, а ее поставил перед фактом, перед одинокой холодной постелью, перед пустотой... Нет, довольно! С нее хватит!

– Андрей Иванович, простите, я не могу принять ваше предложение. И я хочу вам сказать, что больше я вообще не намерена работать в газете – ни в «желтой», ни в «серо-буро-малиновой», ни в какой, понимаете?

Красноперов тихо охнул:

– У тебя грипп, дорогая! Не зря мы дали в последнем номере статью о том, как бороться с этой заразой. Ты простудилась, заболела и несешь какой-то бред.

Лика схватила ладонь шефа, сдернула с нее перчатку и прижала к своему лбу.

– Странно: лоб не горячий, – удивленно протянул Андрей Иванович. – Но я все равно тебе не верю. Ты же не сможешь жить без журналистики. Это как наркотик, а ты подседа... Что ж, может быть, тебе пора отдохнуть. Я готов предоставить тебе отпуск. Пять дней. Или даже семь.

Отрицательно покачав головой, Лика расхохоталась:

– Ошибаетесь, Андрей Иванович! Я отлично проживу без нашего ежедневного пожара. Все, сгорела! Меня больше нет!

– Сумасшедшая! – прокричал редактор вслед убегающей Лике. – Да ты просто рехнулась! Но я готов тебя простить!

Заслышав последнюю фразу, Лика еще быстрее припустила к своему «Форду». Простить – ну уж дудки. Паша ее не простил – и правильно сделал. И она Андрея Ивановича не простит – бесполезно, это тот образ жизни, изменить который нельзя. От него надо только сбежать. Но вот – куда?

Ответ возник перед глазами Лики, едва она уселась на сиденье своей машины. Сколько раз ей снился этот сон: коттедж, затерянный в перешептывающихся соснах, треск поленьев в камине, ноутбук на письменном столе, гора книг возле чашки с кофе... Но лишь теперь картинка сфокусировалась так четко, что стали видны ее мельчайшие детали. «Анжелика Вронская. Новый детектив...» – написано на корешках книг, лежащих возле ноутбука.

«Ну, конечно, – пробормотала Лика. – Ведь я же всегда этого хотела: писать книжки – чуть-чуть смерти, немного мистики и теплое море светлой любви... Все к лучшему. Я приняла правильное решение».

Повеселев, Лика смахнула со щек слезы и включила магнитола. Ей вдруг стало легко и хорошо, как никогда прежде...

Разумеется, накануне Лика забыла отключить будильник. Поэтому в семь утра музыкальный центр послушно огласил светлую Ликину спальню звуками темпераментной латиноамериканской песенки. С полузакрытыми глазами девушка добралась до кухни, сделала себе кофе и вновь улеглась в постель. После нескольких глотков бодрящего напитка действительность наконец обрела свои очертания, и память противно заныла, нашептывая, что больше нет необходимости торопиться на работу, потому как работы вроде тоже больше нет. До Нового года остались всего сутки – а новая жизнь уже началась, и как распорядиться этим океаном свободного времени Лика пока представляла плохо. Конечно, она уже решила, что займется написанием детектива. Но от компьютера с утра пораньше явно веяло безысходным отчаянием. В огромном глазе монитора читался немой упрек.

«Ладно, парень, не грусти, будет и на твоей улице праздник, – пообещала Лика компьютеру. Как и всякая техника, он очень любил общение, и даже почти не ломался, если с ним не забывали «посюсюкать». – А пока я схожу в спортзал на тренировку. Знаешь, после того, как потаскаешь железки, все становится намного проще...»

Сборы никогда не отнимали у Лики много времени. Она приняла душ, высушила светлые локоны феном, слегка подкрасилась, потом бросила в сумку кроссовки и спортивный костюм. Из зеркала ей заговорщицки подмигнула невысокая худенькая девушка в короткой норковой шубке, которая ну никак не выглядела на свои 28 лет. Небольшое, но все же утешение...

В спортзале по утрам, отметила Лика, оказывается тоже многолюдно. На часах всего десять утра, а парковка перед трехэтажным сверкающим зданием фитнес-центра уже вся битком забита машинами.

– Что-то ты рано сегодня, – приветливо улыбнулась ей менеджер Маша, и на долю секунды ее полненькое личико стало очаровательным. Потом улыбка потухла, и сразу стали заметны и округлые щеки в рыжих конопушках, и тусклые невыразительные голубые глаза. – Неужели у вас уже начались рождественские каникулы? Счастливые! А мы и 31 декабря работаем...

Лика неопределенно махнула рукой. Объяснять, что она теперь сама себе хозяйка, не возникало ни малейшего желания. Вчерашняя эйфория

схлынула, оставив лишь невеселые размышления. Например, о том, хватит ли ей теперь денег на посещение этого фитнес-центра. «Мир спорта» справедливо считался одним из лучших клубов Москвы. Он полностью оправдывал свое название. Это действительно был целый мир, с просторным залом для аэробики, кардиозоной с большим выбором тренажеров, залом для силовых упражнений, саунами и бассейном. Через два часа отсюда можно выйти совершенно другим человеком – полным сил и энергии.

«Нет, на здоровье экономить глупо, – решила Лика, заканчивая разминку на велотренажере. – У меня есть деньги, которые я копила на новую машину. Что ж, видимо «Тойоте Рав 4» суждено еще какое-то время побыть мечтой. Ну и ладно. Мечты – они должны быть обязательно. Чтобы знать, к чему стремиться...»

– О, Лика, звезда моя! Рад тебя видеть! – инструктор тренажерного зала Вячеслав Кулаков мигом выскочил из-за стойки. – Как настроение? Будем работать серьезно, или ты предпочитаешь легкую нагрузку?

Лика на секунду задумалась, а потом решительно сказала:

– Будем работать по полной программе!

Вячеслав просиял:

– Отлично. Думаю, с учетом предстоящих праздников надо уделить особое внимание прессу.

– Хорошо, – послушно кивнула Лика.

Она уже на собственном опыте убедилась: никакие программы тренировок из журналов не заменят советов инструктора.

Тренироваться под руководством Вячеслава всегда было приятно. Он умело давал почувствовать каждому клиенту собственную исключительность, после чего те безропотно выполняли даже тяжелую нагрузку. В принципе, спорт – это всегда насилие над организмом, и соблазн дать себе поблажку очень велик. Поэтому во время тренировки очень важно, чтобы рядом оказался инструктор, который пресекает подобные поползновения на корню, уверенно и вместе с тем ненавязчиво.

Вячеслав проводил Лику к тренажеру на пресс и установил минимальный вес.

– Сначала разомнемся, а потом увеличим нагрузку. Кстати, надеюсь, ты придешь сегодня на новогоднюю вечеринку?

– Вечеринку? – Лика промакнула полотенцем пот со лба, сделала глоток воды и перевела дыхание. Давно, все-таки очень давно она не заглядывала в спортзал. – Что за вечеринка?

– Для клиентов, – за разговором Вячеслав не забыл установить

фиксатор веса на несколько планок ниже. – Клуб снял загородный коттедж. Будут танцы, шашлык, сауна. Приходи, Лика! По-моему, в прошлом году ты так и не приехала.

– Ага! Трудилась! – говорить становилось все труднее, сердце так и выскакивало из груди.

Вячеслав расправил затекшие руки, и Лика невольно подумала: если бы античные статуи могли испытывать эмоции, то они просто позеленели бы от зависти к этим идеально проработанным мышцам.

– Впрочем, дело хозяйское, – философски заметил Вячеслав. – На вечеринке можешь ты не быть, в спортзал же ты ходить обязан!

– Знаешь, поэт, – неожиданно для самой себя заявила Лика, – а я приду. Не все же время вкалывать.

– Логично. Вечером будешь отдыхать. А теперь пошли к следующему тренажеру.

Покончив с упражнениями на пресс, Лика еще поработала над мышцами рук и груди.

– Наверное, ты хочешь сегодня вечером произвести впечатление! – пошутил Вячеслав.

Девушка в долгу не осталась:

– Ага! На тебя, милый!

«А почему бы и нет? – думала она про себя. – Меня же все равно никто не ждет, кроме компьютера и ненаписанной книги... Так что я имею полное право повеселиться хотя бы накануне Нового года. Отдохну, потанцую и, может быть, даже пофлиртую. Не со Славиком, конечно. Какой может быть флирт с человеком, который вечно видит тебя в мокрой от пота майке? Но вот с кем-нибудь другим – непременно».

Если бы она только знала, насколько существенные коррективы внесет в эти планы действительность...

За 30 лет до описываемых событий

«Она бывает – любовь с первого взгляда. Мы столкнулись у расписания возле деканата, и из головы сразу же выскочило все: и лекция, на которую надо идти, и номер аудитории, и все-все... Остались лишь его сияющие голубые глаза, обаятельная улыбка и невыносимо трагическое ощущение, что сейчас он исчезнет, и я не успею сказать ему самого главного. Как сомнамбула, я двинулась за ним следом... Через день в его биографии не осталось белых пятен: учился на нашем факультете курсом старше, встречается с девушкой, чей отец занимает такой же высокий пост, как и его собственный. В общем, крыть мне было нечем. Что я могла ему предложить? Посидеть с девчонками в нашей комнатке в общежитии? Пожарить картошки, которую родители привезли из деревни? Оставалось лишь одно: находясь в тени, любоваться им, моим солнышком, моим счастьем, моей горькой радостью.

Год прошел как в тумане. Я сдавала какие-то экзамены, скучала на лекциях и сотни раз снимала в воображении продолжение той сцены у расписания возле деканата, когда моя душа потерялась в его глазах. Это был сон, отдаленно похожий на жизнь. Или жизнь, похожая на один и тот же сон? Не знаю...

Мне казалось, лето может принести облегчение. В самом деле, он ведь тогда не закурит на лестнице, а я не буду вздрагивать при виде его, как от удара электрическим током, и сердце перестанет сжиматься в тоске, если среди толпы мальчишек вдруг не видно шапки иссиня-черных волос, и заснувшая ревность прекратит точить внутри меня свои длинные когти...

Наивная. Любовь не лечится временем. Или если вдруг выздоравливаешь – то это не любовь? Или мой случай оказался настолько запущенным, что его никогда уже нельзя вылечить?

За два месяца, проведенных в родной деревне, я высохла от тоски, как щепка.

– Донечка, а может, бросай ее, свою учебу? На тебе же лица нет... – волновалась мать и все норовила подложить мне на тарелку кусок мяса побольше.

Отец же философствовал:

– Науки, они, конечно, так просто не даются. Так и не нужны они в

деревне-то. А что – мы с матерью тут жизнь прожили. И неплохо прожили, а, мать?

Я давилась едой, стараясь успокоить родителей. Они у меня такие. Взбредет им в голову, что я надрываюсь за книжками – и придется дома коровам хвосты крутить да грядки пропалывать. Только тогда я точно умру...

В сентябре выяснилось, что нас отправляют на картошку. На целый месяц. Соседки по комнате, собирая вещи, приплясывали и вопили от восторга.

Кто-то прихватил гитару, и вагон электрички, в котором мы ехали, скоро огласился песнями. Но мне было не до песен. Как все-таки несправедливо – после двух месяцев разлуки я так его и не увидела. На картошку такие, как он, не ездят, значит, мне предстоит еще месяц пытки неопределенностью, одиночеством, и... Закончить мысль не получилось, потому что к нам, привлеченные песнями, пришли ребята из соседнего вагона, и я вдруг заметила, какое яркое солнце бьет в окна и небо пронзительно голубое. Он! Был! Рядом! На соседнем сиденье!!! Загорелый дочерна, еще больше вытянувшийся, мой милый, любимый, самый лучший...

Днем я его не видела. Мы попали в разные бригады, нас развозили разные грузовики, мы трудились на разных полях. Что может быть символичнее в отношении не одного поля ягодок? Тем не менее я ходила пьяная от счастья. Ведь были завтраки в прохладной, похожей на барак столовой и был он, и его взгляд мимолетно скользил по моему лицу.

А в воскресенье в столовой появилось короткое объявление: «Сегодня в 18 часов в клубе состоятся танцы. Приглашаются все желающие». Сразу же возникла шальная мысль: принарядиться, выпить пару глотков вина для храбрости и пригласить его на танец. Он, конечно, мне откажет. Ведь по сравнению с его девушкой я выгляжу провинциальной простушкой: в скромной блузке, черной юбке, скроенной из старых отцовских брюк. Увы...

А значит, никаких танцев не будет.

После ужина я отдала единственную приличную вещь в своем гардеробе – лаковые туфли на каблуках, полгода со стипендии на них деньги откладывала, – подруге. Пусть хоть она повеселится, не жалко. А сама осталась в одной из комнаток старой школы. Нас поселили в ней, холодной и полуразрушенной: девушек – в правом крыле, парней – в левом...

Перед глазами лежала книга, но я открыла ее скорее просто по

привычке. Раздражение невольно копошилось в груди. Что хорошего в этих книгах? Золушка начинает верить, что достойна любви принца. Только в жизни все происходит наоборот. Принцы выбирают принцесс, а Золушки в старых платьях моют полы...

Я миллион раз представляла себе, как он заговорит со мной. Но, когда это произошло, меня окатило жаркой волной, и язык отказался повиноваться.

– Приве-ет! Я подумал, что девчонки плясать побежали, а свет выключить забыли. А почему ты не пошла на танцы? Заболела?

Не в силах вымолвить ни слова, я просто покачала головой.

– Так, может, пойдём? Вся зима впереди, успеешь ещё к сессии подготовиться!

Боже, как все просто, оказывается! Он приглашает меня на танцы! Но... Если блузка с юбкой при всей их скромности не отличаются особым уродством, то про обувь этого не скажешь. Вон из-за спинки железной кровати выглядывают резиновые сапоги, в которых удобно лишь ходить по полю. Есть ещё старые ботинки, но их коричневая кожа местами вытерлась до оранжевых трещинок...

– Знаешь, что-то мне не хочется, – решительно сказала я. Потом, перепугавшись, что он закроет дверь так же неожиданно, как и открыл её, робко добавила: – Давай, может, здесь посидим. Просто поговорим.

Он бросил взгляд на часы – настоящие «командирские». Потом вопросительно поднял на меня свои огромные глазищи, обрамленные длинными ресницами:

– Ты, правда, этого хочешь?

Я хотела всего. Хоть чего-нибудь. Я физически чувствовала, как пульсирует секундами каждая минута, которую он проводит, сидя на краешке моей постели. Я старалась запомнить их ускользящий бег, потому что в глубине души понимала: нет никаких сил и возможностей их удержать. И я опять кивнула.

Он медлил.

– Но ты же понимаешь... это не всерьёз...

– Конечно. Все не всерьёз, да, конечно.

Его смущала моя преданно-собачья торопливость. И тогда я просто взяла его за руку и притянула к себе...

Немного нежности и много боли. Я еле дождалась, пока его мокрое тело прекратит быстрые жадные движения. Хотелось закричать во все горло, но я сдерживалась. Где-то в школе наверняка есть люди...

Потом он щелкнул выключателем настольной лампы, потянулся за

одеждой. Я быстро натянула на себя одеяло, но он все же успел заметить на простыне пятна. Поморщился, но сказал лишь одно:

– Ну, пока-а.

Мне хотелось сказать сотню ласковых слов. Мне было важно услышать в ответ какую-нибудь нежную фразу, хотя бы одну-единственную.

– Пока, – вежливо разомкнулись мои губы.

«Вот и все, – подумала я, – больше никогда ничего не будет...»

На следующий день он вел себя так, словно бы ничего не случилось. Для него, видимо, так оно и было...»

Отряхивая шубку от снега в прихожей двухэтажного коттеджа, Лика с изумлением уставилась на вешалку. Судя по обилию курток и пальто, на организованную «Миром спорта» вечеринку приехало немало людей.

В просторном холле с большой елкой уже вовсю кипело веселье. За составленными буквой «П» столами сидели гости.

Инструктор по аэробике Таня Добротворская, завидев нерешительно оглядывающуюся Лику, махнула рукой:

– Вронская! Иди сюда!

Под заинтересованными мужскими и ревнивыми женскими взглядами Лика протиснулась к дальнему краю стола и опустилась на стул. И невольно заулыбалась в ответ на Танину обезоруживающую улыбку.

Татьяна умела улыбаться так, что во время тренировок у клиентов открывалось второе дыхание, и, обессиленные и уставшие, они вновь и вновь качали пресс, приседали с гантелями – в общем, делали все, что требовала Таня.

С ней было очень легко, и Лика, у которой не имелось особо близких подруг, как-то с удивлением осознала: с Татьяной ей хочется общаться.

– Тебе идет это платье! – честно призналась Лика, рассмотрев наряд приятельницы. – Ты похожа на изящную молоденькую француженку. Молодец, Татьяна! Глядя на тебя, никогда не подумаешь, что у тебя двое детей, и ты растишь их одна.

Татьяна провела рукой по своим черным, коротко стриженным волосам и рассмеялась:

– Это не так сложно, как тебе кажется. Я рада, что ты пришла. Видишь, персонала клуба совсем немного. В основном клиенты тусуются. Эй-эй, ты особо не увлекайся!

Последней фразой Таня выразила свое возмущение по поводу огромного куска торта, который Лика положила себе на тарелку. Есть ей не хотелось, но устоять перед бисквитом с бело-розовыми сливками оказалось не под силу.

– Ладно, в конце концов правила существуют для того, чтобы их нарушать, – примирительно заметила Таня, следуя Ликиному примеру. – О, торт очень вкусный...

Наслаждаясь бисквитом, Лика потихоньку оглядывала публику. Да, сотрудников клуба – раз-два и обчелся. Странно, что менеджер Маша не

появилась. Обычно девушки ее склада не пропускают таких мероприятий. У них не так уж много шансов познакомиться с парнями... Зато Вячеслав Кулаков явно не скучает. Вот у кого всегда есть выбор. Даже теперь на его внимание претендуют две милovidные девушки – блондинка и брюнетка. Но почему же он уже который раз пытается поймать Ликин взгляд? Что ж, пожалуй, последняя покупка – обманчиво простенькое короткое платье ярко-красного цвета – действительно производит впечатление...

Вячеслав встал из-за стола, и, надежда, вспыхнувшая на лицах его соседок, тотчас погасла. Он направился к Лике, церемонно протянул руку:

– Потанцуем?

– Не вздумай доесть торт! У меня на него большие планы! – шутливо пригрозила Лика Татьяне, и, выпрямив спину – пусть девчонки завидуют! – прошла в центр холла, где в свете елочных разноцветных гирлянд уже кружилось несколько пар.

Неожиданно она поняла, что волнуется. От Вячеслава исходил свежий тонкий запах туалетной воды, его руки обвивали талию теплым сильным кольцом, и даже в привычных репликах проскальзывала нежность...

– Лика! Я восхищен и покорен. Ты просто звезда.

– Да ладно тебе! Я-то знаю: у тебя все клиентки – звезды...

Его голос дрогнул от волнения:

– Но ты лучше всех... Ты хорошо танцуешь.

Это опять было неправдой. Лика знала, что танцует неважно, музыка – не ее стихия, в меняющемся ритме исчезала вся Ликина уверенность в себе, и хотелось лишь одного – не отдавить ноги партнеру.

Но ведь весь этот вечер, по сути, стал попыткой сбежать от действительности. Только в холле – журналистские рефлексии все уточнять, ничего не подделаешь, – присутствовало более 20 человек. И столько же, если не больше, гуляло этажом выше.

Лике вспомнилось детство. Вечер 30 декабря – это елка, колкая, пахнувшая снегом и предвкушением праздника. Это бесчисленные картонные коробки, из которых она с отцом бережно извлекала разноцветные хрупкие шары. А из кухни доносятся упоительные ароматы, мама колдует над завтрашним застольем...

И вот, пожалуйста. У доброй полусотни людей в такой же вечер, 30 декабря, не нашлось другой альтернативы, чем этот коттедж. В нем тоже елка. Живая. А выглядит как искусственная. И веселье здесь также весьма условно. В глубине души многие из присутствующих на этой вечеринке очень одиноки. Это цена успешного бизнеса, хорошей машины, абонементов в «Мир спорта» в конце концов. В водовороте дел об этом можно не

вспоминать неделями. Только Новый год – неотвратимое стихийное бедствие, не оставляющее ни малейшего шанса спрятаться в рабочей суете. Горький момент истины...

«Эх, Пашка, какой же ты все-таки вредный. Неужели ты не мог меня бросить после Нового года?» – с тоской подумала Лика.

– О чем ты задумалась? – поинтересовался Вячеслав.

Его губы вдруг оказались близко-близко. И Лика прильнула к ним. Поцелуй получился потрясающий: мягкий, нежный, волнующий...

Руки Вячеслава тут же соскользнули с ее талии на ягодицы и легонько их сжали.

Потом вдруг раздался грохот, и завизжали женщины, и яркий свет ослепил глаза.

Отпрянув от Вячеслава, Лика оглянулась назад. На полу лежал мужчина в темном костюме. Его имя вспомнилось мгновенно – Сергей Макаров. Конечно же, он всегда прихватывал и для Лики стаканчик минералки. А еще часто ругался прямо в спортзале со своими конкурентами по бизнесу.

– Ему плохо! Скорее врача! – разбил воцарившуюся тишину визгливый женский голос.

Очнувшись от минутного оцепенения, к Сергею метнулась Татьяна. Она опустилась перед ним на колени, прижала палец к артерии на шее, потом нервно облизнула губы:

– Слишком поздно. Надо звонить в милицию.

– Таня, может, ты ошиблась? – срывающимся голосом спросил Вячеслав. – Может, он просто перетренировался? Такое бывает. Он же тренировался перед тем, как приехать сюда...

– Нет, – отрезала Татьяна, доставая из сумочки сотовый телефон. – У него уже пульс не прощупывается...

– Я не хочу общаться с милицией!

– Какой ужасный вечер!

– Человек умер. Что творится!

– Я думаю, никому не следует покидать коттедж до приезда милиции.

– Но почему? Мы же вообще на втором этаже сидели! При чем тут мы? Дернул меня черт поехать на эту вечеринку...

Все присутствующие были просто ошарашены произошедшим. Поэтому никто не заметил, как в бокал недопитого Сергеем Макаровым шампанского чья-то рука опустила таблетку снотворного...

– Милиция скоро приедет. Сказали, минут через десять-пятнадцать.

Попросили ни к чему не прикасаться. Если кому-то срочно надо уехать – оставьте свои координаты, – устало сказала Татьяна, боязливо покосилась на Сергея Макарова и бледность залила ее обычно смуглое лицо. – Боже, какой ужас...

– А если мы не хотим общаться с милицией? – с вызовом поинтересовалась претендовавшая на внимание Вячеслава брюнетка. Теперь у нее явно возникло другое желание: поскандалить. – Не хотим – и все! Сейчас соберемся – и свалим. Че вы сделаете-то? Хватать нас станете? Всех не схватите!

Таня лишь развела руками:

– Я не знаю... Наверное, всем надо дать показания или как это там называется... Кстати, мы ведь регистрировали всех гостей сегодняшней вечеринки. И в клубе у нас полная картотека: адреса, паспортные данные.

Вполуха слушая Таню, Лика отошла к окну. Ее светло-голубой «Форд» всего за пару часов превратился в снеговичка.

«Хорошо, что я приехала на машине. Наверное, застрянем тут надолго, а среди ночи было бы лень тащиться на электричку», – пронеслось у нее в голове. И сразу же стало стыдно за эти глупые мысли – о снеге, машине, электричке. Тут трагедия случилась – а она думает о такой ерунде.

Как жаль Сергея! Она всегда им исподтишка любовалась: среднего роста, хорошо сложенный, а во взгляде столько энергии, что и двадцатилетние могут позавидовать. А ведь ему было уже за пятьдесят.

Услышав инструкторское «перетренировался», Лика очень удивилась. Сергей в тренажерку ходил давно, работал с большим весом, и, кажется, его организм работал как часы, не давая никаких сбоев. И вот пожалуйста – мгновенная остановка сердца. Как такое могло произойти? Тяжелая болезнь? Исключено. Несмотря на то что расценки «Мира спорта» общедоступными назвать никак нельзя, правила там царили жесткие. Каждый год администрация требовала гору всяческих медицинских справок. Кардиограмма, флюорография, справка от дерматолога, даже какие-то анализы... Людям со слабым здоровьем выдавали ключи от раздевалок на желтых браслетах, означавшие: никакой сауны, только легкая нагрузка во время тренировок. У Сергея – Лика отчетливо это помнила – на загорелом запястье всегда болтался зеленый браслет, не предусматривающий каких-либо ограничений...

Милицейские «Жигули» с включенной синей «мигалкой» были заметны издали. За ними по трассе скользил светлый фургончик.

– «Скорая» все же приехала, – тихо сказала Таня, устраиваясь рядом с Ликой на подоконнике. – Зачем? Она ему уже без надобности.

– Я не верю, что он умер, – призналась Лика. – В голове не укладывается, как это могло случиться. У вас же такой контроль за состоянием здоровья.

– Мне кажется, его отравили.

– Но кто? – воскликнула Лика. – Помнишь, был мужик с которым он все время ругался... Николай, кажется... Но ведь он сегодня на вечеринке не появился.

Таня кивнула:

– Не появился.

– Да и вообще это верх идиотизма – разделяться с конкурентом, если все прекрасно знают, что возникали конфликты.

– Согласна. Но знаешь, Сергей ведь был, я так понимаю, крупным бизнесменом. А у нас в стране большие деньги – это еще и большие проблемы.

Лика принялась обдумывать Танины слова. Неужели она права, и Сергея убили из-за денег? Что ж, может быть. Дня не проходит без того, чтобы не увидеть в теленовостях сюжет о том, как бизнесмену помогают отправиться на тот свет. А Макаров, видимо, руководил крупным бизнесом. Да, точно – он ругался с Николаем из-за заправок, а торговля бензином – это большие прибыли... Вот как бывает. Жил красивый одинокий мужик, зарабатывал деньги, потом перешел кому-то дорогу – и все.

– Тань, он, кажется, не был женат? А дети есть, не в курсе?

– Думаю, нет. И жены у него не было – это точно. Ты же знаешь, наши девчонки-менеджеры – в вечном поиске спутника жизни. А мужчина он видный. Так что я припоминаю какие-то разговоры на этот счет...

– Как это страшно, – протянула Лика. – Тань, у тебя сигареты нет?

– Мы же не курим, – растерянно заметила Таня. – Во всяком случае, стараемся.

Лика в сердцах бросила:

– Тут запить можно!

Через минуту Таня вернулась с пепельницей, двумя сигаретами и зажигалкой. Горький дым наждаком прошелся по отвыкшему от никотина горлу.

«Значит, деньги, – думала Лика, жадно затягиваясь сигаретой. – Все из-за денег. Банально. Вот в моей книжке все будет по-другому. Какой нормальный человек, думая о прошедшей жизни, вспоминает деньги? Нет, в память вонзаются другие занозы. Страсть, любовь, надежды, разочарования. И если вдруг предположить, что Сергея убили из-за любви...»

К тому моменту, когда Лику позвали на допрос к следователю, девушка почти забыла о том, где находится. Мысленно она прошла в свою небольшую квартирку, расположилась за компьютером, на экране которого начали жить люди, отдаленно похожие на существующих в реальности...

– Владимир Седов, дежурный следователь. Присаживайтесь, пожалуйста, – отрывая глаза от бланка, сказал светловолосый мужчина в джинсах и свитере. – Ваши фамилия, имя, отчество, дата и место рождения...

Машинальные ответы на вопросы ничуть не мешали Лике думать о том, морально или нет использовать в книге всю эту ситуацию. Конечно, она наполнит историю совсем другим содержанием, но ведь первый толчок – события реальной жизни. Хотя почему бы и нет? Сколько в Москве таких фитнес-центров? Сотни. Сколько людей в них занимаются? Тысячи тысяч. И потом – как это жестко ни звучит – Макаров мертв, и уж с его стороны точно никаких претензий не последует...

– Если будет нужно, нам придется еще раз с вами побеседовать, – заявил следователь. – Вот моя карточка, вдруг вспомните какие-то подробности – обязательно позвоните. А теперь пригласите, пожалуйста, следующего...

Лица попрощалась, но на пороге не удержалась от вопроса:

– Скажите, а отчего он умер?

– Похоже на яд. Эксперты взяли образцы еды и напитков, но до результатов экспертизы выводы делать рано. Следующего не забудьте пригласить!

И вроде через пятнадцать минут очищенный от снега «Форд» полностью прогрелся, и мягкий мех шубки прикрывал колени, а Лица все не могла согреться. Тело бил озноб. Подумать только: еда и напитки могли быть отравлены. А вдруг она, на плохой аппетит никогда не жаловавшаяся, продегустировала бы предназначенное Макарову блюдо?..

Даже если бы старший следователь Владимир Седов был не в курсе относительно того, что уходящий год – високосный, положение дел в прокуратуре всенепременно заставило бы его сделать именно такой вывод. Граждане воровали, убивали друг друга и совершали прочие правонарушения с особым остервенением. Количество находящихся в производстве дел возросло почти в два раза. Но ведь и следователи не двужилые. В начале зимы, неожиданно теплой, Володя Седов загрипповал так, что пришлось две недели провести на больничном. Только вышел на работу – и вот тебе, пожалуйста, его сосед по кабинету Коля Смирнов начал чихать и кашлять так звучно, что, казалось, стены могут рухнуть.

– Старик, подежурь за меня сегодня ночью? Что-то я совсем расклеился, – попросил Коля, хватая ртом воздух. Нос его функционировать явно отказывался.

Седов сразу же согласился. Кольке сейчас действительно лучше всего отправиться домой, хлопнуть рюмку водки и завалиться спать под теплым одеялом. Конечно, он сам тоже нашел бы, чем заняться вечером. С другой стороны, подруга Люда, не выдержав суровых следовательских будней, давно сбежала назад к родителям. Так что расстраиваться по поводу его ненормированного рабочего дня вроде как некому.

– Ничего, бог даст, ночь пройдет спокойно, – решил Володя, заваривая себе чаю покрепче. – А я хоть бумаги в порядок приведу, на писанину вечно времени не хватает.

Как же он ошибся! Вначале дежурной бригаде пришлось отправиться домой к милым перепуганным старичкам, решившим, что их квартирант отдал богу душу. Но там все оказалось проще и сложнее одновременно. Формально парень остался жив, медики успели его откачать после передозировки наркотиков. Но всем же хорошо известно: наркоманы – это живые трупы, их контакт с милицией и небесами – просто вопрос времени.

Посоветовав старичкам поскорее отделаться от незадачливого квартиранта, Володя вернулся в прокуратуру, сел за отчет, однако через 15 минут последовал новый вызов.

Услышав адрес, Седов присвистнул:

– Но это же не наш округ!

Оперативник Паша лишь пожал плечами:

– Та бригада сейчас работает на убийстве...

Вот так, из-за стечения массы случайных обстоятельств в производстве Владимира Седова оказалось еще одно дело – об убийстве 52-летнего предпринимателя Сергея Макарова. Результаты предварительной экспертизы давали право именно на такую формулировку. В бокале шампанского Сергея Макарова оказалось сильнодействующее снотворное. По результатам вскрытия, это же вещество обнаружено в организме покойного.

Накануне, начиная опрос свидетелей, веселившихся в загородном коттедже, Владимир Седов не сомневался: как только все бумаги будут оформлены, он передаст дело своим коллегам. И пусть у них голова болит, кто и зачем решил спровадить на тот свет гражданина Макарова. Однако, когда выяснилось, какой фитнес-центр организовал трагически закончившееся празднество, память Седова услужливо напомнила ему о встрече, произошедшей полгода назад.

С бывшим однокурсником Артемом Сидоренко Володя столкнулся в кафе.

– Ты куда исчез? Что-то тебя не видно, не слышно! – обрадованно воскликнул Седов. – Время есть? Давай пива попьем, что ли?

Артем охотно согласился:

– Давай. Это сколько лет прошло, как мы не виделись? Года четыре?

– Шесть! А ты, старик, совсем не изменился. Чем занимаешься?

Неудивительно, что Седов ничего не слышал о Сидоренко, гордости их выпуска юрфака. На госслужбе он ни дня не проработал, сразу же устроился в частную структуру и успел дослужиться до должности начальника службы безопасности крупного банка.

– Работа непыльная, зарплата высокая, – рассказывал Артем. – На жизнь хватает. Вот, глянь за окно.

Там стояла темно-зеленая «БМВ» – мечта любого мужчины от 20 до 70 лет...

– Новенькую брал, в салоне, – радостно сообщил Артем. – Теперь на трассе всех «удельываю». А ты как?

– На «БМВ» пока не заработал, – развел руками Седов. – Ты же знаешь нашу службу. Приятного мало. Денег тоже. Но кто-то же должен этим заниматься. Знаешь, я про тебя часто вспоминал. Ты ведь был лучшим студентом, тебя все преподаватели хвалили. Прости, Артем, но не с твоими мозгами в службе безопасности работать.

Однокурсник сказал что-то банальное, вроде того, что честь мундира –

это, конечно, прекрасно, но рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше...

– А ты сдал, Володька. Разъелся, расплылся... Надо брать себя в руки, – по-дружески посоветовал Артем. – Меня, в общем, тоже «понесло», но я вовремя сориентировался, купил абонемент в фитнес-центр «Мир спорта». И проблема лишнего веса быстро исчезла.

– Дело это хорошее, – не стал спорить Седов. – Но, работая в прокуратуре, ни на что времени не остается. Я забыл, когда с женщиной последний раз встречался. Какие уж тут тренировки!

Вот так они тогда поговорили. А память у Седова была феноменальная. Любые подробности могли в ней храниться годами, чтобы потом в нужный момент возникнуть словно по мановению волшебной палочки.

Артема Сидоренко не оказалось среди тех, кто накануне вечером веселился в коттедже. Неудивительно. Седов помнил: при всей своей внешней открытости и коммуникабельности однокурсник всегда был себе на уме. Во всяком случае, шумные студенческие застолья он, как правило, игнорировал. Тем не менее следовательно не ошибся: бывший однокурсник действительно значился в числе клиентов «Мира спорта». И, узнав это, Володя вдруг принял решение задержать у себя материалы по делу Макарова. Он очень рассчитывал на помощь Артема. Пусть тот и с презрением относится к госслужбе, но мастерство, как говорится, не пропьешь. Сидоренко блистал на юрфаке, и блистал заслуженно. Наблюдательный, с острым умом, развитым логическим мышлением и невероятной интуицией – он без проблем получил свой «красный» диплом, обогнав всех, в том числе, чего уж греха таить, и его, Владимира Седова... И если только причины убийства Макарова надо искать в фитнес-центре – от глаз Артема просто не могли укрыться важные подробности.

Артем появился в кабинете Седова, как и обещал, через полчаса после телефонного звонка.

Сидоренко предпочел сразу же перейти к сути вопроса:

– Что случилось? Старик, ну ты даешь! Новый год через пару часов, а ты мне все планы ломаешь.

– Прости. Конечно, если бы у меня не было серьезной причины – я бы не стал тебя беспокоить. Ты уже знаешь о смерти Сергея Макарова? Он ходил в тот же спортклуб, что и ты.

Артем присвистнул:

– Нет, конечно. Для меня эта новость как гром среди ясного неба. Он же вчера, кажется, на тренировке был. Да, точно: я его видел, мы в дверях столкнулись, я выходил из спортзала, он входил...

– А после тренировки он отправился на вечеринку, организованную фитнес-центром. В его бокал кто-то подмешал сильное снотворное. Он пригласил девушку потанцевать и вдруг рухнул как подкошенный.

– Ну и дела, – Артем нервно поднялся со стула и принялся мерить шагами небольшой прокуренный кабинет Седова. – Стоп, старик! Но ведь территориально – это же не твой округ. Тебя-то туда каким ветром занесло?

Седов коротко изложил ситуацию:

– Я собирался отдавать дело. А потом вспомнил наш с тобой разговор. И решил, что если в спортклубе какие-то проблемы – то ты не можешь об этом не знать.

– Да брось ты, – Артем раздраженно махнул рукой. – Какие там могут быть проблемы? Какую штангу потаскать сегодня, какую группу мышц проработать, какой коктейль навернуть, чтобы мышечная масса быстрее увеличивалась? Ах да, некоторые еще девок там кадрят. Но последнее к Сереге вроде не относилось. Хотя девочки возле него так и вились – и клиентки, и инструкторши...

– Ты мне поможешь? – прямо спросил Седов, вертя в пальцах сигарету. Артема всегда раздражал сигаретный дым, поэтому Володя не закуривал, а хотелось, ой как хотелось... – У тебя есть какие-нибудь соображения по этому делу?

Артем взорвался:

– Старик, ты такой, прости господи, взбалмошный! Ты меня выдернул из очереди в кондитерской. Сообщил, что Макарова замочили. И чего теперь ждешь? Что я скажу – убийца такой-то?! Зачем тебя вообще понесло в этот спортклуб? Бумажки спихнул кому надо, дело-то территориально не твое – и вперед с песнями. Новый год праздновать!

Володя встал со стула и протянул Артему руку, давая понять, что разговор закончен. А потом все же не выдержал, сорвался на крик:

– Извини, что побеспокоил. Темыч, сукин ты сын! Просто я же, черт возьми, все помню! Как мы конспекты друг у друга переписывали! Как ты девчонок ко мне водил, когда родители на дачу уезжали. Помню, как ты за меня лабы писал и задачи решал. У тебя ж башка работает, как компьютер, ты за одну пару и свой вариант успевал решить, и мой. Я думал: студенческая дружба не ржавеет. Ошибся. С кем не бывает! Давай, вали к Новому году готовиться. Я тебя повесткой вызову после праздников. Я ведь дело это не брошу...

– Ладно, хрен с тобой, – сквозь зубы процедил Артем. – Хочешь найти убийцу – ты его получишь. Не вопрос! Счастливо оставаться! Но если ты на друзей так орешь – то что уж ловить подследственным...

– Прости, пожалуйста. С праздниками тебя наступающими, – примирительно заметил Седов.

– Тебя тоже!

Когда за Артемом закрылась дверь, он довольно потер руки. Что ж, дело сделано, Артем ему поможет. А если еще и Люда накануне праздника перестанет дуться, то можно будет сказать, что год заканчивается совсем неплохо. Только надо успеть заехать ей за подарком. И торт хорошо бы купить. Ну и что, что в кондитерских очереди. Постоит, ничего с ним не случится...

Когда куранты пробили двенадцать, вся Москва на секунду замерла в осознании: вот пришел Новый год, и пусть он будет счастливым, пускай исполнятся самые заветные желания...

Лишь в одной старой московской квартире с бордовыми портьерами и массивной хрустальной люстрой собравшиеся за праздничным столом люди не загадывали никаких желаний. Потому, что то, чего им хотелось, уже произошло. Счастье и умиротворение царили в их душах. Ведь в числе тех, кто сейчас встречает Новый год, нет Сергея Макарова. И больше никогда не будет. Его смерть стала самым лучшим подарком. Долгожданным и желанным – а потому особенно ценным...

Глава 2

Ли́ка Вронская с трудом дождалась 3 января – даты открытия клуба после новогодних праздников, – чтобы отправиться на тренировку. Ей не терпелось узнать подробности об убийстве Сергея Макарова, который, бедолага, умер второй раз – на страницах ее детектива.

Как обычно, войдя в клуб, она поболтала с Машей, получила в обмен на карточку ключ от шкафчика в раздевалке на зеленом браслете, надела спортивный костюм и направилась в спортзал. Проходя мимо ресепшн, она обратила внимание: открыв рот, Маша изучала тренажерный зал, отделенный от холла большим стеклом. Ее мечтательный взгляд был устремлен на что-то терпеливо объясняющего Вячеслава Кулакова и клиента клуба Виктора Комарова, тридцатилетнего симпатичного менеджера по продажам. Неизвестно, как у него обстояли дела с продажами, но вот внешностью его природа не обделила – высокий рост, атлетическое телосложение, темно-русые вьющиеся волосы до плеч, которые он на время тренировки стягивал в хвост.

«Бедная Машка, – с сожалением подумала Ли́ка, толкая тяжелую дверь в зал. – Так вся жизнь и пройдет в созерцании красивых мужчин, покорить которых у нее нет никаких шансов...»

Мужчины как по команде повернули к ней головы.

– Ли́ка, звезда моя! – проворковал Вячеслав.

Виктор дежурно кивнул:

– Мое почтение!

Вспомнив, как не удержалась от поцелуя, Ли́ка слегка покраснела и демонстративно отвернулась от Вячеслава. Он все понял: и ее смущение, и сожаление по поводу произошедшего. И с деланным равнодушием продолжил что-то вполголоса объяснять Виктору.

«Какая все-таки я стерва, – горестно подумала Ли́ка, и от раскаяния схватила гантели куда тяжелее тех, с которыми она работала обычно. – Впрочем, может, Слава привык, что женщины затаскивают его в постель, а потом равнодушно выставляют вон. Так что я в какой-то степени поступила честнее. Подумаешь, случайный поцелуй... Хотя все равно не следовало напрасно кружить ему голову. Ну да ладно, несть числа количеству девушек, которые захотят его утешить... Той же Машке куда хуже. Ей явно нравится Виктор, но он никогда к ней не прикоснется. Иначе Маргоша ему выцарапает его замечательные карие глазки...»

О романе Виктора Комарова и Марго Луниной знал весь «Мир спорта». И как было не знать, если они познакомились в спортзале. Вначале – Танюша Добротворская все Лике разболтала – Марго подкатывалась к Сергею Макарову. Но это выглядело, по крайней мере, логично: они практически ровесники, принадлежали к одному кругу людей – тех, кто высоко забрался, причем исключительно благодаря собственному труду и настойчивости. Однако что-то там у них не сложилось, и Марго, – к большому Танюшину горю, так как она сама засматривалась на Комарова, – положила глаз на Виктора.

– Она с ума сошла, он ей в сыновья годится, – сокрушалась Таня, отводя душу в беседе с подругой. – Марго хорошо выглядит, но от этого ее «полтинник» никуда не исчезает...

Лика философски заметила:

– Любви все возрасты покорны.

– Если это любовь – то я трамвай, – мстительно сообщила Таня, ероша ежик густых черных волос. – Он пользовался самой дешевой карточкой – только на дневное время. Марго сразу же купила ему «золотой» абонемент. А еще у него появилась новая машина.

Лика изо всех сил старалась утешить подругу:

– Значит, он просто жиголо. И тебе не стоит расстраиваться из-за того, что все так случилось.

Но от глаз Лики не укрылось, что, когда Таня видела, как Марго и Виктор вместе появляются в «Мире спорта», ее обычно смуглое лицо становилось бледным. Правда, случалось это довольно редко. Марго руководила холдингом, в который входили крупные магазины и производственные предприятия, а заниматься бизнесом – это посложнее, чем пресс качать. Виктор же из спортзала, казалось, не выходил, из чего Лика сделала вывод, что к делам у него нет никакого желания – иначе Маргоша с ее широкой душой уж наверняка устроила бы молодого любовника на более престижную работу, чем должность менеджера в каком-то мебельном салоне.

За размышлениями тренировка пролетела незаметно. Попрощавшись с Виктором и Вячеславом, Лика вернулась в раздевалку и достала из сумки купальник. Обычно времени на бассейн у нее не хватало, но теперь, когда торопиться некуда, можно и поплавать. К тому же ей хотелось с кем-то обсудить подробности убийства Сергея Макарова, а Виктор и Вячеслав были целиком поглощены тренировкой.

Единственным посетителем бассейна в то утро оказался Андрей Хлестов, молодой, коротко стриженный парень. Лика его слегка

побаивалась: гора мышц, плюс туповатое выражение лица, плюс красноречивые фразы, которые он бросал в трубку сотового телефона: «Ты забей пацанам «стрелку», вечером мы подрулим и побазарим...»

Но на безрыбье, как говорится... Лика спустилась в бассейн и, наслаждаясь теплой водой, подплыла к Андрею.

Он сам начал разговор с интересующего Лику вопроса:

– Ну и дела, Макарова замочили, слышала?

– Даже видела, – призналась Лика. – Какие-нибудь новости знаешь?

– «Бабки» у него серьезные крутились. В натуре. Наверное, кому-то конкретно дорогу перешел.

«Иногда мне кажется, что инопланетяне уже прилетели на Землю, – подумала Лика, перебираясь на соседнюю дорожку. – Они давно среди нас. И я их не понимаю...»

Проплыв по периметру небольшой бассейн, она заскочила в сауну и с наслаждением растянулась на полке. Однако Андрей разыскал ее и там.

– Может, отдохнем культурно?

– Прости, много работы в ближайшие дни, – соврала Лика. Не пускаться же в объяснения по поводу того, что у них разные представления об отдыхе и о культуре.

– А ты прикольная, – не отставал Андрей. – Обычно люди в натуре в сауне расслабляются. А у тебя лицо такое серьезное. Ты по жизни такая серьезная девочка?

Лика кивнула:

– Ага.

А про себя подумала: «Нет, только тогда, когда обдумываю убийства...»

Потом то ли от жары, то ли от большой нагрузки, ей сделалось как-то не по себе.

«Морально ли описывать смерть людей, которые живут и здравствуют? Ведь мысль материальна. Хотя книга – это же плод моего воображения. Это фантазия. Нет, она не может причинить вреда», – подумала Лика, слегка успокаиваясь.

Позднее, вспоминая этот эпизод, она поймет: то была интуиция, пытавшаяся ее удержать от необдуманного поступка. Но в споре логики и интуиции последняя всегда проигрывает. Потому, что у нее никогда нет никаких аргументов. Ее надо просто слушать. А Лика ее не услышала...

2

Человек, нервно мерявший шагами комнату старой московской квартиры, был очень взволнован. Ему казалось: все продумано до мелочей. Все прошло хорошо. И вот – такая осечка. Виктор сказал очень опасную фразу. Понял ли он сам ее смысл? Не известно. Но с ним придется покончить. Слишком велик риск, что все раскроется.

– Мы выстроили идеальную схему, – в сердцах сказал он, глядя в лицо своему собеседнику. Старинный интерьер комнаты впервые показался зловещим... – Никто ничего не подозревает. Я был просто в шоке. Виктор – он же тупой, как пробка. Все, что он может – пресс качать и трахать цепляющихся за молодость женщин...

– Наивные дети всегда видят голых королей...

Маргарита Лунина сидела за рулем своего джипа и курила сигарету за сигаретой. По ее лицу текли слезы. Они были правы, черт возьми, они оказались совершенно правы, ее подруги, говорившие: нельзя строить серьезных отношений с мальчишкой, который по возрасту годится ей в сыновья.

День не заладился с самого утра. Вначале секретарша не смогла обеспечить встречи, о которых ее просила Марго. В стране, видите ли, рождественские каникулы, поэтому нет никаких возможностей дозвониться до основных поставщиков. За что она тогда ей, спрашивается, платит большую зарплату? Разумеется, за то, чтобы всегда получать желаемое, несмотря ни на какие каникулы, цунами и наводнения вместе взятые.

Потом Марго обнаружила, что забыла дома документы, которые планировала просмотреть. С нового года менялись принципы уплаты налога на добавленную стоимость при торговле с некоторыми странами СНГ, и их необходимо срочно изучить, но вся нормативная база осталась дома, в черной папке, которую она не захватила с собой.

Чертыхаясь, она поехала домой, и тут... Слезы опять потекли по ее лицу, и Марго в раздражении вытащила из пачки еще одну сигарету.

Она снова представила себе сцену, омерзительную в своей банальности: Виктор как раз выходил из душа, с белоснежным полотенцем вокруг крепких загорелых бедер. А в спальне, в ее роскошной спальне, на потолке которой вспыхивали лампочки-звезды, на постели – их, как полагала Марго, постели – разлеглась молоденькая девчонка. На секунду застыв как изваяние, Марго бросилась на незнакомку и крепко вцепилась ей в волосы.

– А ну выметайся отсюда, кошка драная, – заорала она.

– А ты – молодящаяся старуха! – не осталась в долгу девчонка.

Виктор попытался оправдаться:

– Дорогая, это не то, что ты подумала.

Марго, отпустив девчонку, отвесила ему пощечину, потом выругалась:

– Какая, к чертовой матери, дорогая! Ты тоже выметайся отсюда, кобель недоделанный. Быстро!

Воспользовавшись предоставленной свободой, девка схватила свои тряпки и пулей выскочила из квартиры. Марго же метнулась к шкафу, схватила пару костюмов, скомкала рубашки, майки, свитера – все, что

попалось ей под руку, и выбросила одежду за дверь. Туда же выставила робко упирающегося Виктора, щелкнула замком, и через глазок наблюдала за ним – растерянным, полуголым. Потоптавшись на пороге, он нерешительно позвонил:

– Убирайся! – прорычала Марго.

– Там где-то был мой телефон, – робко сказал Виктор. – И ключи от машины...

– Я сейчас покажу машину! Пусть тебе девки твои машины покупают! – закричала Марго.

Подумав, она все же выбросила за дверь мобильник. Пусть вызывает такси и убирается к чертовой матери. Вот соседи, должно быть, веселятся, наблюдая через глазки за происходящими событиями.

Дождавшись, когда Виктора увезет желтая «Волга», Марго позвонила домработнице и попросила ее срочно приехать.

– Особое внимание уделите уборке спальни. И обязательно поменяйте белье, – ледяным голосом попросила Маргарита. Потом она взяла ту самую черную папку с документами по НДС, побродила по квартире в поисках шубы и, обнаружив ее на себе, аккуратно заперла дверь и спустилась к машине.

«Все хорошо. Я спокойна. Я спокойна», – твердила она себе, заводя двигатель.

Но нервы все же не выдержали.

– Сукин сын! – забормотала Марго, и потянулась за сигаретой. – Чего ему не хватало, подонку! Они были правы, мои подруги...

Но долго плакать Марго не привыкла. У нее на это просто не хватало времени. К тому же пока она рыдала, в голове сложился примерный план действий. Да, уже совершенно понятно, что следует предпринять.

Накануне Виктор ей сообщил о том, что Сергей Макаров умер. И, хотя Марго подсознательно всегда ждала этого известия, оно все же ее удивило. Нет, ей не было жаль Сергея. Он вел себя как последний мерзавец. Две недели они не вылезали из койки, позабыв о бизнесе, как беззаботные подростки. Но как-то вечером он, безо всяких объяснений, просто не открыл ей дверь. На звонки не отвечал. Он не оставил ей выбора. Марго должна была отомстить... С той поры прошло более полугода, она уже почти забыла о том средстве, к которому прибегала. И вот оказалось, что оно все же действует. Отлично. Подействовало один раз – подействует и второй. О, Виктор еще пожалеет о том, что так с ней обошелся...

Подправив макияж, Марго нажала на газ, и мощный джип «Тойота Ландкрузер» полетел по своему привычному маршруту – в офис.

Через двадцать минут Марго, деловитая и собранная, уже сидела в кабинете и изучала документы. Притихшая секретарша принесла ей кофе, потом робко сообщила, что кое-кого из поставщиков ей все же удалось разыскать, и они будут в офисе с минуты на минуту.

– Отлично, – промурлыкала Марго. – Можешь ведь, когда захочешь. Надеюсь, впредь мне не понадобится повторять тебе дважды.

– Конечно, Маргарита Сергеевна, – тяжело вздохнув, согласилась девушка. От ее внимания не укрылись покрасневшие глаза шефини, но о причинах она предпочла не спрашивать, себе дороже выйдет.

Между тем настроение у Марго потихоньку улучшалось. Она выяснила, что выигрывает от уплаты НДС по стране назначения 18 процентов, так как теперь налог будут платить покупатели ее продукции. Да и поставщики, у которых она закупала сырье, согласились работать без предоплаты, а это большая выгода, деньги не придется изымать из оборота. К тому же мэрия наконец выделила здание для очередного магазина. Конечно, помещение в аварийном состоянии, но она без проблем отобьет все вложенные в ремонт деньги – район оживленный, конкурентов особо нет, а значит, покупатели рекой потекут в новый магазин.

Затем она извлекла фотографию Виктора из стоявшей на столе рамки. Как же он все-таки хорош, в ярко-красном лыжном комбинезоне, на фоне альпийских снежных вершин...

«Был хорош», – равнодушно пробормотала Марго, опуская в сумочку его фотографию. Итак, последний визит, и с делами на сегодняшний день будет покончено. Потом можно забраться в джакузи и помечтать о чем-нибудь приятном: увеличении прибыли или новом мужчине. Почему бы и нет, собственно говоря?..

В квартире гадалки, отметила Марго, ничего не изменилось: тот же мужчина в инвалидной коляске открывает дверь, те же пучки с травами развешаны по стенам, старинные книги на полке, наполовину оплавленные свечи в тяжелых литых подсвечниках.

Полгода назад она пришла сюда, охваченная недоверием. В самом деле, ну не смешно ли: найти листок с объявлением «Магия, колдовство, снятие порчи» возле домофона той самой двери, которую не желал открывать Сергей, и приехать сюда, в старенькую «хрущевку», с мыслью о том, как бы известить Макарова, и при этом ни секунды не веря в то, что это получится.

Теперь же Марго владели совсем другие эмоции. На языке бизнеса это называется: партнер подтвердил свою надежность, с ним можно работать...

Как и в прошлый раз, ей пришлось подождать в комнате, оклеенной

синими обоями с серебряными звездами, минут десять. Наконец, дверь распахнулась и на ее пороге появилась высокая полная женщина с длинными волосами, в черном балахоне с золотистыми разводами.

– Как? Опять вы? – удивилась женщина, зажигая свечу.

Гадалка прекрасно помнила эту посетительницу. Она отличалась от тех, что к ней обычно обращаются. Как правило, женщины хотят вернуть загулявших мужей, приворожить возлюбленных, снять венец безбрачия, сглаз или порчу. Эта же мадам пришла по более серьезному поводу. Она протянула фотографию мужчины и четко, внятно произнесла:

– Я хочу, чтобы его не стало. Вы можете это сделать?

Гадалка мысленно перекрестилась. Перед ее глазами тут же возникло видение: женщина звонит в дверь, потом плачет, затем отрывает листок с номером ее телефона...

– Он меня очень обидел. Он должен умереть, – тем временем продолжала посетительница.

– Вы его любите?

Женщина лишь неопределенно пожала плечами:

– Ну какая вам разница? Вы можете мне помочь с решением этого вопроса или он выходит за рамки вашей компетенции?

«Глупая, глупая женщина, – думала гадалка. – Никогда нельзя причинять зла другим людям – оно вернется к тебе в сто раз более сильным и мощным, и небо покажется с овчинку. Поэтому я никогда не выполню твою просьбу...»

Ради любопытства она все же взглянула на протянутую фотографию. И в глазах сразу же стало темным-темно. Этому мужчине недолго осталось ходить по белому свету. Гадалка увидела, как вокруг него словно сжимается черная зловещая петля, которая вот-вот раздавит его, и нет никаких сил, чтобы помешать этому свершиться...

Ей тогда были очень нужны деньги, мужу требовалась срочная дорогостоящая операция на позвоночнике. Поэтому, поколебавшись, гадалка сказала:

– Хорошо, я выполню вашу просьбу...

И вот – новая встреча.

– Спасибо вам большое. Все получилось, – сказала Марго. – Но я пришла не только за тем, чтобы вас поблагодарить. У меня для вас есть новая работа.

Привычно щелкнула сумочка, и холеная ручка Марго извлекла оттуда фотографию Виктора.

В этот раз гадалке даже не пришлось брать фотографию в руки. Запах

крови, сильный, терпкий и безнадежный, ударил ей в ноздри. Отшатнувшись, она закрыла глаза. Смерть уже протягивала к парню свои костлявые руки, ему оставалось совсем немного...

– Этот человек умрет, – очнувшись, сказала гадалка.

– Очень хорошо, – и Марго опустила на столик конверт с купюрами.

– Подождите, – запротестовала гадалка. – Я хочу вам сказать, что даже дурные мысли – это большой грех. Понимаете? Вы можете накликать беду...

Марго солнечно улыбнулась:

– О, не беспокойтесь! Мне не привыкать к проблемам, разберусь уж как-нибудь. Спасибо и до свидания...

После ухода Марго гадалка склонилась к фотографии, так и оставшейся лежать на столике. Да, она видит кровь, но за кровавым месивом не разглядеть того, кто хочет смерти этому человеку. Бабушка рассказывала, что много веков назад колдунье из их рода, умевшей видеть будущее, выжгли глаза. И последующие поколения утратили умение заглядывать на много шагов вперед. Неужели так оно и было?..

– Лика, звезда моя, зачем ты делаешь уже пятый подход? Обычно достаточно двух-трех...

Очнувшись от своих размышлений, Лика поймала озабоченный взгляд Вячеслава. Да, он прав: задумавшись, она все приседает и приседает со штангой, закрепленной в машине Смита, и на ней установлены приличные по тяжести диски, и натруженные бедра уже просто горят огнем. А все дело в том, что книжка засосала ее всю, целиком и полностью. Она живет вместе со своими героями. Умирает вместе с ними. Действительность то и дело переплетается с книжными страницами – написанными или пока еще живущими только в ее воображении.

– Ты начала приезжать в зал по утрам. Почему? – спросил Вячеслав, помогая Лике взять диск для выполнения упражнений по укреплению мышц спины и ягодиц. – Но лучше рано, чем никогда. Главное, старайся тренироваться хотя бы два раза в неделю. Тебя давно не было видно.

Лика попыталась вспомнить, когда она последний раз приходила в «Мир спорта», да так и не смогла. Ночами напролет она писала детектив. Потом спала до полудня, машинально покупала продукты, заталкивала одежду в стиральную машинку, раздражаясь от того, что все эти бытовые мелочи отнимают массу времени.

Все, что Лике было нужно – поскорее погрузиться в придуманный ею мир и понаблюдать за тем, что там происходит. На каком-то этапе герои начали действовать, не считаясь с авторским замыслом, и Лику это пугало и веселило одновременно.

«Это шизофрения или графомания?» – думала она, отрываясь от книги лишь для того, чтобы выпить чаю и съесть бутерброд.

Немного поколебавшись – не засмеет ли ее инструктор? – Лика призналась:

– Знаешь, Слав, в моей жизни произошли кое-какие изменения. Бросила работу и сейчас пишу детектив.

– Ого, – присвистнул Слава. – Что ж, удачи тебе. Как процесс-то продвигается?

– Благодаря событиям в клубе очень даже активно. Мне стало лень выдумывать сюжет. Решила описать то, что видела. Смерть Макарова, например.

– Жестокая ты девчонка, звезда моя, – Слава провел Лику к тренажеру

экстензии, положил девушке на спину 5-килограммовый диск. – Нет чтобы оставить Макарова в покое – так ты еще раз его убила. Ты просто страшный человек. Эй, не халтурь! Поясницу не прогибай, детективщица!

Обливаясь потом, Лика не без злости заметила:

– Все, Слава, доигрался! Быть тебе на страницах моего нетленного произведения. У меня там еще парочка вакантных мест для покойников... Или для убийц. Что тебе больше нравится?

– Мне... – в голосе Вячеслава зазвучали металлические нотки, – больше нравится, когда ты не болтаешь во время выполнения упражнений. У тебя сбивается дыхание, и ты начинаешь халтурить...

Закончив сет, Лика подождала, пока Вячеслав снимет с ее спины диск, и соскользнула на пол.

– Иди прямо и не оборачивайся! – шутливо приказал инструктор. – Я сказал, не оборачивайся, звезда моя!

В спортзале появилась Таня Добротворская. Видимо, она только что закончила проведение тренировки, так как ее красные шортики и топик потемнели от пота.

– Лика! Нам надо срочно поговорить! – выпалила Таня, с трудом переводя дыхание.

Вячеслав грустно констатировал:

– Все, прощай тренировка!

И он не ошибся, девушки, обнявшись, вышли из тренажерного зала и поднялись на этаж выше, где у Тани и других инструкторов были маленькие комнатки, которые они окрестили «сота́ми».

Войдя в комнату, Таня первым делом схватила бутылочку с минеральной водой, сделала несколько жадных глотков, а потом радостно провозгласила:

– У меня отличная новость! Виктор приезжал сегодня в спортзал на старой машине! И он опять пользуется своей карточкой, самым дешевым абонементом. Только дневное время занятий, без сауны и бассейна.

– И что из этого следует? – удивилась Лика.

– Из этого следует, – торжествующе сообщила Таня, – что он снова свободен! Что Маргоша вышвырнула его и забрала назад свои подарочки! Или что ему надоели ее увядающие прелести, и он понял: никакие деньги не заменят свободы выбора!

Лика на секунду задумалась, а потом осторожно заметила:

– Я думаю, они действительно поругались. Но если Виктор продолжает ходить в этот же зал, это означает лишь одно – он хочет помириться с Маргошей...

Таня сразу же сникла:

– Вронская, вечно ты портишь мне настроение...

– Тань, ты же знаешь, что я думаю по поводу Виктора. Он просто альфонс, жиголо. Такие не меняются. Даже если ты запрыгнешь в его кровать, он вышвырнет тебя сразу же, как только на горизонте замаячит очередная Марго...

– Не спорю, – грустно ответила Таня. – Но ведь любовь зла... Да, кстати... Лик, прости, но что с твоим лицом? Ты выглядишь хуже, чем когда на работе полдня проводила перед компьютером.

– Конечно. Потому что теперь я таращусь в монитор не полдня, а целый день... Я пишу детектив.

Солнечная улыбка скрылась за тучкой недоумения.

– Детектив? Странно... Как-то это несерьезно, а, Лика?

Вронская беззаботно рассмеялась.

– А мне все равно, серьезно это или нет. Я не страдаю комплексом Конан Дойля. Он, бедолага, сам очень скептически относился к Шерлоку Холмсу. Рассчитывал войти в литературу как автор приключенческих и научно-фантастических романов. Но кто о них сейчас помнит, кроме маньяков-литературоведов? А детектив – это же так здорово!

Лика даже слегка задыхалась от волнения. Надо объяснить подруге: не бывает низких и высоких жанров. Есть лишь мастерство писателя, окно которого вдруг распахивается в таинственный мир, наполненный интригами, любопытными персонажами и запахами преступлений, и мурашки бегут по спине, и глаза прилипают к страницам, а стрелки часов уже давно мчатся по ночи, но нет никаких сил оторваться от книги...

– Я всегда мечтала о том, чтобы писать детективы. И, ты знаешь, в последнее время так получается, что живые люди словно просят на страницы. Мне стыдно, но... я сделала менеджера Машу Петрову чуть ли не главной злодейкой. Только не говори ей пока ничего, ладно? Она и так сидит за своей конторкой надутая, как мышь на крупу, расстроенная. И...

– Подожди, – прервала Таня монолог Лики. – Ты слышала? Дверь скрипнула...

Лика покосилась на дверной проем. Звуков она, увлеченная восхвалением любимого жанра, не уловила, но дверь в Танины «соты» теперь была приоткрыта.

– А ты ее закрывала? – подозрительно поинтересовалась Вронская.

Таня уверенно кивнула:

– Конечно. Тут и так акустика хорошая. А мне же хотелось посплетничать. Зачем инструкторам знать о том, что я неровно дышу к

Виктору. Дверь была закрыта. Точно закрыта.

Придав лицу устрашающее выражение, Лика загробным голосом провозгласила:

– Ее открыл убийца. Он приходил сюда для того, чтобы отомстить лучшему инструктору «Мира спорта» за слишком жесткую тренировку.

– О, дорогая! – засмеялась Таня. – Я вижу, ты действительно очень увлечена детективом!

Дав клятвенное обещание предоставить свой шедевр для ознакомления сразу же после окончания работы, Лика попрощалась с подругой и заторопилась домой. Компьютер притягивал ее сильнее магнита. В его мегабайтовой памяти, в папке «Смертельный роман», происходили невероятные захватывающие события...

...Канун Нового года, занесенный снегом коттедж, звуки неспешной беседы, и звон бокалов, и тихая медленная музыка... Маша Петрова бросает взгляд на наручные часы. Да – вот теперь. Именно теперь. Все уже кончено. Сергей Макаров мертв. С той поры, как она опустила в его коктейль яд, прошло ровно три часа. Никто не видел, как она принесла ему напиток, спортзал был почти пуст, клиенты разъехались собираться на вечеринку или же просто заниматься своими делами. Он еще улыбнулся ей, ехидно заметив:

– Пончик, не грусти.

Маша тоже улыбнулась. Она-то знала, что больше ему не суждено ни грустить, ни радоваться. А ей чего грустить? У нее железное алиби. В то время, когда Сергей Макаров умрет, она будет в спортклубе завершать свой рабочий день, выключать компьютеры, ставить здание на сигнализацию.

Пончик... Сколько Маша себя помнила – в ее адрес звучали именно такие прозвища. Пончик, булочка, пышечка. Или жиртрест – но это уж совсем безнадежно, как удар хлыста наотмашь. Если бы кто-нибудь только знал, как это невыносимо: понимать, что твоя фигура притягивает брезгливо-удивленные взгляды. Если бы эти люди могли представить, сколько усилий она прикладывала для того, чтобы похудеть! О диетах и комплексах упражнений Маша знала все. Она неделями питалась одной морковью, она пробегала в день минимум по пять километров, вставая рано-рано, еще до рассвета, чтобы как можно меньше прохожих стали свидетелями ее мучений. Но все это не приносило ни малейшего результата. И с каждым годом стрелка весов показывала все более и более неприличные цифры. «У вас плохой обмен веществ. Это особенность вашего организма. Смиритесь», – в один голос твердили

врачи.

Разве с этим можно смириться? Девчонки в старших классах вовсю бегали на свидания, а Маша сидела дома. Сокурсницы влюблялись, гуляли ночами, делали аборты, а Маше в лучшем случае доставалась роль внимательной слушательницы.

Конечно, если бы не отец, ее никогда не взяли бы на работу в элитный фитнес-центр.

Ей хватило силы воли над этим поиронизировать:

– Папа, а у тебя нет знакомых в более приличествующем моей фигуре месте? Например, в магазине для полных?

Отец улыбнулся и отрицательно покачал головой. Маша тоже улыбалась, чтобы его не расстраивать, говорила, что очень довольна работой. Хотя ей больше всего хотелось плакать за своей конторкой, где надо выдавать ключи от шкафчиков красивым стройным мужчинам и женщинам. Нет, порой встречались такие же полные клиенты, как и она. Сквозь огромное стекло Маша наблюдала за тем, как они тренируются, как исчезают их жировые складочки, как свободные костюмы сменяют облегающие маечки. Только в ее жизни все оставалось по-прежнему. Точнее, в ее жизни по-прежнему не было ничего – ни любви, ни поцелуев, ни секса, ни-че-го.

Глянцевые журналы вызывали у Маши истерику. Какой бред там пишут. Быть нестандартным – это хорошо! Выделяться из толпы – это отлично! Мужчины любят не за фигуру – это факт! Какая же это все ерунда!!! Нынешний мир живет стереотипами. И мыслит стандартами. Любовь, как гончий пес, устремляется к узкому колену, тонкой щиколотке, стройной талии. Желание менее разборчиво, его может взбудоражить и полная грудь, и широкие бедра, и аппетитная попка. Но если ты больше, намного больше всех этих стандартов – ты остаешься на обочине жизни. Если носика не видно из-за тугих щек, если тройной подбородок свисает на грудь, если вместо ног, коленок, талии только одно – жир, жир и еще раз жир, то... То, в общем, все. Не о чем говорить, не на что рассчитывать, мечты и фантазии не могут даже разбиться, потому что разбивается то, что существует... И все равно Маша часами могла разглядывать «Вог» или «Космо»...

Мама родила ее рано, в двадцать лет. И теперь, когда ей «сороковник», на ее фигуру заглядываются, но это так, к слову. Собственное двадцатилетие стало для Маши приговором. Все было, как всегда – подарки родителей, торт с обезжиренными сливками, диетическая кока-кола. Все было невыносимо. Маша не могла отделаться

от мысли о том, что в ее годы у родителей появилась она, Машка. А у нее до сих пор не случилось ни одного мало-мальски серьезного события. Она даже с мальчиком ни разу не целовалась. И нет таких слов, чтобы описать, как же это больно.

После того дня рождения в ней что-то сломалось. Словно бы прожектор надежды, робко обещавший счастье, потух навсегда.

– Хороша наша Маша, с каждым днем она все краше! – протягивая ей карточку, как-то совсем некстати пошутил Сергей Макаров.

«Понятно, – мрачно подумала Маша, – не может промолчать. Ну прибавила я еще три кило. Ему-то какая разница! Зачем об этом постоянно напоминать?!»

Ярость закипела в ее груди так сильно, что она начала задыхаться. Ярость и ненависть к этим мужчинам, таким красивым, желанным и недостижимым.

Что ж, пусть ей не дано вызвать их любовь. Зато она заставит их почувствовать страх. Говорят, что перед смертью становится очень, очень страшно...

Выбор способа убийства не вызвал у Маши никаких затруднений. Когда все время пытаешься обуздать выпирающую из джинсов плоть – поневоле сделаешься фармацевтом. Она знала, что в сочетании с белковым коктейлем некоторые препараты становятся смертельно опасными. Бар в фитнес-центре закрывался раньше тренажерного зала на час, поэтому Маше оставалось только ждать, пока затренировавшийся клиент не попросит ее приготовить коктейль...

По той же схеме она отравила Виктора Комарова. И никаких угрызений совести при этом не испытала. Эта копия Антонио Бандераса вечно смотрела на нее, как на часть интерьера. И девушка была немало удивлена тем, что, заказывая свой последний коктейль, Виктор, обратился к ней по имени.

Милиція сбилась с ног, пытаясь вычислить убийцу. Одна из девочек, работавших в баре, не выдержав допросов и подозрений, загремела в больницу с нервным расстройством. А Маша... Она сияла от счастья. Наконец-то в ее жизни стали происходить хоть какие-то события...

Андрей Хлестов в отличие от Виктора и Сергея Маше нравился. Во-первых, он никогда не позволял себе никаких шуток по поводу ее фигуры. Точнее, по поводу полного отсутствия оной. Во-вторых, он приезжал в спортзал на черном тонированном джипе, иногда к нему приходили друзья – такие же коротко стриженные, в черных кожаных куртках, и Маша понимала, что криминальный мир для этих людей – не сюжет лихого

боевика. Зачем, зачем же он начал заигрывать с симпатичной худенькой девочкой? Зачем он попросил: «Маша, приготовь коктейль»?..

Она растерялась, занервничала, и, видимо, он что-то почувствовал. Сделав лишь несколько глотков, Андрей оставил стакан с напитком, ушел переодеваться, а потом растворился в ночи на таком же черном, как ее покровы, джипе. Разволновавшись, Маша забыла вытереть с бокала свои отпечатки...

Следственный изолятор, допросы, суд – все это прошло как в тумане. Маша много плакала. Нет, ей не было жалко себя. Она совершенно не жалела о том, что отправила на тот свет троих мужчин. Даже смерть Андрея Хлестова не оставила у нее никаких чувств, кроме легкой досады. Сам виноват: выпил бы весь бокал – испытал куда меньше страданий. Но ей было безумно жаль родителей, мгновенно постаревших, раздавленных обрушившимся на них горем. И Маша поняла, что на самом деле в ее жизни большое место занимала любовь. Очень сильная и самая нежная – к этим двум людям, отдавшим ей все и не получившим взамен ничего, кроме позора.

Приговор – пожизненное заключение – ее не удивил. Адвокат, нанятый родителями, предупреждал: рассчитывать на снисхождение особо не стоит. Но в тот день, когда она собрала свои нехитрые пожитки, готовясь к отправке в колонию, по тюремной почте ей пришло письмо. «Я сделаю все, чтобы вытащить тебя из тюрьмы. Девочка, ты никогда не знала любви и не останавливалась ни перед какими средствами, мстя за ее отсутствие. И за это я полюбил тебя всей душой...»

Прочитав эту записку, Маша почувствовала, как ее сердце замирает от счастья. Она не знала имени этого человека. Она никогда не видела его лица. И это не имело ровным счетом никакого значения. Потому, что она любила его...

...Дописав последний абзац, Лика посмотрела на часы и ужаснулась. Она не отходила от компьютера восемь часов. Свет настольной лампы стал совсем тусклым в лучах заглядывающего в окна солнца. Поясница ныла так, словно Лика всю ночь разгружала вагоны, а глаза, казалось, были истерты наждачной бумагой.

Тем не менее она сходила на кухню, выкурила там сигарету, потом зачем-то проверила электронную почту, удалила, не читая, целых три письма экс-шефа Андрея Ивановича и лишь тогда упала на постель и провалилась в глубокий сон...

Немногочисленная похоронная процессия, провожавшая в последний путь бизнесмена Сергея Макарова, здорово продрогла на студеном ветру. На лицах присутствующих Артем Сидоренко не заметил скорби. Недоумение, раздражение, может, даже страх – да, они прослеживались. Коллеги Сергея Макарова, очевидно, думали: ну и свинью подложил им на рождественские каникулы их шеф. Сколько было мороки, пока они отвечали на вопросы милиции, потом пришлось долго дожидаться разрешения забрать тело из морга, и вот теперь, наконец, все формальности улажены, и дорогой, обшитый черным бархатом гроб, готов опуститься в могилу.

Вот он, финал жизни – два метра кладбищенской земли. И больше ничего уже Сергею Макарову не надо. И никто по этому поводу особо не убивается. Закономерность?

Почувствовав, как его кто-то легонько потянул за рукав пальто, Артем обернулся. Перед ним стояла высокая красивая брюнетка в совершенно не приличествующей ситуации белой длинной шубке.

– Я – Алина. Давайте, может, с вами пообщаемся, пока ждут могильщиков, – сказала девушка.

– Конечно, – и Артем взял ее под руку, чтобы отойти на пару шагов от могилы, подальше от любопытных глаз.

Заместитель покойного Алина Александрова к предложению Артема встретиться отнеслась без особого энтузиазма. В ближайшее время ей предстояло стать во главе компании, так как она владела наибольшим количеством акций. Акции Макарова в связи с отсутствием наследников подлежали реализации между акционерами, и Алина рассчитывала проверить пару комбинаций, позволяющих заполучить контрольный пакет. Сергей Макаров умер, но она-то жива, и ей надо успеть сориентироваться с учетом изменившихся обстоятельств. Меньше всего в связи с этим хотелось в очередной раз отвечать на вопросы о покойном шефе. Поэтому она и попросила, чтобы Артем приехал на кладбище, где необходимо присутствовать в любом случае. А заодно Александрова явно рассчитывала и побыстрее отделаться от навязчивого парня.

– Нас когда-нибудь оставят в покое? – раздраженно поинтересовалась Алина. – Я сорок минут отвечала на вопросы милиции. И вот появляетесь вы. С какой стати?

Артем слегка приврал, что является помощником следователя, но Алина прервала его объяснения просьбой поскорее перейти к сути дела.

Бизнес Макарова, утверждала заместитель, чист и прозрачен как слеза ребенка. В это Артем, уже побеседовавший со своим корешком в налоговой инспекции, верил целиком и полностью.

– Но у вас, кажется, имелись конкуренты? – заметил он.

– Конкуренты, – в низком голосе Алины зазвучали назидательные нотки, – есть всегда. На рынке мы занимаем среднюю нишу. Есть компании, оборот которых позволяет не только реализовывать бензин, но и заниматься производством, размещая заказы на нефтеперерабатывающих заводах. Мы же работали только как реализаторы. В нашем сегменте у нас был только один конкурент – компания, принадлежащая Николаю Плешкову. Он, кстати, ходил в тот же фитнес-центр, что и Макаров. Я ему еще говорила: «Сергей, как ты можешь там тренироваться? С утра бензин, вечером придешь, Плешкова увидишь – опять про дела вспомнишь». А он говорил, что вид конкурента его мобилизует. Конечно, между нашими компаниями бывало всякое. Мы перекупали их сотрудников. Они в отместку умудрились испортить нам отношения с чиновниками, которые лоббировали интересы нашего предприятия.

И тогда Артем задал вопрос, ответ на который, в принципе, сомнений не вызывал:

– То есть конкуренты выиграли от смерти Макарова? Внезапная гибель руководителя компании не может не вызвать осложнений, не так ли?

Алина задумалась. Что ж, с одной стороны, в их бизнесе Макаров действительно играл ключевую роль. Его связи и контакты позволяли быстро решать массу оперативных вопросов. С другой стороны, с его смертью работа компании не прекратится.

– Да, пожалуй, вы правы. Проблемы появятся. Но они разрешимы, – уверенно сказала Алина, и, пожившись от пронизательного взгляда Артема, добавила: – Я думаю, мне удастся нормализовать ситуацию. С Сергеем мы проработали более десяти лет, я многому у него научилась, и в своей способности руководить компанией я не сомневаюсь.

«Да, девочка, похоже, ты ни в чем не сомневаешься. Как ловко ты перевела стрелки на Плешкова, забыв уточнить, что являешься крупным акционером и что в первую очередь смерть шефа выгодна именно тебе», – подумал Артем, а вслух спросил:

– Когда так долго работаешь рядом – волей-неволей становишься свидетелем личной жизни. Расскажите о том, как складывались отношения Сергея Макарова с женщинами.

На минуту бизнес-леди ступала. К ее щекам прихлынула кровь, и стало понятно – мороз тут совершенно ни при чем. Справившись с эмоциями, она заговорила, явно прилагая усилия для того, чтобы ее голос звучал как можно равнодушнее:

– Сергей всегда нравился женщинам. Я в этом плане не была исключением. И из личного опыта могу сказать следующее: он горел, пылал, искрился от чувств дней десять. А потом сказал мне: прости-прощай. Думаю, с другими женщинами он поступал так же. Иногда я видела, как они пытались пробиться в его приемную. Его последнюю девушку зовут Лиза Самойлова. Я ответила на все ваши вопросы?

– Да, спасибо, – поблагодарил Артем, и под звуки стучащей о крышку гроба земли заторопился прочь от кладбища, грустных мыслей и мороза.

Да, думал он, в проницательности Алине не откажешь. Инструктор из тренажерного зала Вячеслав Кулаков рассказал ему о коротком романе Сергея с одной из клиенток, Маргаритой Луниной. Девочка права: наигравшись новой игрушкой, Макаров просто выбрасывал ее из своей жизни, как использованный презерватив. Довольно распространенная мужская привычка...

Приехав домой, Артем сел за компьютер и вошел в Интернет. Официальный сайт компании Николая Плешкова прямо-таки светился оптимистичной уверенностью в завтрашнем дне: на ближайшее время намечается открытие нескольких заправок на МКАД, выигран тендер на строительство АЗС в регионах, крупный инвестор высказал заинтересованность в сотрудничестве. Но анализ размещенной даже в открытом доступе отчетности свидетельствовал о получении за прошлый год сравнительно низкой прибыли. Неудивительно – значительное расширение бизнеса происходило за счет кредитных ресурсов, собственных средств у компании было немного. Необходимость расплачиваться по кредитам вела к появлению все новых и новых долгов.

Артем изложил полученную информацию в виде простых схем и таблиц и послал ее на распечатку. У Николая Плешкова имелись все основания желать смерти своего конкурента. Пока коллеги Макарова будут заняты внутренними разборками, он предложит рынку свою нормально функционирующую структуру, переманит клиентов и поправит таким образом неустойчивое финансовое положение предприятия. Других способов исправить ситуацию у него нет. Тут явно есть над чем подумать следователю Владимиру Седову.

Собирая бумаги, Артем набрал номер своего однокурсника.

– Ну что, старик, могу отчитаться о проделанной работе.

– Приезжай. Я в прокуратуре, – просто сказал Седов.

Четкий, логичный рассказ Артема произвел на следователя большое впечатление.

– Спасибо, – глаза Седова засияли от благодарности. – Видишь, я в тебе не ошибся, ты за несколько дней работы переплюнул всех вторую неделю вкальывающих по этому делу оперов.

Артем улыбнулся и полушутливо спросил:

– Бонд, Джеймс Бонд может считать свою миссию завершенной? Мне кажется, тут возможны два варианта. Бизнес-разборки, инициированные Плешковым. Или месть брошенной дамочки. Последнюю с учетом любвеобильности Макарова вычислить будет проблематично. Есть, правда, одна девочка – два в одном флаконе – бывшая подруга Макарова и его заместитель. Я с ней переговорил. Стерва она приличная. Но по ее довольно милому личику видно – если бы она решила мстить, Макаров мог бы потерять бизнес. Но не жизнь... С Алиной, впрочем, Макаров расстался давно. Его последняя пассия – некая Лиза Самойлова.

– А, пустое... Я уже допросил ее. Никакой информации, и море слез... Наиболее вероятной мне кажется версия конфликта в деловой среде, – щелкая ручкой, задумчиво произнес Седов. – Но тут вот какая штука выясняется. Плешков уехал в Австрию кататься на лыжах. Он возвращается в Москву только через неделю. А это значит, что у него мог быть сообщник, присутствовавший на той самой вечеринке.

– Понятно, – разочарованно протянул Артем. – Бонда ждет новое задание.

– Но ты же все равно ходишь в этот спортзал. И ты можешь заметить то, что нам никогда не скажут в официальной беседе.

Пообещав Седову позвонить, как только удастся выяснить что-либо, Артем попрощался и вышел из прокуратуры. В нем боролись двойственные чувства. Конечно, однокурснику надо помочь. Но все-таки обидно тратить на эту работу – кстати, неоплачиваемую – такую прорву времени...

6

Вскрыть компьютер Лики Вронской не составило никакого труда. Адрес ее электронной почты, добросовестно указанный на визитке, позволил вычислить ай-пи адрес. Дальнейшее с учетом подключения компьютера к Интернету и локальной сети заняло всего полчаса.

Лица застывших перед монитором компьютера людей выражали растерянность и недоумение.

– Невероятно! Неужели Лика что-то подозревает?

– Да ничего она не подозревает! Ты же ее знаешь, у нее все эмоции на лице отражаются, как в зеркале.

– Но сколько совпадений! В детективе те же действующие лица, те же подробности. Она словно шпионила... Знаешь, вначале я не придавал ее словам о том, что она пишет книгу, особого значения. Если бы не одно уточнение. Лика сказала, что на страницах детектива умирает Сергей Макаров, описываются и другие люди, действительно занимающиеся в клубе. Конечно, насторожился. Подслушал, о чем она болтает с Таней Добротворской в «сотах», тогда она чуть подробнее рассказала о своих планах. И все равно – я просто в шоке! Невероятные совпадения, совершенно невероятные...

– Может, это та самая писательская интуиция... Но что же нам теперь со всем этим делать? Книга уже написана, Лика могла успеть отправить ее в издательство. Если я теперь грохну систему – это лишь вызовет ее подозрения. А вдруг у нее есть копия, на дискетах или флэшке...

В ту ночь в окнах старой московской квартиры так и не погасла массивная хрустальная люстра. Когда сквозь тяжелые бордовые портьеры пробрались первые лучи разгорающегося дня, люди приняли следующее решение: реализовать литературную фантазию Лики.

– Да, с Виктором надо кончать. Он язык за зубами держать не умеет. Кстати, я просек, как он догадался. Он ведь художник... Но мы не собирались разделяться с Хлестовым.

– Бандитом больше, бандитом меньше. Какая, в сущности, разница? Зато это хороший способ перевести все стрелки на Лику. Сама пишет, сама мочит. У ментов не возникнет никаких подозрений. Особенно если им помочь с доказательной базой.

– Дописалась, как говорится...

«Зря все-таки я приехала в спортзал, – думала Лика, усиленно наматывая километры на велотренажере. – Сердце бьется как сумасшедшее. Вот они, мои две недели за компьютером. Не осталось совершенно никаких сил».

А в глубине ее души все же плескалось счастье. Оказывается, писать книги – куда больший кайф, чем работать над статьями. Газета живет максимум неделю. А ведь у «покета» жизнь намного длиннее, его может читать вся семья по очереди. Или полпляжа на берегу тихо пенящегося моря. В любом случае это хоть какой-то след в душах людей...

Лика отвела себе еще неделю на вычитку текста. Потом она отправит роман в издательство. На издательском сайте в разделе «Авторам» было указано: рукописи рассматриваются в течение трех месяцев. Кто знает, может, к тому времени, как книгу одобрит издательство, в ее компьютере поселится новый роман...

– Лика, будь другом, принеси коктейль из бара, – попросил Виктор Комаров, обессиленно вытирая лоб полотенцем. – Слава сегодня так зверствует, словно решил в гроб меня загнать.

Лика послушно направилась в бар. Все же ей было слегка неудобно перед Виктором. Какое счастье, что он ничего не знает о том, как коварно она его убила в своей книжке. О чувстве вины перед Машей и говорить излишне. Сегодня она болтала с ней вдвое больше обычного, будто прося прощения за свое литературное творчество.

Коктейль одуряюще пах клубникой. И на вкус – Лика Вронская как-то соблазнилась в баре, а потому знала – он тоже был потрясающим. Только потом ей казалось, что она съела слона. Нет, вся эта химия – не для нее...

Вернувшись из бара, Лика застала Виктора за очередной экзекуцией. Он лежал на скамеечке и выполнял жим штанги от груди. Чтобы не отвлекать его от этого непростого дела, Лика поставила коктейль возле полотенца Виктора и обернулась на свой любимый велотренажер. Увы, его уже занял симпатичный русоволосый парень. Конечно, в зале полно других «великов», но лишь на этом можно удобно опереться спиной о высокое сиденье, а то поясница у нее так и ноет после проведенных у компьютера бессонных ночей...

– Простите, вы скоро закончите? – спросила Лика у молодого человека, беспечно вертящего педали.

Он тут же вскочил, уступая ей место.

– Но я ведь только спросила, – робко заметила Лика.

– Для таких девушек, как вы, этого более чем достаточно. Кстати, это ужасно, но мы ведь не знакомы. Мне кажется, надо срочно исправить эту ошибку. Артем.

Лика пожала протянутую ладонь и с интересом оглядела своего собеседника. Его лицо внушало доверие – правильные черты, открытый ясный взгляд, высокий лоб.

«Нет, все-таки я правильно сделала, что решила выбраться на тренировку», – подумала Лика, с досадой отмечая, что Артем отошел на другой конец зала, к стойке с гантелями.

Однако долго расстраиваться ей не пришлось, потому что как только она подошла к двери, Артем махнул рукой:

– Эй, подожди! Ты уже закончила? В бассейн пойдём?

Вячеслав – Лика могла в этом поклясться – сразу же стал что-то преувеличенно громко объяснять Виктору. Но ведь в конце концов она ему ничего не обещала, верно?

– Конечно, пойдём, – радостно сказала Вронская и заторопилась в раздевалку.

Как здорово, что сегодня она захватила с собой не закрытый темно-синий купальник для плавания, а симпатичный бикини, куда больше открывающий, чем скрывающий...

Переодевшись, она с волнением подошла к зеркалу. Да уж, синяки под глазами не очень-то способствуют флирту.

А Артем так и не заметил злосчастных полукружий бессонницы.

– Какая ты красавица, – восхищенно сказал он, когда Лика бросилась в бассейн.

И ей вдруг стало легко-легко, словно она сто лет знала этого парня. А через полчаса веселой болтовни обо всяких пустяках Лика с удивлением поняла, что не думает о своих синяках под глазами, и о книжке в общем-то тоже. А еще она совершенно позабыла, что раньше ей ни капельки не нравилось общаться с мужчинами в бассейне, сауне и джакузи. Все-таки дистанция между людьми там куда меньше, чем полагается при светской беседе. Теперь же все вдруг стало неважно, кроме направленных на нее голубых глаз...

Лика опомнилась лишь тогда, когда Артем, взглянув на часы, воскликнул:

– Однако! Наши водные процедуры продолжаются уже третий час!

– Слушай, как есть хочется. У меня после бассейна всегда зверский

аппетит.

Артем хитро прищурился:

– Отличный повод пригласить тебя на ужин. Голодная – значит, не откажешься!

– Не откажусь.

Ей почему-то казалось, что с Артемом можно не прибегать к этим извечным женским уловкам: не показывать свой интерес, не сразу соглашаться на свидание, и, разумеется, никакого спонтанного секса.

Он опять ее опередил – поджидал у стойки, где, как гора, восседала Маша.

Подождав, пока Лика обменяет ключ на клубную карточку, Артем нежно полубнял ее за плечи и прошептал на ухо:

– Ты на машине? Тогда пошли я тебя провожу. А вечером пойдем в японский ресторан. Любишь суси?

– Обожаю!

– Эй, Лик, кроссовки потеряешь!

Звонкий голос Тани Добротворской было невозможно перепутать с чьим-либо другим. Подойдя к Лике, она застегнула молнию на ее сумке и многозначительно заметила:

– А вот Артемка в отличие от некоторых посещает занятия аэробики.

Лика засмузилась:

– Танюш, так я же вроде недавно была.

– Ага. В начале декабря.

Артем замахал ладонью:

– Брейк, милые девушки! Только не ссориться. Таня, даю клятвенное обещание – на днях мы обязательно появимся.

«Мы» – это звучало так здорово, что Лика счастливо засмеялась, чмокнула подругу в смуглую щечку и тоже пообещала:

– Да-да, мы придем. Честное слово.

– Знаю я это «честное слово». Пользуешься тем, что мы подружки, – проворчала Таня, но потом так улыбнулась, что стало казаться, будто на хмуром озябшем московском небе вспыхнуло тропическое солнце.

Артем галантно проводил Ликку до машины, сел в припаркованный рядом «БМВ» и сорвался с места, едва та успела завести двигатель. И в этой его мальчишеской стремительности Лике вдруг тоже почудилась хорошая примета...

Ликин «Форд», словно застоявшаяся в стойле лошадка, мгновенно набрал скорость. Мысленно девушка уже стояла перед распахнутым гардеробом, выбирая платья для их первого – и, даст бог, не последнего –

ужина, но от этого приятного занятия ее самым бесцеремонным образом оторвал звонок сотового телефона. Чертыхаясь, Вронская съехала на обочину и заглушила мотор. На время тренировок она брала телефон с собой, а теперь так опрометчиво забыла достать его из спортивной сумки, и крошка «Самсунг» просто разрывался на заднем сиденье. Расстегнув сумку, Лика первым делом обнаружила упаковку витаминов. Не иначе, как кто-то случайно перепутал, машинально отметила девушка, то гель для душа подсунут, теперь вот какой-то пузырек... Отшвырнув в сторону упаковку, она, наконец, разыскала голосащий телефон.

Теперь Танин голос изменился до неузнаваемости.

– Лика... Виктор умер... В клубе милиция... Говорят, ты принесла ему коктейль... Меня попросили с тобой связаться и сказать, чтобы ты срочно вернулась в клуб...

– Хорошо!

Лика нажала на кнопку отбоя, и вновь взялась за руль. Но разворачивать машину не стала. Скорее домой. Скорее избавиться компьютер от своего творения. Которое вдруг вырвалось из мира фантазий в реальность...

Лика и сама толком не знала, какие силы заставили ее жать на газ, чтобы как можно быстрее уничтожить роман. Инстинктивное, иррациональное решение. Это был страх – липкий, безотчетный, неуправляемый...

Может, рукописи не горят. Но вот стираются они отлично. Вся папка с файлами книги мгновенно улетела в «Корзину», откуда Лика не преминула ее стереть вновь. Потом она вошла в настройки, изменила время последнего включения машины, уничтожая любые напоминания о романе.

Избавление от плода бессонных ночей не вызвало у Лики особой боли. Опасаясь возможных вирусов и сбоев системы, она методично отправляла написанные главы в свой бесплатный ящик на «Яндексе» и поэтому не сомневалась: при желании текст можно без проблем восстановить.

Как только экран монитора погас, в ее дверь позвонили.

– Откройте, милиция! Почему вы не вернулись в фитнес-центр? Мы хотим обыскать вашу квартиру.

Лика, в отчаянии закусив губу, распахнула дверь. К ее удивлению, два молоденьких милиционера, не разуваясь, рванули к компьютеру.

– Мы изымаем ваш системный блок.

– Да ради бога, – пожала плечами Лика. – А в чем, собственно говоря, дело?

Не утруждая себя объяснениями, милиционеры принялись копаться в

ее вещах, попутно выясняя, почему она не вернулась в «Мир спорта».

Ли́ка путалась, краснела и бледнела, лепетала что-то маловразумительное.

– Вам придется поехать с нами. Все видели, как именно вы принесли гражданину Комарову коктейль. Он закончил тренировку, потом пошел на массаж, а затем прямо в раздевалке у него остановилось сердце...

Набросив шубу, Ли́ка в сопровождении милиционеров молча вышла из квартиры и заперла замок. Ей стало очень страшно. В ее совсем недавно таком счастливом сердце стыл лед неизвестности...

– И что ты на меня смотришь, как Ленин на буржуазию? Ну ладно, не плачь, отпустил я под подписку о невыезде твою новую пассию. Прямых улик против Вронской нет, – сообщил следователь Владимир Седов однокурснику.

Ему показалось, что Артем вздохнул с явным облегчением, и поэтому Володя не преминул добавить:

– Однако ты же понимаешь: это может оказаться лишь временной мерой.

Сидоренко вскочил со стула и нервно заходил по кабинету приятеля:

– Я же тебе сто раз объяснял: она лишь принесла этот чертов коктейль. Виктор сам ее об этом попросил. Это просто стечение обстоятельств!

Седов закурил сигарету и с раздражением заметил:

– Но она же была на новогодней вечеринке! А мне только что прислали результаты экспертизы. Виктора отравили тем же самым сильным снотворным, что и Макарова. А Плешков, между прочим, только завтра приезжает в Москву. И какой ему смысл разделяться с Комаровым? Если с Макаровым они были конкурентами, то Комаров для него – тьфу, мелкая сошка, не стоит и связываться!

Артем не мог не признать: в рассуждениях Седова есть логика. Однако то, что у Николая Плешкова нет причин для устранения Виктора Комарова, вовсе не означает, что мотивы для убийств имеются у Лики Вронской.

– С этой девочкой что-то нечисто, – продолжал тем временем Седов. – С работы она уволилась.

– Подожди, она ведь говорила, что занимается журналистикой.

– Занималась. Вронская уволилась из своего еженедельника с должности заместителя главного редактора, – жестко сказал следователь. – Инструктор Татьяна Добротворская на допросе показала, что Лика якобы решила писать книгу. Тем не менее проверка изъятого в ее квартире системного блока не выявила даже предварительных набросков. И в связи с этим возникают вопросы. Чем эта Лика занимается? На какие деньги она живет в конце концов? Я должен получить на них ответы.

Артем сморщился как от зубной боли, потом заискивающе посмотрел на своего приятеля:

– Но смысл? Какой Лике смысл убирать Макарова и Комарова?

– Если мы не знаем мотивов – это не значит, что их нет, – философски

заметил Седов. – А ты, приятель, похоже, здорово втрескался. Иначе с чего бы тебе так о ней беспокоиться.

– Да, мне она понравилась, – признался Артем. – Мы даже планировали поужинать сегодня вечером.

– Старик, а твои вкусы изменились. В студенчестве ты, помнится, предпочитал не миниатюрных блондинок, а сочных брюнеточек – ну, чтобы там попочка, грудь, все было, как полагается...

Артем не смог сдержать возглас удивления:

– Хорошая у тебя память! Надо же, помнишь даже, какие девушки в молодости мне нравились. Но ты же понимаешь, вкусы – дело такое. Все течет, все изменяется... Тебя, кажется, вообще девчонки не интересовали. Сейчас-то как, нашел себе подружку?

Не ответив на вопрос приятеля, Седов попросил:

– Артем, но я по-прежнему рассчитываю на твою помощь. Ты там порасспрашивай народ в спортзале, может, были другие желающие спровадить Комарова на тот свет?

– Другие? – криво усмехнувшись, переспросил Артем. – То есть в том, что Лика имела свой интерес в их смерти, ты не сомневаешься? Извини, старик, тогда ты в пролете. Я под нее копать не буду!

Артем схватил пальто и выскочил из кабинета, с треском захлопнув за собой дверь.

«Ничего, поспихует и успокоится», – решил Седов, открывая уголовное дело на странице с протоколом допроса Анжелики Вронской.

Перечитывая его, он не мог отделаться от ощущения, что эта гражданка что-то недоговаривает. Инструктор Татьяна Добротворская заявила, что поставила Вронскую в известность о произошедшем в клубе и попросила ее вернуться. Однако Вронская едет домой. Зачем? Почему? Слишком много вопросов вызывает эта Лика Вронская. А ее объяснения звучат крайне неубедительно...

Глава 3

Луч солнца, хулигански пробравшись сквозь жалюзи, застыл на подушке Маргариты Луниной, прогоняя утренний, самый сладкий сон.

Марго открыла глаза, потянулась, и, набросив голубой пеньюар, подошла к окну. Москва-река, скованная льдом, искрилась как бриллиант в водопаде солнечного света.

Готовя себе кофе – в турке, с кардамоном и ложечкой сахара, – Марго щелкнула телевизионным пультом.

– Еще один трагический случай произошел в престижном фитнес-центре «Мир спорта». После тренировки и сеанса массажа скончался Виктор Комаров. Напомним нашим телезрителям, что накануне Нового года был убит клиент этого клуба – крупный предприниматель Сергей Макаров. Правоохранительными органами прорабатываются различные версии случившегося, однако от комментариев представители следствия пока воздерживаются, – бодрым тоном сообщил ведущий криминальной хроники.

Камера скользнула по ресепшн, задержалась на носилках с прикрытым простыней телом и перебралась к нескольким мужчинам в милицейской форме, которые, заметив направленный на них объектив, сразу же замахали руками.

Марго пила кофе и улыбалась.

«Ай да гадалка. Молодчина!» – одобрительно подумала она.

Потом ей так некстати вспомнилось, как темнели от страсти и без того почти черные глаза Виктора, каким жадным и ненасытным огнем горело его тело, и волна пронзительного наслаждения накрывала их с головой. Бедный глупый мальчик. Но он не оставил ей выбора. Не могла же она просто забыть о том, как он с ней обошелся?! Неужели, неужели Виктор всегда ее обманывал? А Марго ведь так ему доверяла. С какой любовью она выбирала ему одежду в лучших магазинах, не обращая внимания на проставленные в счетах астрономические суммы. А ее последний подарок, новенький золотистый «Лексус» с раскосыми фарами... Пришлось продать его за полцены, лишь бы поскорее избавиться от сверкающего свидетеля ее позора.

Было воскресенье, а воскресений и праздников Марго не любила. В эти дни деловая жизнь замирала, а другой у Марго не имелось, поэтому она слонялась по квартире, куря сигарету за сигаретой и переключая

телевизионные каналы. Промаявшись так часа два, она, наконец, придумала, чем заняться. Решила поехать в «Мир спорта» и потребовать возврата денег за абонемент. Теперь ей там делать уж точно нечего. А копейка, как известно, рубль бережет. Что-что, а уж считать деньги Маргарита Лунина умела.

– Вы уже третья клиентка за сегодняшнее утро, – грустно сообщила Марго менеджер в отделе продаж. – Конечно же, мы вернем вам деньги. Вас можно понять. Какие уж тут в самом деле спорт и релакс, когда творится такое...

– О, я вижу, здесь очередь. Все хотят вернуть свои бабки. Напугались мочилова! – весело заметил, входя в комнату, Андрей Хлестов. – Марго, а ты не просто красивая баба. Ты к тому же умная. А это в натуре бывает намного реже...

Маргарита приосанилась. Странно, почему она раньше не обращала внимания на Андрея? Он так хорошо сложен, и у него чувственные темно-вишневые губы с четко очерченным контуром... Но – нет, не стоит. Хватит! Ему немногим больше тридцати. Еще одного Виктора ей не вынести.

– Марго, а ты выбрала новый клуб? Что б был крутой, полный фарш?

Она беспечно махнула рукой:

– В понедельник куплю рекламную газету. Подберу что-нибудь. Думаю, это не проблема.

Пристально глядя ей в глаза, Андрей горячо возразил:

– Нет, что ты, на это дело забивать нельзя. Знаешь, что бывает, если тренажеры фуфло? Страшное дело, суставы вылетают. Мой знакомый чувак связки на ноге порвал, потом полгода зад в поликлинике отсиживал, лечился, придурок. Так что давай прямо сейчас руки в ноги – и попилим новый клуб выбирать. Посмотрим, с инструкторами побазарим. А ты как, Марго?

Лунина с благодарностью кивнула. Что ж, кажется, недолго ей пришлось тяготиться статусом одинокой никому не нужной женщиной. И что важно: Андрей сам проявляет инициативу.

При взгляде на машину Хлестова она окончательно успокоилась. Его джип выглядел сиамским близнецом ее собственного авто – та же престижная марка, люксовая комплектация, только цвет не серебристый металлик, как у нее, а черный, и стекла тонированные. Люди, которым по карману такие автомобили, знают, чего хотят. Значит, несмотря на молодость Андрея, это будут отношения на равных...

Марго украдкой посмотрела на себя в зеркальце и осталась довольна увиденным. Ей можно дать лет тридцать пять. Ну ладно, хорошо – сорок,

но это действительно максимум...

В профиль сосредоточенно глядящий на дорогу Андрей выглядел особенно соблазнительно: четкая линия волевого подбородка, прямой нос и трогательно-длинные ресницы. Не удержавшись, Марго сфотографировала его на мобильный телефон.

– Это еще зачем? – удивился он.

– На память.

– Можно сфоткать что-нибудь покруче.

Марго никогда не требовалось повторять дважды. Ее холеная ручка коснулась бедра Андрея, а потом поднялась выше. Джип резко вильнул.

– Да ты совсем без башни, – восхищенно присвистнул Хлестов. – Давай хоть до хазы доедем...

До осмотра спортклуба в то воскресенье дело так и не дошло. О чем Марго, впрочем, совершенно не жалела. Андрей просто измучил ее своими ненасытными ласками. А его матерок в постели просто сводил с ума, ее всегда возбуждали именно такие мужчины, сильные, страстные, особо не церемонящиеся...

Поужинав в ресторане – Марго исследовала холодильник и, обнаружив там ничего, за исключением бутылки виски и банки соленых огурцов, приняла стратегическое решение прервать ненадолго сексуальное безумие, – они опять улеглись в постель. А потом, обнявшись, просто валялись на пушистом ковре гостиной и смотрели на редкость тупой американский боевик.

– Да разве ж так мочат, – возмущался Андрей. – Марго, ты глянь, у этого чувака мозги по всей комнате размазаны. Так не бывает, не конкретный базар!

– А как бывает? – осторожно спросила она, чертя на груди Андрея какие-то только ей ведомые узоры.

Он не ответил и переключил канал. Там тоже, впрочем, стреляли без остановки. Один из актеров, раненый, истекающий кровью, оказался так похож на Андрея, что у Марго сжалось сердце. Да уж, с его образом жизни, наверное, такой финал неизбежен. Но тут ничего нельзя поделать. Не перевоспитывать же его в самом деле, поздно, бесполезно... Хотя... Если гадалка в состоянии посылать смерть, может быть, ей дано и отправить костлявую подальше?

Покрепче обняв Андрея, Марго закрыла глаза. Да, завтра она непременно подьедет в уже знакомую «хрущевку». Она устала от потерь и смертей. Теперь ей нужна жизнь.

Андрей же по-своему истолковал ее порыв. Выключив телевизор, он

заглушил слабые протесты обессиленной от любви женщины долгим волнующим поцелуем...

С утра посетить гадалку не получилось. Марго поехала посмотреть, как продвигается ремонт ее нового магазина, да так там и застряла на полдня. Странный народ – строители. Кажется, сколько им ни плати – они все равно, пока как следует на них не гаркнешь, будут халтурить. Плитка на полу лежала косо, на стенах красовались обои такого дикого оттенка, что у Марго заныли зубы под идеально-белоснежными фарфоровыми коронками. Потыкав, как нашкодивших котят, строителей во все учиненные ими безобразия, Марго добралась до офиса, рассчитывая за час разобраться со всеми вопросами, но лавина дел обрушилась на нее стремительно и неотвратимо. Очнулась она лишь от звонка Андрея:

– Дорогая, уже восемь часов вечера. Я еще не ужинал. Тебя жду.

В груди стало тепло. Он ее ждет, подумать только.

– Милый, поешь без меня. Мне надо еще кое-куда заехать. Но это ненадолго, обещаю.

Операция по удиранию от собственной секретарши прошла успешно. Пусть девочка не расслабляется, повкалывает еще пару часиков. В конце концов ей все это компенсируется. Рабочий день у нее ненормированный, но и зарплата в три раза выше обычной секретарской. А она, Марго, заедет к гадалке, а потом сразу же домой, к своему дикому бандиту.

Марго достала из сумочки телефон, нашла в меню фотографий снимок Андрея и с умилением прошептала:

– Мой бандит...

Чуть позже, при взгляде на этот же снимок, гадалка привычно вздрогнула. Да что же происходит, опять эта дамочка принесла с собой смерть. Просто «черная вдова» какая-то, убивающая своих возлюбленных.

В этот раз Марго оказалась непривычно сентиментальной и разговорчивой.

– Мы стали близки совсем недавно, но я чувствую к нему сильную привязанность. Может быть, даже любовь. Но мне страшно его потерять, понимаете? Он... ну, бандит, наверное... Поэтому я решила приехать к вам еще раз. Мне важно знать, что все будет в порядке, – объяснила она гадалке.

Женщина, откинув назад длинные густые волосы, села за столик, зажгла свечу и достала колоду карт.

– Пока мне не нравится, что я вижу, – призналась она, протягивая Марго колоду. – Снимите несколько карт. Может быть, они скажут что-нибудь более оптимистичное.

Сердце Марго сжали нехорошие предчувствия. Потом ей вдруг показалось, что женщина хочет просто содрать с нее побольше денег.

– Мне нужна правда. Я заплачу, сколько надо, вы не беспокойтесь.

Гадалка молча изучала разложенные карты. Все оказалось даже хуже, чем она предполагала. Смерть ходила не только возле кавалера этой дамочки. Она собиралась схватить и ее саму.

– Не нужно никаких денег, – хмуро сказала гадалка. Она всегда расстраивалась, когда карты предсказывали беду. – Вы хорошо платили в прошлые разы. Пожалуйста, заберите конверт. Я чувствую, вы его положили на подлокотник кресла.

«Фантастика, – подумала Марго, выполняя просьбу, да нет, пожалуй, даже приказ гадалки. – Она же спиной ко мне сидит...»

Женщина перемешала карты и закрыла глаза. Сейчас она спросит: есть ли у Марго шанс остаться в живых?

Он есть, поняла гадалка, изучив колоду. Почти всегда и у всех есть шанс задержаться в этом мире. Только те, у кого душа съежилась и потемнела от совершенных грехов, улетают из жизни быстро, без страховочного троса спасения. Марго к их числу не принадлежала. Но интуиция подсказывала: сидящая перед ней женщина сама бросится в вечность. Тем не менее ее следует предупредить.

– Этот мужчина умрет, – задувая свечу, произнесла гадалка. – И если вы его не оставите, то уйдете вместе с ним. Вам ведь была нужна правда. Вы ее слышали. Только вот услышали ли?..

Лицо Марго исказилось от боли. Она вскочила с кресла и схватила гадалку за плечи.

– Я тебе не верю, гадина, слышишь, я тебе не верю! – Марго кричала, как сумасшедшая, по ее щекам заструились обжигающие слезы. – Затем ты скажешь, что на меня навели порчу. Потом я буду долго тебе башлять, чтобы ты ее сняла! Послушай, гадина, не надо этих церемоний! Ты скажи, сколько тебе надо, я и заплачу! Заплачу!

– Уходите, – твердо сказала гадалка. – Немедленно уходите. Я больше ничего не могу для вас сделать.

Марго топнула ногой:

– Ты все врешь! Это не может быть правдой!

Гадалка подумала, что правда никогда никому не нравится. А если пытаешься ее говорить, то от этого получают одни неприятности. Вот и сейчас женщина, вместо того, чтобы ее поблагодарить, закатывает истерику, а у нее сегодня был такой тяжелый день. Но она будет к ней снисходительна. Ей осталось так немного. Жаль. Красивая, богатая,

сильная... В сети смерти попадется достойный улов...

Сорвав голос, Марго в ярости сдернула шубу с вешалки, и помчалась из чертовой квартиры вниз, по узкой, пропахшей кошками лестнице. В джипе она привычно щелкнула зажигалкой, открыла окошко и попыталась успокоиться.

Итак, мерзкая баба сказала, что Андрей умрет. И если Марго останется с ним, то она умрет тоже. Никаких логических аргументов она не привела. При каких условиях может реализоваться этот сценарий? Налет на квартиру? Исключено, в доме Андрея надежная охрана, состоящая из таких же, как он сам, крепких «братков». Там вся их «бригада» живет, так что версия налета отменяется. Взрывное устройство в машине? Опять исключено, Андрей не расстанется с каким-то хитрым датчиком, который, как он ей объяснил, мигает, если под машиной ждет «сюрприз». Бандитские разборки? Но она-то, Марго, в них не участвует, так что они «в натуре априори», как любит выражаться Андрей, вместе не умрут...

«Она что-то перепутала, – успокоенно решила Марго. – Вон какие надежные самолеты и лайнеры терпят крушение. А тут – человек, простой человек. Не выпалась, расстроилась, да мало ли что могло случиться...»

Словно бы подтверждая ее правоту, на сиденье зазвонил телефон, в окошке высветился номер Андрея.

– Дорогая, жрать хочу – помираю. Где ты там шляешься? Придется с пацанами спалить твой офис. Сама нарвалась!

– Мое солнышко, – замурлыкала Марго, – не надо жечь с пацанами мой офис. Я сейчас закажу еду, мы поедем, а потом устроим такое, что ты даже представить себе не можешь...

Выбросив разговор с гадалкой из головы, Марго нажала на газ и помчалась к Андрею. Он такой милый. С ним так хорошо. С чего бы это от него в самом деле надо отказаться?..

За тридцать лет до описываемых событий

«Он просто выключил меня из своей жизни. Так же равнодушно, как щелкают выключателем, выходя из комнаты. Щелк – и пустая комната погружается в темноту.

Мы вернулись в Москву, и все стало, как прежде. Он курил на лестнице, целовал после лекций свою девушку, мне хотелось поймать его взгляд, но он смотрел сквозь меня...

Как мне себя вести? Можно ли что-то предпринять, чтобы вернуть его руки, обвившиеся кольцом вокруг моей талии? Я терялась в догадках, а безучастно сменявшие друг друга дни безжалостно уносили его все дальше и дальше, абсолютно не моего, но такого любимого.

Помню, как впервые упала в обморок. Лифт в общежитии отключили, вроде шла по ступенькам, зажав под мышкой стопку книг и тетрадок, и вдруг – пустота, чья-то рука трясет меня за плечо, я открываю глаза и вижу заляпанную грязью туфельку, и свои книги, разбросанные по полу.

Девчонки в общежитии обо всем догадались раньше меня. И посоветовали сходить куда следует...

Очередь в обшарпанном коридоре, холод инструментов, и визгливый голос тетки в белом халате:

– Да у тебя уже четырнадцать недель беременности! Живот себе нагуляла!

Кое-как я сползла с холодного металлического кресла, унижительного, отвратительного. Тетка, презрительно сжав тонкие губы, что-то старательно писала в моей карточке.

– Вот, пусть теперь в деканате с тобой разбираются! – почему-то обрадованно сообщила она.

Наконец, смысл ее слов дошел до моего сознания. В последнее время я плохо себя чувствовала и еще хуже соображала.

– То есть у меня будет ребенок?

– А ты как думала?

Я знала его адрес, но было как-то неудобно звонить в квартиру. Ночь пришлось провести в подъезде, дожидаясь, когда он отправится на лекции.

– Что ты здесь делаешь?

Голос без всяких эмоций...

– У меня будет ребенок.

Он схватился за голову:

– Ты что, задумала меня подловить? Хочешь, чтобы я на тебе женился? Жилплощадь в Москве тебе понадобилась?

Даже в этот момент мое сердце разрывала любовь. Я молчала.

– У тебя ничего не выйдет. Тебе просто никто не поверит, а я от всего откажусь. Не смей ходить к моим родителям. Да и в институте, уж пожалуйста, не вздумай качать права.

Он хлопнул входной дверью и сел в черную «Волгу», поджидавшую его у входа.

Я подумала, что, наверное, придется перевестись на заочное отделение. Мне было больно. Я была счастлива. Ведь у меня будет ребенок – наш ребенок, – и ради этого я готова выдержать все.

С учебой оказалось все не так просто.

Замдекана, глядя на меня поверх очков, колотила по столу своим сухоньким кулачком.

– Мы получили из поликлиники информацию о том, что вы беременны. Кто отец вашего ребенка? – вопрошала она, и ее седые букольки осуждающе тряслись.

– Не знаю, – твердо сказала я.

Бросить его, милого, любимого, дорогого, на растерзание этой фурии? Ни за что на свете. Вот только если бы он был со мной хоть чуточку добрее, хоть самую малость...

– Тогда откуда появилось заявление на имя декана, в котором утверждается, что отцом вашего ребенка является студент нашего института?

Я похолодела. Девчонки, милые бесхитростные соседки по комнате, устав слушать мои всхлипывания в подушку, решили, как водится, вывести мерзавца на чистую воду.

– Вы аморально себя ведете. Вы оклеветали одного из лучших наших студентов – комсомольца, с хорошей успеваемостью, активно занимающегося общественной работой. Сегодня вечером состоится комсомольское собрание, на котором будет рассматриваться вопрос о вашем дальнейшем пребывании в институте. А теперь можете быть свободны, – ледяным голосом сообщила замдекана.

Собрание проходило в актовом зале. На него согнали всех, кого можно – преподавателей, студентов всех курсов, даже лаборантов.

Он сидел в первом ряду – красивый и равнодушный. Его девушка, бросая на меня время от времени презрительные взгляды, сжимала его

ладонь так крепко, что у нее побелели костяшки пальцев.

– Несмотря на хорошую успеваемость, эта студентка ведет аморальный образ жизни. Таким не место в наших рядах, – звонко отрапортовала староста.

На нее никто никогда не обижался, как на юродивую. Она всегда говорила то, что требовалось деканату.

– Поступок этой студентки оскорбителен. Она опозорила всех нас. Она дискредитировала образ советского студента, который активно тянется к знаниям, стремится к созданию прочной семьи и труду на благо укрепления социалистического государства. Предлагаю поставить вопрос о ее исключении из нашего института, – потрясая буколками, провозгласила замдекана.

Возле дверей послышался шум.

– Мне тоже есть что сказать! Почему меня не пускают?!

Я узнала этот голос. Моя соседка по комнате, приехавшая в Москву из деревни под Куйбышевом. Ее звали Татьяной, но мы окрестили ее Танком – за особую, если можно так выразиться, проходимость. Куда уж было дежурившим у двери первокурсникам сдержать ее натиск.

Она ворвалась в актовыв зал – крупная, раскрасневшаяся, запыхавшаяся, растрепанная, как фурия, – и сразу же бросилась к трибуне.

– Послушайте! Мы с вами взрослые люди. И знаем, что детей находят не в капусте. Почему отец ребенка должен выйти сухим из воды? Почему вы все накинулись на эту девушку, а он сидит тут в первом ряду и за всем этим наблюдает! Сукин ты сын! Да какой ты на хрен мужик после этого!

Он поднялся и преувеличенно громко сказал:

– Я первый раз вижу эту девушку.

В горле застрял горький комок. Почему он так со мной поступает? Ведь ему наверняка доложили, что я молчала в деканате, как партизан на допросе.

В отличие от меня Танк не растерялась:

– Тогда откуда она знает, что у него родинка на груди?

Он инстинктивно потянулся к вороту рубашки. Завидев этот произвольный жест, зал зашумел.

– О каком исключении может идти речь?

– Пусть оба отвечают, в самом-то деле!

– Собрание прекращено! – плохо смазанной калиткой скрипнула замдекана.

Утром на доске рядом с расписанием красовался приказ. Решением совета комсомольской ячейки при полном одобрении деканата меня с

Танком исключили из института и комсомола. Меня – за аморальное поведение, Танка – за клевету.

– Вам теперь ни в один институт не поступить. Вот, – сказала нам его девушка, когда мы читали приказ об отчислении.

– Ах ты, сопля зеленая! Я тебе покажу!

Танк вспыхивала мгновенно, как спичка, и уже собиралась броситься на обидчицу с кулаками, но я ее оттащила от греха подальше. Только проблем с милицией нам еще не хватало...

– Ты не бойсь, – утешала меня в общаге Танк, собрав свои нехитрые пожитки. – Родишь ребеночка, мужика себе нормального найдешь. А то хочешь, ко мне поедем? Места у нас красивые, молочко парное, работы в колхозе хватает. Не пропадем, а? Согласна?

Я обняла Танка и всплакнула на ее плече. Она поступила так великодушно. И так глупо...

– Поехали. Бог с ней, с наукой. Проживем как-нибудь. Не хочешь в колхоз – можем в Ленинград рвануть! Уж туда-то их папашки недотянутся.

– Танк, спасибо тебе. Но я останусь в Москве.

Она все поняла:

– Любишь, все еще любишь его, подлеца. Ну что с тобой поделать! Глупая девка!..

Устроиться в Москве у нас не получилось. Зато Танк быстро нашла нам в подмосковном городе N и работу, и большую просторную комнату в общежитии семейного типа.

Всего два часа езды на электричке – и, если повезет, можно увидеть, как он садится в машину, чтобы ехать в институт, или выскакивает на переменах в ближайший гастроном за булочками...

Рожала я тоже в городе N...»

Тридцать шагов от окна спальни – она же кабинет, с письменным столом, на котором сиротливо стоит лишь монитор, – через коридор до окна кухни, холодной, прокуренной. Гостиная меньше: пятнадцать шагов на десять. Прихожая вообще крошечная: семь шагов длина, пять ширина. Сколько раз за этот день Лика Вронская измерила шагами свою квартиру, обходя громоздящиеся тут и там стопки книг? Десять, двадцать, пятьдесят? Она не помнила...

Чувство эйфории по поводу того, что ее выпустили, пусть и под подписку о невыезде, сменила тоска разочарования. А ведь следователь Владимир Седов ей даже понравился при первой встрече: деловой, сосредоточенный, пронизательный, как ей казалось. «Тоже мне пронизательный, – расстроено подумала Лика, доковыляв до кухни и распахнув холодильник. Вид еды вызвал отвращение... – заладил, как попугай, почему не вернулась в клуб, где книга, на какие доходы живете... Что мне было ему сказать? Что я написала книжку, где умирают Макаров и Комаров? А потом еще и ныне здравствующий Хлестов, а мочит их всех опять-таки живая и здоровая Маша Петрова? И куда бы меня после этого повезли на машине с мигалками? В следственный изолятор? В сумасшедший дом?..»

В отчаянии Лика закурила сигарету. Да, вот так же, сидя на подоконнике, она дымила втихаря в компании Тани Добротворской. Подруга, называется, сдала ее со всеми потрохами. Кто ее, спрашивается, тянул за язык, зачем потребовалось рассказывать следователю о том, что она пишет книгу? Стольких вопросов можно было бы избежать. Может, и правда, нет ее, женской дружбы?

Поведение Тани стало казаться Лике особенно подозрительным. Удивляла ее откровенность со следователем. Да еще и эти витамины в сумке. Лика отчетливо вспомнила – Татьяна закрывала молнию на ее спортивной сумке. А как она вообще могла расстегнуться, застежка-то там тугая, раньше никаких проблем не возникало. Может, это Татьяна опустила туда пузырек? Проводившие обыск в квартире милиционеры, конечно, перерыли весь дом, разворошив даже ящик с трусиками. Но вначале они бросились к компьютеру и спортивной сумке. Может, просто совпадение? Или это была не случайность? Виктор Комаров нравился Танюше, это бесспорно. Неужели она решила отомстить ему за невнимание к своей

персоне таким страшным образом? Кто знает, в какой клубок закрутились странные непонятные события в спортклубе...

Но как же отделаться от ощущения, что реальность перемешалась с действительностью, и ее роман вдруг сделался по-настоящему смертельным? Когда Лика придумывала сюжет, был мертв только Сергей Макаров. Потом она всего лишь поместила в книгу реально встреченных в спортзале людей...

Внезапно Лику обожгла догадка. Если она права в том, что ее роман кто-то пытается реализовать в жизни, то это означает одно: Андрей Хлестов в опасности! Может быть, в не меньшей опасности и менеджер «Мира спорта» Маша Петрова. Значит, надо их предупредить! Вначале, конечно, она позвонит Андрею Хлестову.

Позвонит? Боже, но у нее же нет его номера телефона! Перед глазами Лики опять пронеслась та сцена в бассейне. Андрей предлагает ей встретиться вечером, она, привирая, ссылается на то, что у нее много работы, тем не менее он приносит свою визитку и протягивает ее Лике прямо в сауне. Лика берет карточку с собой и опускает ее в урну в душевой, так как точно знает: даже в состоянии острой сексуальной недостаточности она Хлестову звонить не будет...

– Идиотка! – пробормотала Лика. – Что же мне теперь делать? Если бы я хотя бы знала, какая компания сотовой связи обслуживает Хлестова, можно было бы по компьютерной базе вычислить его номер. Но я имею шансы заночевать в интернет-кафе, а потом сойти с ума, обзванивая всех Андреев Хлестовых, обладающих «мобилями». Которых в Москве наберется чуть меньше, чем Ивановых, но это слабое утешение.

Есть еще один вариант – позвонить в «Мир спорта». При составлении контракта там регистрируют всех клиентов, записывая адреса, номера телефонов, паспортные данные. Но единственный человек, к которому Лика могла обратиться в клубе со спокойным сердцем, – Вячеслав Кулаков – в этот день не работал, его сотовый не отвечал.

Поколебавшись, Лика набрала номер Тани Добротворской. Что ж, если по адресу Андрея Хлестова ее встретит милиция – вывод насчет отсутствия женской дружбы вполне справедлив. Также очевидным станет то, что это Танюша, уже неизвестно по каким соображениям, пытается ее подставить...

– Конечно, Лика, я сейчас все выясню. Повиси на проводе, я включу компьютер, – сказала Таня. Вскоре она зацелкала по клавиатуре. – Так записывай, тут указано два номера телефона. Оба мобильные, судя по всему. И домашний адрес...

Записав координаты Хлестова, Лика сухо сказала:

– Спасибо, дорогая. Пока-пока.

– Подожди, не отключайся. Ты сердишься на меня?

– А ты как думаешь?

В голосе Тани зазвучало раскаяние:

– Сама не знаю, как проболталась. Я тебя в некотором смысле защитить хотела. Следователь начал напирать, чего она, дескать, работу бросила, может, с бандитами связалась. А я говорю: да нет, просто книгу решила написать. Прости меня, ладно?

– Ладно.

– И на тренировку приходи. Вы же с Артемом обещали. Он тебе нравится? А зачем тебе адрес Хлестова?

– Да так, хочу кое-что выяснить...

Наскоро попрощавшись с Таней, Лика опять затерзалась сомнениями. Почему Таня задает так много вопросов? Нравится ли Артем, зачем адрес...

Мобильники Хлестова не отвечали.

«Может, если я поеду по его адресу, мне повезет больше?» – подумала Лика, рывком вставая с кресла.

Джинсы, свитер, сотовый телефон, ключи от квартиры, от машины. Так, кажется, она привела себя в порядок и ничего не забыла. Можно набросить шубку и отправляться к Андрею.

Промерзший «Форд» обиженно затыкал подсевшим аккумулятором.

– Холодно тебе, маленький, никто тебя не выводит на прогулку. Сейчас, сейчас поедem. Ну же, машинка, заводись, – похлопывая автомобиль по рулю, умоляла Лика.

Вняв ее отчаянным просьбам, «Форд» наконец завелся, и Лика, не прогрев мотор, резво тронулась с места.

Возле дома Хлестова, дорогой новостройки, ее поджидал неприятный сюрприз. Вроде бы вот его подъезд, и черный «Ландкрузер» припаркован на расчищенном от снега тротуаре, но квартал опоясан сеткой забора, а въезд преграждает шлагбаум.

Из стеклянной будочки выглянула неприветливая небритая физиономия:

– Ты к кому, крошка?

– К Андрею Хлестову.

– Как фамилия?

Лика представилась.

– Нет тебя в списке.

- В каком еще списке?
- На право въезда на территорию. Номер Андрюхи знаешь?
- Он не отвечает.
- Тогда извиняй.

Небритый парень исчез, окошко будочки захлопнулось.

Ли́ка отчаянно засигналила:

- Простите, это очень важно. Мне надо срочно поговорить с Андреем.

Пожалуйста, пропустите меня!

– Слышь, соска, ты че, плохо сечешь? Вали отсюда в темпе. Или я тебе помогу!

Включив заднюю передачу, Ли́ка развернулась и поехала вдоль забора. Высокий, очень высокий, по периметру видны глазки видеокамер, наверняка сейчас сторож наблюдает за тем, как она объезжает уже второй круг возле этого квартала.

Но что это за желтый фургончик свернул к новостройкам? Разглядев надпись «Экспресс-стирка», Ли́ка рванула к автомобилю и перегородила ему дорогу своим явно протестующим против такого обращения истощенным визгом тормозов «Фордом». Против ожиданий водитель фургончика не покрыл трехэтажным матом ее манеру вождения.

- Занесло тебя, милая? – участливо спросил он.

Ли́ка окинула быстрым взглядом его простодушное лицо с ранними морщинами и решила сказать все как есть.

– Понимаете, очень нужно проехать к тем зданиям за забором. А охранник не пускает. Вы же туда направляетесь, да?

Шофер кивнул.

- Подбросьте меня, пожалуйста.

Он деловито засопел:

– А выходить ты как будешь? Тебе ближайший дом нужен? А какой подъезд?

- Первый.

– А мне третий. Тогда давай сделаем так. Я заберу белье, а потом как бы заглохну у первого. Открою капот, поковыряюсь минут пять. Идет?

Ли́ка обрадованно забралась в фургончик. Пяти минут более, чем достаточно. Она договорится о встрече с Хлестовым и вернется в машину, чтобы не скомпрометировать шофера перед свирепым бдительным охранником.

Пяти минут не понадобилось. Дверь Андрей Хлестов не открыл. На звонки по домофону никто не ответил. Сердце Ли́ки Вронской сжалось от нехороших предчувствий. Поблагодарив участливого шофера за помощь,

она пересела в «Форд» и задумалась...

– Ну что, Маша, иди обедать. Я уже перекусила, теперь твоя очередь.

Маша Петрова отложила глянцевый журнал, который она тайком читала под столом, и поднялась со стула.

– Жанночка, не забудь: тем клиентам, у которых на карточках красные полоски, надо выдавать ключи на желтых браслетах.

Официантка из бара с досадой наморщила носик:

– Машк, да я помню. Ты каждый раз объясняешь одно и то же.

– Жанна, а кто на прошлой неделе выдал больному клиенту ключ на зеленом браслете? Он, конечно же, ничего не сказал. Обрадовался, пошел в сауну, потом у него прихватило сердце, и врачи ругались...

Вместо ответа Жанна пододвинула к себе Машин журнал. Петрова неодобрительно покачала головой. В глубине души она считала официанток из бара, подменявших ее за стойкой регистрации на время обеда, девушками весьма недалекими. Одно дело – тарелки подносить да столы протирать, и совсем другое – напрямую общаться с клиентами, тут требуются и внимательность, и приветливость. Во время обеденного перерыва Машу всегда одолевали беспокойные мысли. А ну как опять что-нибудь перепутают?..

В комнате отдыха Маша подошла к холодильнику и достала свой салат в баночке. Большинство сотрудников фитнес-центра обедало в баре, готовили там отменно, да и скидки для своих были такими, что обед выходил чуть ли не задаром. Но Маша все же предпочитала таскать на работу еду из дома. Устоять перед отбивной с картошечкой и шоколадным десертом она не могла, но не с ее комплекцией позволять себе такие излишества. Так что лучше уж захватить с собой салат, кусочек вареной куриной грудки или гречку без масла.

Салат – сбрызнутые оливковым маслом огурцы и помидоры – казался совершенно безвкусным. Однако Маша на это не обратила ровным счетом никакого внимания. Есть ей в последнее время вообще не хотелось. И спать тоже. Зачем нужны еда и сон, если в ее жизнь наконец вошла самая большая радость на свете – счастливая, взаимная любовь...

Маша заварила себе чашку зеленого чая и потянулась к сотовому телефону. Какое счастье – ей есть теперь кому звонить, просто так, безо всякого повода, чтобы услышать голос любимого человека и сказать о том, как много он для нее значит.

– Милый, я соскучилась по тебе.

На том конце провода зазвучали именно те слова, которые Маша хотела услышать:

– Я тоже, любимая.

– Когда же мы увидимся?

– Скоро, мой котенок, очень скоро. Потерпи. Осталось совсем немного.

– И тогда мы будем вместе? Навсегда?

– Конечно, дорогая, даже не сомневайся. Я люблю тебя.

Маша вспыхнула от радости:

– Я тоже, милый, очень, очень тебя люблю.

Нажав на кнопку отбоя, Маша посмотрела на часы. У нее еще есть полчаса. Можно, конечно, пораньше вернуться на свое рабочее место, чтобы не переживать за рассеянную Жанну. Но голос мужчины в телефонной трубке звучал так нежно и заботливо, что Маше захотелось еще побыть какое-то время наедине со своими воспоминаниями и мечтами.

«Слава, милый, любимый, как же хорошо, что ты есть», – растроганно думала Маша, прихлебывая чай...

Конечно, он всегда ей нравился. Нет такой женщины, которая осталась бы равнодушной к Вячеславу Кулакову. Он вошел в число призеров чемпионата Европы по бодибилдингу, а уж медали, завоеванные на российских соревнованиях, и сосчитать сложно. Маша часто украдкой наблюдала за ним через стекло, отделяющее холл от тренажерного зала. Женщины-клиентки вились вокруг Вячеслава как бабочки у огня. И как же Маша их понимала! Хорошо еще, что сам Слава предпочитал тренироваться ранним утром, когда в зале никого не было. Он сменял фирменный ярко-оранжевый костюм «Мира спорта» на майку и шорты, которые мигом темнели от пота, и с Машиного места он казался почти обнаженным и таким соблазнительным... Потом он принимал душ, переодевался, возвращался в спортзал и солнечно улыбался клиенткам, а Маша с ума сходила от ревности в своем закутке.

Обычно она уходила из клуба позже всех, проверяла, не осталось ли где клиентов или сотрудников, а потом, убедившись, что все в порядке, сдавала здание на сигнализацию и оставляла ключи у охранников. В тот вечер из-за дверей Славиной комнаты выбивался свет. Маша робко постучала в дверь, потом ее распахнула, и вдруг случилось то самое, о чем она столько раз мечтала – сильные Славины руки обняли ее крепко-крепко. Она прильнула к нему всем телом, мечтая о поцелуе, но стыд и неуверенность отравили его вкус.

– Слава! Ты в порядке? Ты меня ни с кем не путаешь? Я же не Добротворская с осиной талией, не другие наши девчонки...

– Глупенькая, какая же ты глупенькая, – зашептал Слава, вновь заключая ее в свои объятия. – Ты такая женственная, такая красивая, ты лучше их всех вместе взятых. Скажи, я... нравлюсь тебе хоть немного?

– Ты еще спрашиваешь! Ты не можешь не нравиться! – вырвалось у нее.

– У тебя есть кто-нибудь? Ты встречаешься с каким-нибудь мужчиной? Покраснев, Маша хотела сказать: ну кому она нужна, такая полная, но потом удержалась и отрицательно покачала головой.

Слава обрадовался:

– Девочка моя, да это же здорово. Ты будешь моей, только моей, обещаешь? Но что же ты плачешь, котенок? Я тебя обидел?

Вытирая глаза, Маша прошептала:

– Просто это так неожиданно. Моя мечта сбылась.

– Все твои мечты будут сбываться. Обещаю, – твердо сказал Вячеслав.

И Маша ему верила. Верила так, как никому в жизни. Конечно, жаль, что на работе пока приходится скрывать их отношения. С каким бы кайфом она утерла нос всем девчонкам, сочувственно оглядывающим ее крупные формы, усевшись в Славину машину и положив руку ему на плечо, чтобы все поняли: этот мужчина любит только ее. Однако он говорил, что это временно, нужно просто немного потерпеть, пока он уладит все свои дела. Ради Славы Маша была готова на все. Тем более на такую малость, как ожидание. Ведь бывали времена, когда ей приходилось ради их любви совершать вещи поопаснее. Но это, наверное, правильно. Если люди хотят быть вместе, они должны помогать друг другу.

А они со Славой обязательно будут вместе. Они поженятся, и появятся детки...

– Маш, ну ты скоро? – на пороге комнаты отдыха появилась Жанна. – Уже больше часа прошло. Сколько можно есть? Тебе вообще следует без обеда обходиться!

Скрипнув зубами, Маша пошла на свое рабочее место. Ничего, скоро, очень скоро и Жанна, и остальные девчонки ей еще позавидуют.

– Андрей, ты слышишь, в домофон звонят, – обливаясь слезами, прошептала Марго. – Это милиция и «скорая» приехали! Андрюш, ты только не умирай. Сейчас нам помогут...

Она отпустила безжизненную руку Андрея, сделала несколько неуверенных шагов, намереваясь открыть дверь, но силы стремительно оставляли ее. Сильно кружилась голова, во рту пересохло, а ноги сделались ватными. Не удержав равновесия, Марго упала на пол, на мягкий пушистый ковер. В домофон все звонили. Потом звуки затихли. Марго с трудом повернула голову, словно бы налившуюся свинцом. Андрей по-прежнему лежал без движения...

С утра в этой же квартире можно было наблюдать совсем другую сцену. Андрей проснулся в особенно хорошем настроении, покосился на спящую на соседней подушке Марго, погладил ее рыжие, спутанные с ночи волосы и прильнул губами к затылку. Затылок, любила повторять Марго, моя ахиллесова пята. Если меня там поцеловать – со мной потом можно будет делать все, что угодно... Она, и правда, проснулась мгновенно, улыбнулась, притянула Андрея к себе...

– Так жить нельзя, – расслабленно пробормотал он через двадцать минут.

– Почему же?

– Че мы делаем? Трахаемся, лежим и едим. Чем ты занимаешься? Сидишь в офисе. Я че делаю? С пацанами тусуюсь. Мы с тобой спортзал так и не позырили...

– Ну и что? – Марго беспечно махнула рукой. – Медики говорят, что секс тоже полезен для здоровья. Это значительная физическая нагрузка. Причем очень приятная.

Андрей поймал тонкие пальцы Марго, отправившиеся под простыней в волнующее путешествие, и притворно нахмурился:

– Нет! Все! Начинаем новую жизнь! Будем ходить в спортзал. А кто еще и курить бросит.

– Хорошо, – мягко отозвалась Марго. Последняя фраза показалась ей особенно приятной. За свои... ну, не важно сколько лет... ей впервые встретился мужчина, который хочет, чтобы она бросила курить. – Как скажешь. Только давай на следующей неделе, а? У меня сегодня много работы.

– Ни фига! Так ты никогда не выберешься! Нет, мы поедем сегодня. Вот похаваем и отчалим.

Пока под пристальным вниманием Андрея на кухне фыркала яичница, Марго успела дозвониться секретарше и попросила отменить все назначенные на сегодня встречи. Голос у девушки сразу же стал расстроенным и недоумевающим. «Ничего, цела будет. В конце концов я ей хорошо плачу», – привычно успокоила себя Марго.

И вот уже съедены яичница и тосты, а после чашки ароматного кофе остатки сна как рукой сняло.

– Андрюш, а может, не надо, – Марго предприняла последнюю попытку отвертеться от спорта. – Лень заниматься после долгого перерыва. К тому же мышцы болеть будут. Я стану инвалидом.

– Не канючь, я тебе обеспечу самую крутую инвалидную коляску. Полный фарш, золотые колесики, кондиционер...

Марго расхохоталась и обняла Андрея. Как же все-таки ей с ним хорошо!

– Опять ты ко мне пристаешь, – он освободился из ее объятий и подошел к шейкеру. – Тебе только секс подавай!

Марго с интересом наблюдала за его манипуляциями. Достал какую-то банку, насыпал пару ложек ее содержимого в шейкер, потом долил молока.

– Вот! Это мне, – удовлетворенно сказал Андрей, наполнив бокал. – Этот коктейльчик полезно шандарахнуть перед тренировкой. Сейчас и тебе приготовлю. Тока чутка послабее.

Они чокнулись, и Андрей быстро выпил свой коктейль. Марго тоже сделала пару глотков. Вкусно, клубникой пахнет.

– Допивай, – строго приказал он, нахмутив брови. – За тобой глаз да глаз нужен!

Чуть позже у Марго нашлась еще одна причина отложить тренировку. Она уже давно перевезла к Андрею большую часть своего гардероба, захватив и несколько строгих костюмов, и вечерние платья, и, конечно же, самое сексуальное белье. Только вот про кроссовки, разумеется, и думать забыла.

Но Андрей оставался непреклонен:

– Поедь и купи.

В ближайшем магазине нужного размера обуви не оказалось, поэтому Марго пришлось отправиться в центр. Когда же поиски наконец увенчались успехом, и Марго, зажав коробку с кроссовками под мышкой, заспешила назад к джипу Андрея – ей нравилось пользоваться его машиной, – у нее так заломило виски от сильной боли, что больше всего на свете захотелось

плюхнуться на диван, обнять своего бандита и не ездить ни на какие тренировки...

Когда Андрей не открыл ей дверь, Марго совершенно не заволновалось. Так уже было один раз. Она долго звонила в домофон, потом разыскивала ключи в сумочке. Наконец она открыла замок, вошла в прихожую, и тут вдруг дверь шкафа медленно распахивается, и из него выскакивает Андрей в костюме Адама...

«Меня опять ждет сюрприз», – растроганно думала Марго, открывая многочисленные замки.

Сюрприз ждал. Только далеко не приятный. Андрей лежал без сознания в комнате на полу, рядом стояла расстегнутая спортивная сумка, из которой выглядывал край полотенца.

– Андрей! Что с тобой?! – закричала Марго, бросаясь к нему. – Андрей, очнись! Хватит меня разыгрывать!

Она звала его, тормошила, прижималась губами к его лбу, губам, ладоням. Он ей не отвечал. Он даже не шевелился. Как ужасно...

Преодолевая боль в висках, Марго дотянулась до телефона, вызвала «скорую» и милицию. Она хотела еще позвонить Витьку, лучшему другу Андрея, но чернота застлала глаза, и сначала не стало видно телефона, хотя Марго еще чувствовала, что вот он, она сжимает его в руке. А потом и вся комната погрузилась во мрак.

Ее привел в чувство звук звонка в домофон. Но это было ненадолго...

– Что ты здесь делаешь?

Ли́ка вздрогнула от неожиданности. Задумавшись, она даже не заметила, как возле ее машины притормозила «БМВ» Артема Сидоренко. Он опустил на переднее сиденье «Форда» и повторил свой вопрос, пристально глядя Лике в глаза.

– Не знаю, что я здесь делаю. Артем, я ничего не знаю, и совершенно ничего не понимаю, – честно призналась она.

Глаза вдруг предательски защипало, подбородок задрожал, и, чтобы не разрыдаться, Ли́ка постаралась думать о том, что сейчас происходит в редакции. Простой способ сдержать слезы – переключиться на постороннюю тему. Итак, сегодня номер сдают в печать, наверняка два метра красоты Андрея Ивановича сейчас расхаживают по кабинетам, давая ценные указания сотрудникам. Интересно, пишет ли он ей письма? Системный блок следователь так и не вернул, поэтому она уже давно не просматривала почту. Зачем, зачем она решила уволиться? Да, было много работы, она здорово уставала. Зато – никаких допросов, следователей, трупов. Нет, не очень-то у нее получается успокоиться...

– Так и будем сидеть и молчать? – поинтересовался Артем. – Или ты мне, наконец, объяснишь, что происходит?

А почему она, собственно говоря, должна ему что-либо объяснять? Пусть лучше он объяснится. Его-то сюда каким ветром занесло?

– Знаешь кафе «Викинг» на Маросейке? Поехали туда. За мной ведь ужин, если ты не забыла.

Ли́ка слабо улыбнулась:

– Я не забыла. Но ты же помнишь, какая каша заварилась в тот вечер. Ко мне менты пришли с обыском, потом пришлось ехать на допрос в прокуратуру. После такого не до свиданий. Извини, что не перезвонила. Не было никаких сил разговаривать.

– Понимаю. И это мы тоже обсудим, – пообещал Артем.

В кафе, когда официантка принесла меню, Ли́ка вяло махнула рукой:

– Заказывай сам. Мне есть не хочется. Возьми, может, салат какой-нибудь. Мне, правда, все равно.

– Нет, так не пойдет, – заявил Артем и, тоже не открывая меню, быстро задиктовал стоявшей у столика девушке: – Пожалуйста, два салата по-гречески, форель с овощами, морепродукты.

Когда принесли закуску, Лика охнула – блюдо с мидиями и креветками с трудом уместилось на столике. Артем взял вилку и принялся кормить ее, как ребенка, терпеливо дожидаясь, пока Лика проглотит еду, и ловко подавая ей то салфетку, то стакан минеральной воды. И это ничуть не мешало его рассказу.

– В общем, ты не позвонила. Я знал, что произошло с Виктором, мне тоже пришлось приехать в прокуратуру. Я тебе говорил, чем занимаюсь?

Так как рот был полон, Лика отрицательно покачала головой.

– Я работаю в службе безопасности довольно крупного банка. Но по образованию я юрист, заканчивал юрфак, и даже стажировался в прокуратуре. Так совпало, что этим делом занимается мой однокурсник, Вовка Седов. Он попросил меня помочь.

– Ага, поняла, – воспользовавшись тем, что Артем пока не поднес к ее губам очередную креветку, перебила Лика. – Ты был в фитнес-центре кем-то вроде агента?

– Глупости. Какой из меня агент, – засмутился Артем. – Хотя мы с Вовкой и, правда, шутили по поводу Джеймса Бонда. Так, проверил кое-какую информацию насчет Макарова. У него там явно был конфликт с конкурентом... И тут умирает Виктор Комаров. Я приезжаю к Вовке и выясняю: ты, оказывается, у нас главная подозреваемая. Да, дорогая, именно так. И дернул же тебя черт принести ему тот самый коктейль.

– Так он сам меня попросил, – уточнила Лика и перевела взгляд на заметно опустевшее блюдо. Надо же, за разговором она смолотила добрую половину мидий и креветок. – Сам попросил! А если бы не попросил? Причем полспортзала это слышали. Славик Кулаков точно слышал – он в тот момент Витьке штангу подавал. Я, конечно, понятия не имею, какими мотивами руководствуются убийцы. Но согласись – полагаться на волю случая, по крайней мере, глупо. И потом, ну не было мне никакого смысла с ним разделяться. Не было – и все. Но этот твой однокурсник... Знаешь, не хочу его обижать, но он мне показался человеком очень недалеким. Вцепился в меня, как бульдог, мертвой хваткой. Такое ощущение, что дальше собственного носа он не видит! И не хочет видеть!

Артема удивила точность характеристики. Володя и во время учебы отличался особым упрямством: если уж что решит, то потом его не переубедить. А еще он не умел логически мыслить и моделировать ситуации, поэтому задания всегда решал в числе последних. Даже странно, что он стал следователем. Хотя люди ведь меняются со временем...

Официантка принесла рыбу, завернутую в фольгу.

– Отлично, – прокомментировал Артем, пододвигаясь к Лике

поближе. – Приступаем к дегустации второго блюда. Ты ешь и молчи, договорились? Все время меня перебиваешь. Вот уж эти журналисты. Вечно у них рот не закрывается.

– Не вечно, – вставила свои пять копеек Лика. – Только когда нас начинают подозревать в убийствах, которых мы не совершали. Я ведь не ангел. И чего я только порой не вытворяла, чтобы заполучить эксклюзивный материал. Но в этом случае я совершенно ни при чем. Веришь?

– Конечно. Открывай ротик. Молодец... Так вот, узнав про Володины подозрения, я решил к тебе подъехать. По телефону звонить побоялся. Вдруг Седову уже дали санкцию на его прослушку. Наружное наблюдение он вряд ли бы успел организовать, да и оперативников у следователя в распоряжении раз-два и обчелся... В общем, подъезжаю я к тебе домой и вижу – ты садишься в машину и куда-то быстренько улепетываешь.

– И ты решил за мной пошпионить, – промакнув губы салфеткой – форель, изумительно нежная и сочная, просто таяла во рту, предположила Лика. – Я права?

– Да. И то, что я увидел...

– А, то есть ты видел, и как я в машину «Экспресс-стирки» залазила?

– Разумеется... А теперь, пожалуйста, объясни мне, что все это значит. Потому что, ты уж меня прости, но после всего увиденного я тоже могу начать думать, что Володя не так уж и не прав в своих подозрениях.

Лика задумалась. Говорить? Или не стоит? Но в глазах Артема читалось такое участие, что она решилась:

– Хорошо. Я все тебе расскажу. Пусть будет, что будет. Понимаешь, я решила написать книгу. Детектив. Не то, чтобы мне не давали покоя лавры Александры Марининой... Скорее просто хотелось оставить свой след в жизни. Более значительный, чем газетные публикации...

Лика говорила долго. Уже официантка успела убрать со стола, и Артем положил несколько купюр в принесенную книжечку со счетом, потом они выпили по две чашки кофе, а Лика все объясняла и объясняла, пытаясь не упустить ни малейшей подробности.

– Когда убили Виктора, я очень испугалась, – подытожила она свой монолог. – Мне вдруг начало казаться, что придуманный мною сценарий начал воплощаться в жизнь. Поэтому я узнала адрес Андрея Хлестова и поехала, чтобы его предупредить. Ты мне веришь?

Артем не успел ответить, так как у него настойчиво зазвонил сотовый телефон.

– Это Седов. Интересно, что ему понадобилось? – пробормотал он,

отвечая на вызов.

Слушая следователя, Артем мрачнел. Он нажал на кнопку отбоя, положил аппарат перед собой и в отчаянии обхватил голову руками.

– Слишком поздно, Лика... Ты опоздала. Андрея Хлестова нашли мертвым в его квартире. Вместе с ним погибла Маргарита Лунина.

– Маргоша? – ахнула Лика. – Но что с ними случилось?

– Похоже, то же самое, что с Виктором и Сергеем. Их отравили.

Лика обессиленно откинулась на спинку стула. Все кончено. Сейчас Артем сдаст ее своему дружку со всеми потрохами. Какая же она дура!

– Поехали, – Артем встал и схватил Лику за руку. – Скорее. Нельзя терять ни минуты. Тебя вот-вот объявят в розыск.

– Куда? Куда мы поедem? – голос Лики дрожал, на глаза навернулись слезы.

– Не плачь. Может, я полнейший идиот, но я тебе верю. Мы едем ко мне домой. Но сначала заедem к тебе и бросим твою машину у подъезда. Быстрее же!

Лика вздохнула с явным облегчением. Она была готова ехать куда угодно, лишь бы там не оказалось поблизости следователя Владимира Седова.

В тот день в прокуратуре проходила коллегия. Следователь Владимир Седов об этом вспомнил лишь после того, как старенькие «Жигули» были очищены от снега, прогреты и уже выражали полную готовность везти его на работу. Чертыхнувшись, он вернулся домой, чтобы переодеться в синюю форму. Обычно он ходил на работу в джинсах и свитере, но у шефа с этим делом обстояло строго. На официальных совещаниях он требовал, чтобы подчиненные выглядели прилично.

Но ни костюм, ни отглаженная рубашка, ни даже сдавивший как удавка шею галстук не спасли Владимира Седова от нелicenseприятного разговора.

– К сожалению, этот год начинается из рук вон плохо, – бушевал шеф, оглядывая следователей взглядом, от которого невольно хотелось втянуть голову в плечи. – Количество находящихся в производстве дел растет, а их раскрываемость оставляет желать лучшего. Некоторые сотрудники нашего ведомства так нерасторопны, что об этом уже стало известно наверху. Следователь Седов, объясните, пожалуйста, почему по делу, возбужденному по факту убийства предпринимателя Сергея Макарова, нет ни одного обвиняемого, зато в фитнес-центре произошло еще одно убийство?

Володя встал, и, глядя в стол – широкий, темно-вишневый, с графином и пепельницей в центре, – робко произнес:

– По этому делу проводятся активные следственные действия. К сожалению, улик мало. Мы прорабатываем разные версии. Обвинение предъявить действительно пока некому.

– Журналистам будете говорить про разные версии! – грохнул кулаком по столу шеф. – Меня ваши версии не интересуют. Мне нужен результат. Вы же знаете, какие важные задачи стоят перед правоохранительными органами страны. Обеспечение правопорядка и безопасности граждан должно выйти на принципиально новый уровень. Раскрываемость преступлений необходимо повышать. Вы это понимаете, следователь Седов?

Володя понуро кивнул. Он все понимал. Начальство вздрючили в вышестоящих инстанциях, теперь шеф отыгрывается на своих подчиненных. Конечно, он прав во многом. Но в этом деле просто совершенно не за что зацепиться. Вот уж действительно: инициатива

наказуема. Спихнул бы дело Макарова коллегам – не был бы теперь публично облит словесными помоями.

Но это пролетела лишь первая ласточка неприятностей. Не успел Володя перекурить свое горе, выслушав утешительный спич соседа по кабинету Кольки Смирнова, как на пороге возник дежурный.

– Еще два совсем свеженьких трупа обнаружили. Дежурная бригада выехала на место происшествия. Похоже, наши ребята, из «Мира спорта». Володь, ты поедешь или потом материалы запросишь?

Чертыхнувшись, Володя затушил окурок и потянулся за курткой. Страшно даже подумать, что скажет шеф на следующей неделе.

– Значит так, оперативников, экспертов, криминалистов – всех на срочный вызов, – сказал он дежурному.

– Слушай, а оно вообще надо – здоровый образ жизни? – не удержался от комментария Колька. – Так скоро всех клиентов «Мира спорта» перемочат. Нет, все-таки с пивасиком и чипсами у телевизора как-то спокойнее.

– Типун тебе на язык, – пробормотал Володя, глядя в окно. Так и есть: к прокуратуре подъехало несколько служебных машин. – Все, Колька, я побежал. Да кстати, не в службу, а в дружбу. Позвони моей Людмиле, а? А то вдруг задержусь, а она опять к родителям удерет...

В просторной квартире Андрея Хлестова Володю постоянно преследовал эффект дежавю. Тела уже увезли в морг на вскрытие, но на полу в гостиной белел их контур, обведенный мелом. На кухне – кто бы сомневался – стояли два мутных бокала с остатками светло-розовой жидкости на дне. Отенок коктейля в одном из бокалов казался чуть темнее.

«Понятно, – решил Седов. – Гражданка Лунина выпила отраву меньшей концентрации, поэтому у нее, видимо, и хватило сил на то, чтобы вызвать милицию и «скорую». Последняя, увы, им уже не понадобилась».

– Паша, – обратился Седов к оперативнику, – приступай к опросу жильцов. Эх, жаль, новостройка – никаких зорких пенсионеров у подъезда.

Эксперт Марат Рамдракович Исаев запечатал банку с надписью «Коктейль протеиновый» на этикетке в пластиковый пакет и склонился над шейкером. Седов же раскрыл лежавшую в прихожей записную книжку и погрузился в изучение исписанных мелким почерком страничек. Книжка, вне всяких сомнений, принадлежала Андрею Хлестову, а не Маргарите Луниной. Зачем женщине телефоны саун и массажных салонов, а также длинный перечень имен девушек с пометками «только минет», «минет, стандарт» и даже «минет, стандарт, садо-мазо»? На следующей страничке

педантично перечислялись названия фирм, ресторанов и магазинов, и напротив каждого значились определенные цифры. В общем, в делах Андрея Хлестова царил полный порядок, и характер этих дел не вызывал никаких сомнений.

– Володя, ты только послушай, – появившийся в гостиной оперативник Паша просто светился от радости, и Седов невольно подумал, что десять лет назад, когда только пришел на работу в прокуратуру, он был точно таким же жизнерадостным щенком, готовым колотить хвостом по полу, почуяв след. – Я поговорил с охранником на въезде в эти дома. Угадай, кто пытался проехать к Хлестову незадолго до его смерти?

– Лика Вронская, – наобум брякнул Седов.

На лице Паши отразилась наивысшая степень разочарования:

– Ты что, сам с ним говорил? Но когда успел? Ай, Володя, это нечестно.

Бросив Седову протокол допроса, оперативник сел в кресло и, как ребенок, обиженно надул губы.

Володя поймал стремительно пикировавший на пол листок и пробежал глазами неровные строчки. И так, Лику на территорию комплекса не пустили. Охранник видел, как ее автомобиль – госномер и марка указаны, отлично, не придется пробивать по картотеке ГИБДД, – объехал квартал вдоль забора. Затем «Форд» журналистки исчез из поля зрения. Потом по вызову из третьего подъезда приезжала машина «Экспресс-стирки», через час в соседний дом завозили пиццу и далее по списку.

– Паша, узнай телефон этой самой прачечной и выясни, кто сегодня привозил заказ. Сдается мне, что наша журналистка все-таки попала в квартиру Андрея Хлестова. Но вот зачем ей это потребовалось?..

Паша дозвонился быстро, Седов не успел еще закончить обыск огромной квартиры Андрея Хлестова.

– Водитель «Экспресс-стирки» действительно спрятал Лику в своем фургончике, – сообщил оперативник. – Но он настаивает на том, что девушка только звонила в домофон, дверь ей не открыли, поэтому в квартиру она не поднималась. Похоже, он говорит правду.

– Спасибо, Паша.

Нажав на кнопку отбоя, Володя на секунду задумался. А потом набрал номер своего однокурсника Артема Сидоренко.

– Привет! Андрей Хлестов и Маргарита Лунина мертвы. Твоя подруга Анжелика Вронская незадолго до этого пыталась их навестить.

Артем сразу же серьезно ответил:

– Я приеду через час.

– Хорошо, – согласился Володя.

В квартире ему больше делать нечего. Эксперт, изъяв кое-какие предметы, уехал еще полчаса назад. Захватив с собой сумочку Маргариты Луниной, валявшуюся возле коробки с новенькими кроссовками фирмы «Адидас», Седов опечатал дверь и спустился к машине.

Маша Петрова стояла в толпе сотрудников фитнес-центра «Мир спорта» и украдкой смахивала слезы.

Все сбежались на истошный вопль официантки Жанны:

– Девочки! Мальчики! Вы посмотрите, что творится! Андрея и Марго убили!

Машу как ветром сдуло из-за стойки, хотя она отчетливо видела: к ней направляется клиент, и надо поменять ему ключ на клубную карточку. Но какая уж тут работа... Вбежав в бар, она застыла перед экраном небольшого телевизора, прикрепленного на полке в углу. В основном камера фокусировалась на предметах гостиной квартиры Хлестова и очерченном мелом контуре двух тел. В кадре мелькнул высокий сутулый дядька с прозрачным полиэтиленовым пакетом в руках, но этого было достаточно, чтобы у Маши оборвалось сердце. Она узнала банку в пакете. Протеиновый коктейль. Тот самый, который она украла из бара по просьбе Вячеслава...

Начавшийся так внезапно роман кружил ей голову. Пусть они встречались тайком, пусть Слава избегал приглашать ее в людные места – никаких прогулок, баров и кафе, – Маша была так счастлива, как никогда в своей двадцатилетней жизни. Ведь у нее теперь есть парень, и какой – красивый, спортсмен, все девчонки на него заглядываются. И домой ее всегда подвозит – правда, она садится в его машину через квартал от фитнес-центра, и никогда не выходит возле подъезда, но там ходьбы от ближайшего перекрестка – всего ничего, пара минут...

Они как раз возвращались домой после работы. Вячеслав внезапно притормозил, хотя до ее дома было еще добрых полчаса езды.

– Маша, у меня к тебе серьезный разговор, – сказал он, беря ее за руку.

Сердце Маши екнуло. Неужели он сделает ей предложение? Как здорово!

– Понимаешь, – кадык Вячеслава дернулся, – есть один человек. Ты его знаешь. Сергей Макаров. Он очень меня обидел. Он должен умереть. И мне нужна твоя помощь. А потом мы всегда будем вместе.

Пришел черед Маши хватать ртом воздух. С широко раскрытыми от ужаса глазами, она переваривала полученную информацию. Сергей Макаров? Но почему? Ведь у Славки с ним хорошие отношения, Макаров даже оплачивает ему персональный тренинг. И почему он должен умереть?

И – о боже! – что за помощь требуется Славе?!

– Он очень плохой человек. Не надо его жалеть, правда, – уловив замешательство на круглом Машином личике, затараторил Вячеслав. – Я все продумал. Никто ничего не узнает... Он собирается на новогоднюю вечеринку. Тренировка у него вечером. Бар к тому времени уже закроется. Ты принесешь ему коктейль. Вот и все.

– Что все? – закричала Маша. – Что все? Слава, объясни мне, я ничего не понимаю!

– В коктейле будет яд, – устало пояснил Вячеслав. – Сильное снотворное. Через несколько часов Макаров умрет.

Маша растерянно потеряла виски. Голова шла кругом от всего услышанного.

– Слава, но откуда там появится яд?

– Его подложишь ты. Я дам тебе таблетку. Она быстро растворяется. Ни вкуса, ни запаха. Не бойся, он ничего не заподозрит.

– Подожди, но как же потом? Меня ведь в тюрьму посадят.

– Не посадят. Во-первых, в спортзале будет мало людей, так что никто тебя скорее всего не увидит. Во-вторых, я опущу такую же таблетку в его бокал на вечеринке. Это называется алиби, глупышка...

– Подожди, но тогда ведь в тюрьму посадят тебя?

Вячеслав обнял ее за плечи:

– Никакой тюрьмы, моя глупая девочка. Мы будем вместе. Тебе ведь хорошо со мной?

– Да, конечно!

– Вот видишь! И это только начало!

Маша убрала руку Вячеслава со своего плеча. И физически ощутила: он замер, напрягся, ожидая ее решения.

– Подожди, ты, наверное, не любишь меня, – Вячеслав заговорил с обидой и раздражением. – Ты ничего не хочешь для меня сделать. А ведь любящие люди должны быть вместе всегда – и в здравии, и в болезни. И проблемы надо решать сообща. Я первый раз попросил тебя о помощи. А ты что – сразу же в кусты?

Конечно, Маша прекрасно понимала: Слава просит ее не просто о помощи. Он просит ее убить человека. И пусть он, судя по всему, все уже продумал до мелочей, пусть у него все рассчитано – на ней, Маше Петровой, всю ее оставшуюся жизнь будет клеймо убийцы... А счастья на чужом горе не построишь, нет... Но как быть, если он уйдет? Опять плакать ночами в подушку, смотреть, как другие девочки ходят на свидания, и безумно им завидовать, и ревновать Славу. Ревновать сильно,

больно, отчаянно, потому что она ведь уже знает, как это хорошо – впустить его в свою жизнь...

– Слава, я сделаю, что ты просишь, – решила Маша. – Но потом мы сразу же уедем. Я просто не смогу опять видеть этот клуб.

Вячеслав покрыл ее лицо, соленое от слез, поцелуями и забормотал:

– Конечно, моя девочка, разумеется, мой котенок. Мы уедем. Правда, нам придется какое-то время подождать, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений.

Маше было очень беспокойно на душе. Но страх перед одиночеством делал ее действительно готовой на все.

И все же как она молилась в тот вечер накануне Нового года, чтобы Макаров вдруг споткнулся о штангу и расплескал коктейль, куда она, как робот, послушно опустила таблетку, которую ей передал Слава. Напрасно. Сергей выпил стакан залпом и широко улыбнулся:

– Спасибо, Маша!

Эта фраза с той поры постоянно звучала в ее кошмарах.

– Спасибо, Маша! – кричали пляшущие возле раскаленной сковородки черти, и отблески огня делали их чумазые мордочки особенно зловещими. – Спасибо, Маша! Спасибо!

Смерть Виктора Комарова она с Вячеславом не обсуждала. Нутром чуяла: его рук это дело. И молчала. И радовалась, что в обед можно украдкой набрать его номер сотового, а вечером за углом сесть в его машину и прильнуть к его губам, и все забыть, и ни о чем не думать.

Потом он попросил украсть из бара коктейль. Целую банку.

Она робко запротестовала:

– Славка, но ведь ее можно просто купить. Давай я заплачу за нее. А то неудобно как-то перед девчонками.

Вячеслав категорически возразил:

– Ни в коем случае. И постарайся, чтобы тебя никто не видел. Это очень важно, моя девочка.

Глупая, она себя тогда еще утешала. Думала, может, Славку просто клиент попросил об этом, или он вообще решил оставить коктейль себе. Но нет. Опять смерть. И снова Маша причастна к произошедшему.

Кто-то тронул ее за плечо:

– Маша, у тебя уже очередь возле стойки. Иди работать.

Она послушно вернулась в холл, обслужила клиентов, наперебой обсуждавших последние новости. С трудом дождавшись часа закрытия «Мира спорта», Маша даже не стала обходить клуб, просто сдала здание на сигнализацию, бросила связку ключей в будочку, где сидели охранники, и

заторопилась к условленному месту.

– Слава, что все это значит? – прямо спросила она. – Андрей и Рита тебя тоже обидели? Когда же все это закончится в конце-то концов!

Он обнял ее за плечи, принялся гладить по волосам, смахивать слезы со щек теплыми чуткими пальцами.

– Все, все мой котенок. Все уже закончилось, не плачь. Все будет хорошо, – повторял он.

Поплакав, Маша успокоилась. Ничего не поделаешь, видимо, ей суждено платить за свою любовь слишком высокую цену. Разве у нее есть иные варианты?

Дом, в котором жила Лика Вронская, был старым. В числе ее соседей значилось немало пенсионеров из бывших партийных работников. А эта категория населения слишком хорошо научена никогда не терять бдительности. Все это очень обрадовало оперативника Пашу, направленного следователем Седовым на розыски Лики Вронской.

Соседствующая с журналисткой Мария Никаноровна Худолеева встретила Пашу как родного. Она заварила ему чаю покрепче, угостила умопомрачительным малиновым вареньем и выложила про неугомонную журналистку все как на духу.

– Вообще-то жаловаться на нее не приходится. Тихая девушка, приветливая. Конечно, мужчины к ней заходят. Ну да оно понятно, дело молодое. Один парень вроде даже жил тут. Но что-то давно его уже не встречала.

Паша разложил перед старушкой несколько карточек – Макарова, Комарова и Хлестова. Мария Никаноровна внимательно их изучила, поднося близко-близко к подслеповатым глазам, а потом решительно отодвинула снимки в сторону.

– Нет. Таких здесь отродясь не было. Уж я-то бы заметила. Мужчины они видные...

Первую половину вчерашнего дня, судя по всему, Лика Вронская провела в своей квартире. Никаких посетителей бдительная Мария Никаноровна не заметила.

– Только после обеда Анжелочка вышла из дома и куда-то уехала, – рассказывала соседка. – Потом я слышу, часа через три вроде как машина под окнами остановилась. Возле скамейки такая площадочка есть, между кустами, – Анжела там всегда машину ставит. Так вот, кажется, зашумело что-то. Я в окно выглянула, вижу: Анжелочка не в подъезд идет, а прямо-таки убегает от дома. Ну а как она за угол зашла – больше уж я ее не видела.

Дальнейшие поиски Лики Вронской успехом не увенчались. Паша, все еще не теряя надежды установить местонахождение девушки, подъехал к Ликиным родителям, потом заглянул к друзьям и коллегам по бывшей работе. Безрезультатно.

Вернувшись в прокуратуру, он, не раздеваясь, сразу же отправился к Седову.

– Володя, Вронская как сквозь землю провалилась, – устало сказал он. – Еще поручения на сегодня будут?

– Нет, можешь быть свободен.

– Подожди. Кофе есть?

Володя включил электрический чайник, насыпал две ложки растворимого кофе в чашку, добавил столько же сахара. Потом подумал, что сейчас как раз и Артем, побежавший за булочками, должен вернуться. Вот они все вместе и почаевичают. Шутка ли, на часах почти полночь, а у него лично с утра маковой росинки во рту не было.

– Ну что? Что ты теперь скажешь? – откусывая сразу половину булочки ехидно поинтересовался у появившегося Сидоренко Седов. – Пока ты в магазин бегал, Пашка вернулся. Вронская исчезла. Ее нет дома, у родителей и знакомых она тоже не появлялась.

Артем пожал плечами и сделал глоток кофе.

– Она просто испугалась. Решила затаиться где-нибудь в укромном месте, пока ты не разыщешь настоящих убийц, – предположил он.

Отогревшийся и воскресший после еды Паша горячо возразил:

– Человек, которому нечего скрывать, не прячется. Значит, у девочки рыльце-то в пушку.

– О! – Володя назидательно поднял палец вверх. – Устами младенца глаголет истина.

Отставив пустую чашку, он пододвинул к себе сумочку Маргариты Луниной. Все, сейчас он осмотрит ее содержимое, а потом спустится к своим «Жигулям» и отправится домой – спать, спать и еще раз спать. Только не забыть бы как следует расправить на вешалке ненавистный синий костюм – в ближайшие дни он ему точно не понадобится.

– Да, Паша, – разбирая визитки салонов красоты и бутиков, произнес Седов. – Завтра тебе предстоит тяжелый день.

– Почему?

В голосе Паши чувствовалось столько энергии, что Седов невольно ему позавидовал. Все-таки двадцать лет – это двадцать лет...

– Будешь искать связи между Макаровым, Комаровым и Хлестовым. Дело это непростое. Разные люди, разный возраст, на первый взгляд между ними нет ничего общего. Но как знать... Может, по родственной линии они где-то пересекались. Или деловой интерес какой имелся. Подожди, что это?

Володя с изумлением уставился на светло-серый клочок бумаги. Как-то он совершенно не гармонировал с гладкими блестящими визитками индустрии по приданию красоты.

Он вслух прочитал:

– «Магия, колдовство, снятие сглаза и порчи». Хм... Что могло понадобиться преуспевающей бизнес-леди в этой лавочке? Навести порчу на конкурентов? Приворожить мужчину?

Артем вскочил со стула и подошел к Седову:

– Дай-ка взглянуть. Да, на самом деле, как-то это странно. Что ж, может, это еще одна ниточка... Слушай, Володька, а пробей мне адрес по этому телефону. Я завтра подъеду.

– Не вопрос, – Володя включил компьютер, запустил программу поиска, и через пару секунд машина услужливо высветила ему адрес. – Вот, квартира зарегистрирована на женщину с замечательной фамилией: Храбрая Светлана Васильевна. Буду признателен за помощь. А ты что, так надеешься отмазать свою новую пассию?

– Вот еще! Хотя она мне понравилась, конечно. Но голова у меня на плечах есть, ты не беспокойся, – быстро ответил Артем.

Но преувеличенно бодрый тон однокурсника не обманул Володю Седова.

«Да ты, парень, похоже, втрескался по уши», – в очередной раз констатировал он...

Глава 4

За тридцать лет до описываемых событий

«Но так случилось, что еще до родов я потеряла единственного близкого мне человека.

– Танк, ты полнеешь вместе со мной, – заметила я своей подруге. – Странно: ребенка жду я, а твой животик округляется...

Понурившись, она молчала. Потом, набравшись решимости, начала говорить.

– Прости, что не рассказала тебе раньше. Я каждый день собиралась сказать правду и все откладывала и откладывала этот разговор. Дело в том, что я тоже жду ребенка. И у наших детей один отец.

Я мыла посуду в тот момент. Тарелка выскользнула из моих рук и разлетелась на мелкие осколки. Такая острая боль вцепилась в сердце, невыносимая, горькая, что мне показалось, будто это я разбилась о каменные плиты.

Танк плакала. Она и сама толком не знала, как все получилось. Он никогда ей особо не нравился. А что на него заглядываться: не ее поля ягодка.

В конце летних каникул, когда в общагу начали заселяться студенты, он вдруг открыл дверь нашей комнаты. Оглядел ее нехитрое убранство. Спросил, где остальные девочки. А затем повернул ключ в замке...

Танк обрадовалась. У нее еще год назад был первый мужчина, и она знала, что с парнями бывает сладко, очень сладко... Потом ей локти хотелось кусать от стыда передо мной, секрета из своих чувств особо не делавшей. Затем поняла, что беременна. Борясь в институте за меня, она боролась и за себя, мстя ему за то, как подло он поступил, как прятал глаза, как прикрывался отцом, большой партийной «шишкой».

Я во все глаза смотрела на Танка. Значит, с ней было все то же самое? Значит, ее память хранит точно такие же воспоминания о том, как его губы нежно скользят по шее, как горячие руки торопливо срывают одежду, как он накрывает своим телом, будто теплым плащом...

– Прости меня, – утирая слезы, просила Танк. – Так глупо все получилось. Я и не любила его вовсе. Сама не знаю, что на меня нашло.

– Убирайся. У меня больше нет никакого желания с тобой общаться. Проваливай к чертовой матери! Слышишь? Проваливай!

Всхлипывая, Танк собрала свои вещи. Попыталась обнять меня – я уклонилась от ее больших натруженных рук. Тогда она взяла свою сумку и тихонько прикрыла дверь. Куда она уходила, сторбившаяся, беременная, выгнанная мной из комнаты, которая появилась у нас благодаря ее усилиям? Я не знала.

Потом, опомнившись, я бросилась ей вдогонку, понимая, что погорячилась, что сто раз не права, что Танк точно такая же жертва обстоятельств, как и я. Но ночная улица была пустынна. Танк исчезла из моей жизни раз и навсегда. Я написала ее матери – она ответила, что дочь не возвращалась. А больше писать было некому и некуда.

Как быстро в фильме «Москва слезам не верит» у главной героини Катерины налаживается жизнь. Один кадр – она, уложив ребенка, клюет носом над тетрадками, а затем, всплакнув, отправляется в постель. Другой – просыпается уже руководителем крупного предприятия. Увы, реальная жизнь слишком сильно отличается от кино.

Я действительно пыталась совершить трудовой подвиг на заводе, куда меня устроила, конечно же, Танк. Но вскоре поняла: нет никаких шансов оторваться от своего станка. Даже для того, чтобы стать мастером цеха или профсоюзным руководителем самого низшего звена, требовалась идеальная биография. Пятно исключения из института и комсомола за аморальное поведение вычищению не поддавалось.

Перед родами выяснилось: пособие по уходу за ребенком, и то лишь в связи с тем, что я буду воспитывать его одна, мне станут платить в размере всего пятнадцати рублей. Семь-восемь из которых придется отдавать за оплату общежития. Таким образом, я осталась практически безо всяких средств к существованию. Конечно, можно вернуться в родную деревню к родителям, голодать бы тогда не пришлось ни мне, ни малышу. Но как показаться старикам на глаза, да еще и с ребенком? Как объяснить, что у него никогда не будет отца? Тем более, не желая их волновать, я не писала им ничего о событиях последнего года. Они получали мои письма, которые я специально отправляла из Москвы, чтобы штемпель на конверте был соответствующий, и не сомневались, что все у меня в порядке. Зачеты якобы сданы, с экзаменами никаких проблем, а приехать на каникулы не могу в связи с тем, что устроилась на работу. И вот после всего этого возвращаюсь – исключенная из института, на последнем месяце беременности. Это было бы слишком жестоко по отношению к родителям, которые, бедолаги, в глубине души так радовались, что хоть дочь имеет шанс выбиться в люди...

Родился сыночек. Мое солнышко, моя кровиночка, самый дорогой и

любимый человек. Как же я завидовала женщинам, подносящим к стеклам туго перепеленатые свертки.

– Смотри, глазки твои! И носик! – говорили они своим мужьям.

Те ничего не слышали через высокие двойные рамы, ничего не видели, я уверена, палата-то наша находилась на третьем этаже. Но их лица светились таким глубоким, до идиотизма, счастьем, что по моим щекам невольно текли слезы. Я обещала сыночку, что стану любить его и за маму, и за папу, что он никогда ни в чем не будет нуждаться, что я сверну горы ради этих ясных глазок со слипшимися ресничками, крошечных ручек, полуоткрытого ротика...

Я, и правда, очень старалась. Еще не зажил шов на животе – мне делали кесарево сечение, – а я уже договорилась о том, что по ночам займусь уборкой магазина по соседству. Платили там копейки, но в моем положении выбирать не приходилось. К счастью, мой сыночек отличался тихим нравом и отменным здоровьем. Поэтому комендант общежития охотно соглашалась присмотреть за ним пару часов, пока я ползала с тряпкой по, казалось, бесконечно огромному полу.

Любовь по-прежнему жила в моем сердце. Иногда она, как испугнутая птица, уступала место тоске и раздражению. Но потом всегда возвращалась.

Как чуда я ждала того дня, когда сыночку исполнится два года и его примут в садик. Время тянулось медленно-прямедленно, хотя малыш рос буквально по часам. Глядишь – и уже ему нужны новые ползунки, и ботиночки не налезают на ножку. Я ела в основном сваренный на воде геркулес, откладывая каждую копеечку для малыша, но денег все равно катастрофически не хватало.

В таком состоянии, когда вечно сосет под ложечкой, работать в магазине – тяжелое испытание. Вымыв пол, я, как зачарованная, рассматривала прилавки с продуктами, и рот наполнялся слюной. Сколько же там всякой снеди – и рыбные консервы, и банки с салатами, и торты в больших круглых коробках. Я не помнила вкуса этих продуктов. Казалось, что готова съесть буквально все, чем уставлены полки.

Когда как-то вечером я, закончив уборку, привычно любовалась песочным тортом с розочками из крема, на мое плечо вдруг опустилась тяжелая рука.

Вздвогнув от неожиданности, я обернулась – Виктор Семенович Завьялов, заведующий магазином.

– Пошли, – коротко распорядился он и взял тот самый торт, песочный.

Мы пили чай, и он участливо расспрашивал про мое нехитрое житье-

быть, про сыночка.

– Увидел вчера через окно, как ты полы драишь – маленькая, худенькая... И в груди что-то оборвалось. Я ведь детдомовский. Вспомнил, как у самого ребра торчали, как вечно думал о том, что бы поесть... – выслушав меня, сказал он и отрезал мне еще один кусок торта.

Мне стало стыдно, хотя он был прав, совершенно прав.

– Ничего, – я старалась, чтобы мой голос звучал как можно более бодро. – Вот отдам сына в садик, вернусь на завод, и все будет в порядке. Я еще полмагазина продуктов скуплю, вот увидите.

Его глаза подозрительно заблестели.

– Гордая ты. Конечно, так все и будет. А можно, я завтра вечером в гости зайду? Ты мне ребеночка покажешь...

Я кивнула. За исключением сидевшей с сыном коменданта общежития, порог моей комнатенки давно никто не переступал.

Виктор начал нам помогать. Приносил продукты и игрушки для сына, которых тот в жизни своей не видел, оставлял деньги, рублей пятнадцать-двадцать, но для меня тогда это являлось целым состоянием.

Я чувствовала, что нравлюсь ему, что он волнуется, когда я, подавая ему чай, вдруг случайно касаюсь его рукой. Но Виктор Семенович был женат, у него росло двое детишек. Я даже видела его жену – полную видную даму с открытым простодушным лицом и выбеленными волосами, которые она укладывала в высокую прическу.

Я была так благодарна ему за заботу, что, хотя мое сердце по-прежнему ломало от любви к отцу моего ребенка, не отказала бы Виктору ни в чем. Но он сам долгое время не делал никаких попыток к сближению. Он словно хотел справиться с собой, не перейти ту грань, за которой дружеская забота превращается в близкие отношения, а их скрывать в нашем маленьком городке долго не получится.

И все же он не устоял... Он долго целовал меня – глаза, волосы, губы, грудь. А я невольно представляла себе на его месте совершенно другого человека.

Я часто их сравнивала – Виктора и того, другого. У Виктора, абсолютно чужого, в сущности, мужчины, душа болела за меня и ребенка. Когда сынишка простудился – он три ночи не отходил от его кровати. А в груди настоящего отца, казалось, и вовсе отсутствовало сердце. Я никак не могла понять: как можно жить, зная, что где-то растет твой ребенок...

Каким-то чудом Виктору удалось помочь нам с выделением квартиры. Пусть однокомнатной, на самой окраине города, но мне казалось: уютнее этого дома нет ничего на свете. Как сумасшедшая, я могла убраться

квартирку сутки напролет, стараясь, чтобы нигде не было ни пылинки, чтобы наши нехитрые пожитки находились в идеальном порядке.

Потихоньку жизнь наладилась. Сыночек пошел в детский сад, я вернулась на завод, несколько раз в неделю Виктор приходил в гости. Но мне становилось все сложнее и сложнее отвечать на вопросы своего ребенка.

– А почему у всех мальчиков и девочек есть папы, а у меня нет? – вопрошало дитя с таким изумлением в чистых наивных глазенках, что мне приходилось закусывать губу, чтобы не разрыдаться.

– Твой папа умер, солнышко.

– А почему он умер? – не отставал сын.

– Заболел и умер.

А что можно сказать в такой ситуации? Что отца никогда не интересовал собственный ребенок, этот маленький теплый комочек с торчащими за затылочке вихрами, которого невольно хочется защитить от всех невзгод...

– А дядю Витю можно называть папой? – продолжал задавать вопросы мой ребенок.

– Нет, – твердо говорила я. – Дядя Витя просто наш друг. Но он очень любит тебя.

– И тебя, – добавлял маленький экзекутор.

Виктор, и правда, очень нежно ко мне относился. Он делал все что мог, чтобы хоть как-то облегчить мою жизнь. Но у него были жена и дети, и он никогда даже не думал о том, чтобы их оставить. Мне, не скрою, очень хотелось, чтобы у меня, после всех пережитых испытаний, тоже появился муж. Хотя бы потому, что это прекратило бы львиную часть разговоров сплетниц у подъезда. Я бы вышла за Виктора безо всяких колебаний. И при этом прекрасно понимала, почему он никогда мне этого не предложит. У детей должен быть отец. Это самое главное.

Может быть, в Москве наши отношения могли бы продолжаться десятилетиями. Но город N – это не Москва. Подсознательно я всегда ждала скандала, открывая дверь, каждый раз замирала: а вдруг там жена Виктора?

Но все оказалось проще. Не было ни скандалов, ни заседаний парткома, ни нравоучительных лекций. Однажды после ужина Виктор просто сказал:

– Прости, но больше я не приду. Жена все узнала. Я сделал свой выбор. Но ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью.

Когда он закрыл дверь, я не смогла сдержать слезы. Почему, ну почему

никто из мужчин никогда не делает свой выбор в мою пользу?..»

Оказавшись в квартире Артема Сидоренко, Лика Вронская с любопытством огляделась. Помещение меньше всего напоминало дом. Никаких сувениров на полках, фотографий, цветов – пусто, как в гостиничном номере. Если в жизни Артема и возникали женщины, то они вряд ли задерживались надолго в этой квартире. Иначе наверняка появился бы и маленький столик у зеркала в прихожей, на котором так удобно оставить фен, щетку для волос и флакон туалетной воды. А на кухне завелся бы какой-нибудь веселый передничек и рукавичка ему в тон, да и скатерть бы тоже не помешала.

Спальня, гостиная, еще одна комната со спортивным инвентарем, в которой вместо люстры подвешена боксерская груша – все это сияло безупречной чистотой и было абсолютно безлико, а так хотелось понять, что же собой представляет хозяин этой квартиры.

Послonyaвшись по комнатам и выкурив на лоджии сигаретку, Лика опустила на диван и задумалась. Сейчас хорошо было бы позвонить маме или отцу, предупредить их, что она исчезнет на пару дней. Но Артем отобрал у нее сотовый телефон, сославшись на то, что по нему можно без особых проблем установить местонахождение владельца. И строго-настрого запретил подходить к городскому аппарату, иначе ее вычислят очень быстро.

Стрелки часов заснули на циферблате. Дожидаясь поехавшего в прокуратуру Артема, Лика чутко прислушивалась к доносившимся из-за двери слабым звукам. Вот кто-то отправился выносить мусор, хлопнула дверь соседней квартиры, где-то забренчала гитара...

А если Артем передумает ей помогать? Если у Седова появились новые подозрения на ее счет, и он сумеет переубедить своего однокурсника? С ее стороны так опрометчиво довериться практически совершенно незнакомому человеку. Теперь она от него полностью зависит, и это угнетает, но самое страшное – неопределенность, которая буквально сводит с ума.

Промаявшись еще час, Лика пошла на кухню и изучила содержимое холодильника. В еде, отметила девушка, Артем совершенно не привередлив, никаких особых деликатесов на полках нет. Но и полуфабрикатами не питается – в морозильнике лежат и мясо, и рыба, и курочка.

Что ж, имеющихся продуктов более чем достаточно для приготовления борща. Лика решительно извлекла из холодильника мясо, свеклу, половинку кочана слегка подвявшей капусты и принялась за готовку, имея, в общем, довольно смутное представление об этом процессе. Ей даже пришлось несколько раз сбегать в гостиную, где она заприметила светло-серый ноутбук, и побродить по кулинарным сайтам. После чего дело пошло на лад: пену с бульона удалось вовремя снять, а лук и морковь, имевшие все шансы попасть в кастрюлю в сыром виде, все-таки сначала побывали на сковородке.

Постепенно Лика даже начала получать удовольствие от этого ненавистного прежде занятия. Ей вдруг подумалось, что, пожалуй, она бы не отказалась варить Артему борщи. А появление детенышей ее обрадовало бы еще больше. Все-таки она, единственная дочь в семье, выросла жуткой эгоисткой. Только хорошо бы, если бы родилась двойня, и план по деторождению был бы сразу выполнен. Тогда не придется дважды рожать, дважды ходить беременной, что, говорят, даже сложнее, чем сами роды...

«Совсем с ума сошла, – оборвала себя Лика. – Теперь тебе надо думать не о счастье семейной жизни, а о более прозаичных вещах. Например, о том, как не потерять свободу. Но куда же пропал потенциальный кандидат в мужа?»

Лика успела перемыть посуду и даже задремать у телевизора, пока Артем, осторожно открыв дверь своим ключом, не принялся ее тормошить.

– Какие новости? Что узнал? Мне уже можно вернуться домой?

Он потянул носом воздух и мечтательно зажмурился:

– Пахнет вкусно. Даже если бы было можно, ни за что бы не отпустил такую хозяйственную женщину. Пошли поедим, а? А то я замерз, как собака. Да и приятного, надо сказать, в прокуратуре мало. Седов объявил тебя в розыск.

Пройдя на кухню, Лика налила в тарелку борща (еще горячего, даже разогреть не пришлось), положила ложку сметаны, отрезала хлеба.

– Какая гадость... какая гадость эта ваша заливная рыба, – попробовав суп, прокомментировал Артем. И, заметив, как помрачнела Лика, спешно добавил: – Ну, шучу я, шучу. На самом деле очень вкусно.

Лика пожалала плечами. Оценка ее кулинарных способностей на данный момент утратила всякую актуальность.

– Артем, – робко сказала она. – Может, я все же зря прячусь? Может, имеет смысл поехать к следователю и все честно ему рассказать. Я ведь не заходила в квартиру Хлестова.

– Исключено. Они разыскали водителя, который провозил тебя через пост охраны. Он действительно сказал, что ты не входила в квартиру. Но пойми, это ничего не меняет.

– Вот видишь! Значит, у меня есть свидетель.

– Да какой он свидетель! Ты не представляешь, как сегодня на Вовку наорали за слабую работу по этому делу. Причем случилось это еще до того, как обнаружили трупы Андрея и Марго. Ему прямым текстом заявили: вынь да положь обвиняемых в творящемся беспределе. Вот он землю носом и роет. Оперативник уже пообщался с твоими соседями, родителями, друзьями.

У Лики сжалось сердце. Она представила, как перепугались мать и отец, вынужденные отвечать на вопросы милиции. Да и друзья, наверное, в шоке.

– Что же мне делать? Артем, у тебя дома, конечно, очень мило. Какое-то время я еще могу здесь потусоваться. Супчики поварить, квартиру убрать.

– Убирает домработница, – перебил Артем. – Но я ей позвоню, чтобы не приезжала. Не надо, чтобы тебя видели посторонние люди.

– Но так же не может продолжаться всю жизнь.

– Не может, – согласил Артем, отставляя пустую тарелку. – Налъешь добавки? Борщ получился – пальчики оближешь. Ты и не будешь тут прятаться всю жизнь. Хотя я, повторюсь, и не возражал бы.

Лица раздраженно всплеснула руками:

– Ты все шуточки шутишь! Давай обсудим этот вопрос позже? Только не теперь! Мне все кажется, что на меня вот-вот наденут наручники.

Он вмиг стал серьезным.

– Ты права, Лика. Прости. Я очень рад, что ты здесь, но сейчас действительно не время для выяснения отношений. Но ты учти: там ведь тоже не сидят сложа руки. Оперативник с Вовкой в паре работает молодой, но толковый. Завтра он поедет в клуб, потом в архивы засядет. Глядишь, и появится у следствия новая ниточка. Я завтра тоже отъеду на пару часов. Вовка нашел в сумочке у Маргоши телефон какой-то гадалки.

– Гадалка и Маргоша? – удивилась Лика. – Странно. Что может быть между ними общего?

Артем, позевывая, сказал:

– Вот завтра и разберемся. А теперь давай спать.

– Подожди, а как же Маша? Вдруг ей тоже угрожает опасность? Надо предупредить ее, как ты считаешь?

– Я думаю, это лишнее. Пошли спать, а?

Ли́ка заулыбалась.

– Это очень хорошее предложение, – лукаво поглядывая на своего собеседника, заметила она. – Я уже осмотрела твоё лежбище. Большое, просторное, то, что надо.

Как приятно чувствовать на себе взгляд любимого мужчины, пристальный, изучающий, загорающийся желанием.

Однако, поколебавшись, Артем вздохнул и сказал совершенно не ту фразу, которую Ли́ка мечтала услышать:

– Надеюсь, тебе будет удобно в моей спальне. Халат можешь взять на полке в шкафу. Размерчик великоват, но ничего, завтра заеду в магазин и куплю тебе все необходимое.

Подобное заявление, мягко говоря, обескураживало. Что же это получается, они не лягут спать вместе? А ведь она уже размечталась о том, что сегодняшней сумасшедший день хотя бы закончится по-человечески, в объятиях мужчины, который ей очень, очень симпатичен.

Уловив разочарование на вытянувшемся личике, Артем попытался сгладить ситуацию:

– Ли́ка, ты безумно красивая девушка. Правда. Ты мне даже снилась в своем сексуальном купальнике, который мне захотелось стащить с тебя в тот самый момент, когда ты только вошла в бассейн. Но... я, наверное, старомоден в некоторых вопросах. Нам некуда торопиться, правда?

Ли́ка не привыкла сдаваться без боя. Когда она не получала желаемого, притягательность цели усиливалась во сто крат, причем не важно, что это было: эксклюзивное интервью, освоение нового комплекса упражнений в спортзале или вот, как теперь, просто отказывающийся ей – ей отказывающийся! – мужчина...

– Не скажи, Артем! А вдруг завтра сюда заявится твой приятель Седов? Который обо всем догадается? И поведут меня по этапу. И ничего у нас не будет. Нет, так нельзя.

Артем расхохотался:

– Иди спать, шантажистка. Седов мне доверяет больше, чем самому себе. Спокойной ночи, дорогая...

Лежа в слишком широкой для одинокого сна постели, Ли́ка мстительно прислушивалась, как скрипит за стенкой диван. Ему тоже не спится, такому желанному и соблазнительному... Но почему тогда Артем не в этой спальне?

Щеки Ли́ки вспыхнули от досады. «Что, черт возьми происходит?! Что он о себе возомнил?! Впрочем, если бы я была ему совершенно безразлично, зачем бы он тогда мне помогал?..»

3

Небеса всерьез вознамерились засыпать Москву снегом. Мело уже третий день подряд. Пытавшаяся хоть как-то расчистить проезжую часть спецтехника буксовала в сугробах, а возле обочин выстроились легковушки, брошенные владельцами, которые, отчаявшись справиться со стихией, благоразумно спустились под землю, в метро. И вот в такое время, грустно думала Таня Добротворская, прохаживаясь по перрону вокзала, руководство «Мира спорта» надумало пригласить тренеров из США и Европы.

Особенно перепугало клиентов фитнес-центра убийство Виктора Комарова. И их несложно понять. Виктор умер прямо в здании, до этого он выпил коктейль из бара, как и большинство занимавшихся в тренажерном зале людей. Поэтому у многих невольно закралась мысль: а ну как я стану следующей жертвой? В отдел продаж выстраивались очереди желающих получить назад свои уплаченные за годовую карту деньги, пришлось даже выделить дополнительный персонал, потому что менеджеры не справлялись с наплывом людей. Конечно, контрактом такие случаи не предусматривались. Руководство клуба сочло за лучшее вернуть клиентам деньги. Хотите уйти – пожалуйста, никто вас здесь насильно не держит.

Для того чтобы хоть как-то восстановить годами создававшуюся, а утраченную в считанные недели, репутацию, была задумана конвенция, на которую пригласили лучших инструкторов из Европы и США. Вход на такие мероприятия всегда объявлялся свободным, но после конвенций продажи абонементов увеличивались, что с лихвой покрывало расходы и даже позволяло получить прибыль. Так должно было быть и в этот раз. Только вот погода...

«Дернул же их черт пилить в Москву поездом, – с тоской думала Таня, оглядывая перрон. – Недавно произошли теракты на внутренних российских рейсах. Вот европейские спортсмены и отказались лететь самолетом. Предпочли поезд. А еще особо оговорили – никаких поездок на метро во время экскурсий по Москве. Впрочем, какая, в сущности, разница? Летели бы они самолетом – пришлось бы торчать в аэропорту. Наверняка и самолеты задерживаются, так же, как и поезда...»

– Прибытие скорого поезда «Берлин – Москва» ожидается в четырнадцать часов тридцать минут, – проскрипел женский голос в динамике.

Таня бросила взгляд на часы. Замечательно, ей тут куковать еще сорок пять минут. Если, конечно, прибытие поезда вновь не отложат. Ну да ладно, пока можно влить в себя еще чашку-другую горячего чаю и заказать кусочек торта поаппетитнее. Чем не способ компенсировать себе вынужденное ожидание?

В здании вокзала, возле входа в кафе с переливающейся красно-зеленой вывеской, Таня вдруг замерла как вкопанная. На доске информации белел листок со знакомым лицом. Танины глаза забегали по черным строчкам короткого текста: «Разыскивается Анжелика Сергеевна Вронская, 1976 года рождения, рост 165 сантиметров, худощавого телосложения, волосы... одета... просим сообщить...»

«Какой бред, – огорченно подумала Таня, ни на секунду не усомнившись в невинности своей подруги. – Бедная Лика... Надеюсь, это не я ее подставила».

Вытащив сотовый телефон, Таня набрала Ликин номер и услышала следующее: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети». Ах да, конечно же, ее разыскивает милиция. Стали бы они развешивать такие объявления, если бы до нее можно было просто дозвониться.

От огорчения Татьяна незаметно для себя самой уплела два куска торта. Она уже расплатилась по счету и собиралась идти на платформу, как через прозрачное стекло двери кафе заметила: возле доски с объявлениями стоит человек, которого невозможно перепутать с кем-либо другим. Такую накачанную фигуру не скрыть никакой одеждой, даже зимним пуховиком. Объявление о розыске Лики читал Вячеслав Кулаков и при этом досадливо хмурился.

Таня как раз собиралась выскочить из кафе и хлопнуть Славу по плечу, как в сумочке запел телефон.

– Таня, ну где там наши немцы? – раздался в трубке хриловатый голос старшего менеджера Марины. – Через час уже обед в ресторане, а они так еще и не приехали, что ли?

– Подожди минутку.

Да, так и есть. Объявляют: поезд «Берлин – Москва» задерживается на полчаса.

– В лучшем случае они появятся на вокзале через тридцать минут, – отрапортовала Добротворская. – Марин, а ты мне никого в компанию не посылала?

– Зачем? – удивилась та. – Там же всего два спортсмена приезжают. Твоя задача – отвезти их в гостиницу, и можешь быть свободна. Это же не американская делегация, не десять человек.

– Конечно, – согласилась Таня. – Я перезвоню, если поезд еще задержится. Но обед лучше все-таки перенеси. Они не успеют собраться.

– Хорошо, – сказала Марина и отключилась.

Таня проводила взглядом удаляющуюся спину Кулакова. Очень интересная картина. Что он тут делает? Может, встречает кого-нибудь из своих родственников? Но в таком случае, почему он двигается в противоположном от платформ направлении?

Стараясь прятаться за спешащими, как муравьи, людьми, Таня осторожно последовала за Вячеславом. К ее большому удивлению, он подошел к автоматическим камерами хранения, осмотрелся по сторонам, и, не обнаружив ничего подозрительного, набрал код. Таня увидела, как Вячеслав вынул из ячейки небольшой пузырек и опустил его в карман. Дальше ничего интересного не произошло. Инструктор вышел из здания вокзала, подошел к припаркованному на стоянке автомобилю, рассчитался за парковку и уехал.

Таня была человеком прямолинейным, поэтому в первом порыве хотела позвонить Вячеславу и узнать, что означают его странные манипуляции. Вторая мысль подсказала связаться со следователем Седовым и сдать ему Славку со всеми потрохами. Пусть разбирается, работа у него такая. К тому же Вячеслав несколько раз оглядывался по сторонам, словно бы чувствуя ее взгляд... Зачем хранить на вокзале что-то похожее на лекарство? Ему место дома, в аптечке.

Однако, поразмышляв еще пару минут, Таня все же отказалась от идеи звонить в прокуратуру. Из-за ее болтливости у Лики уже возникли неприятности. Не хватало еще подставить Вячеслава! А ведь в ячейке он запросто может держать какую-нибудь «химию», предназначенную для придания мышцам тонуса и увеличения мышечной массы. Потому что, даже если с утра до вечера таскать штангу, без препаратов бицепсы, трицепсы, квадрицепсы и прочую красоту все равно не вырастишь. И чем более высокую ступеньку пьедестала рассчитываешь занять, тем больше «химии» приходится принимать. А через две недели – Таня об этом знала, потому что по всему клубу уже красовались яркие плакаты, – в Москве пройдут соревнования по бодибилдингу.

«Конечно, – успокаиваясь, решила Таня, – Славка здесь хранит свою отраву. В клубе он это держать не может – найдутся «добрые люди», увидят, доложат, и вылетит парень в два счета, никакие медали не помогут, употребление сильнодействующих препаратов запрещено. Дома тоже нельзя. В этом виде спорта, как и в других, впрочем, есть только заклятые друзья, которые, заметив флакон, прямо из гостей побегут катать заяву в

допинг-комиссию. Тем более до соревнований две недели. Есть масса препаратов, которые окажут воздействие и полностью выведутся из организма, и никакой допинг-контроль не обнаружит ничего подозрительного».

До прибытия поезда оставалось пятнадцать минут. Конечно, на витрине кафе оставалось еще предостаточно соблазнительных пирожных, однако Татьяна решила, что ежели она еще раз туда отправится, то это будет слишком даже с учетом ее больших физических нагрузок, сжигающих лишние калории.

Заметив табличку «Доступ к Интернету», она захотела написать Лике письмо. Может быть, у подруги есть возможность просматривать электронную почту?

Она постаралась подбодрить Вронскую, а заодно и описала сцену на вокзале, указав даже номер ячейки Вячеслава. Пусть всегда грустно вздыхавшая по поводу того, что у нее никак не формируются рельефные мышцы, Лика знает: чудес не бывает, без «химии» звездой бодибилдинга не станешь. А женщинам «химия», между прочим, особенно противопоказана. К тому же ничто не заменит аэробного тренинга, сочетающего нагрузку на сердце и мышцы.

Закончив оду любимому делу своей жизни, Татьяна разослала письмо по всем бесплатным ящикам Лики, рассчитывая, что если уж у нее нет доступа к своему «аутлуку», то в бесплатный ящик она войдет с любого компьютера. А потом Добротворская заторопилась на платформу. Поезд «Берлин – Москва» добрался-таки в столицу через снежные заносы и студеный мороз.

– Моя дорогая, любимая девочка! Мой котенок! Завтра мы поедем в загс и подадим заявление...

Маша Петрова посмотрела на Вячеслава Кулакова влюбленными глазами и требовательно попросила:

– Любимый, скажи это еще раз!

Он послушно повторил:

– Завтра мы с тобой едем в загс! И пригласим побольше народу. Чтобы все стали свидетелями нашего счастья.

От нахлынувших чувств Маша зажмурилась. Хотелось плакать и смеяться одновременно, хотелось отбросить легкое пуховое одеяло и станцевать зажигательный танец, хотелось сорвать все звезды с неба и протянуть их в пригоршне Славке, чтобы он понял – она, Маша, невероятно, невообразимо, фантастически счастлива... Как же все-таки прекрасна жизнь! Как здорово лежать с ним в одной постели, заниматься любовью, а потом, прижимаясь к крепкому мускулистому телу, закрывать глаза и перебирать воспоминания о недавних событиях, таких ярких, красивых, как в кино. Мечты сбываются – кто бы мог подумать!

Утро не принесло никаких сюрпризов. Она сидела за стойкой, выдавала ключи от шкафчиков в обмен на клубные карточки, пролистывала журнал и, конечно же, мечтала о Славке. А потом в автоматически распахивающиеся двери вдруг ворвалась толпа людей с разноцветными воздушными шарами и букетами цветов. Маша еще подумала: странно, неужели она пропустила информацию о какой-то новой акции, проходящей в фитнес-центре? Но вроде бы на состоявшемся накануне совещании говорилось только о предстоящей конвенции. Значит, залы решено украсить шарами и цветами. Но вообще-то раньше так никогда не делалось.

Завидев одетого во фрак юношу со скрипкой, она совсем растерялась. Скрипач остановился у Машиной стойки и, поклонившись, заиграл нежную пронзительную мелодию.

Маше начало казаться, что она сходит с ума. Растерянно оглянулась по сторонам. Да нет, вроде бы все в порядке, санитаров в белых халатах не видно, только из бара торчат головы любопытных официанток, да клиент, подошедший к стойке, забыл, зачем пришел, заслушался, застыл без движения. Но, когда в клуб вошел Вячеслав, в черном костюме и белоснежной рубашке, с букетом белых роз в руках, у Маши екнуло сердце.

Она-то точно знала, что у него сегодня выходной. А если он появляется здесь, да еще в костюме и с цветами, это может означать лишь одно...

Маша нерешительно вышла из-за стойки, и с ужасом увидела: Слава опускается на колени. Она бросилась к нему, но он протестующе поднял руку:

– Я поднимусь только после того, как ты согласишься стать моей женой. Маша, выходи за меня замуж. Ты согласна?

«Да!» – ответили глаза, из которых хлынули слезы.

«Да!» – прокричало сердце, забившееся в невероятно быстром темпе.

– Да, – скорее выдохнули, чем произнесли губы...

«Какой же он все-таки милый, – Машины мысли разлетались, как стая испуганных птиц, и это оказалось так приятно, никакого желания их ловить, пусть летят, несутся, быстрее и быстрее... – Он знал, что я мечтаю о том, чтобы не скрывать нашу любовь. И он сделал мне предложение при всех! Как все чудесно – и эти шары, и музыка, и цветы...»

Чуть позже, когда под завистливыми взглядами девочек из бара – о, этот миг стал настоящим триумфом! – Маша прошла в Славины «соты», он протянул ей кредитку:

– Дорогая, наша свадьба должны быть самой красивой. Заказывай все самое лучшее – платье, машину, ресторан...

Взвизгнув от восторга, она бросилась Славе на шею:

– Дорогой! Я так счастлива!

Маша многое успела в тот день: обзвонила свадебные салоны, узнала расценки на прокат лимузинов, прикинула приблизительный список гостей. Конечно, день свадьбы еще не определен. Но ей так хотелось поскорее погрузиться в свадебные хлопоты, которых, она боялась, у нее в жизни вообще никогда не будет. Как же она счастлива! И все-таки чуточку страшно. Вдруг это сон, она проснется – и все исчезнет.

Но чудесный сон, в который превратилась ее жизнь, и не думал заканчиваться. Вечером Вячеслав впервые отвез ее к себе домой, не скрываясь и не прячась ни от кого, они занялись любовью, и Маше казалось, что она может задохнуться от счастья.

– Славка, – виновато произнесла она, приподнимаясь на локте и разглядывая его лицо – такое красивое и родное, – а это ничего, что я толстая, а? А ведь белое, говорят, еще больше полнит. Но не выходить же замуж в черном платье, правда?

Вячеслав нежно перецеловал ее пальчики, один за другим, а потом откинулся на подушку.

– Какая же ты глупая! – он взлохматил Машины волосы и с

наслаждением зарылся в них лицом. – Я же люблю тебя. Люблю такой, какая ты есть. Мне всегда нравилась твоя фигура. Ты нарождаешь нам кучу детишек.

– Кучу?

– Ага! Минимум троих! Я хочу, чтобы у нас была большая-пребольшая семья.

– Славка, а клиентки... Они же к тебе цепляются!

– Ну и пусть. А любить я буду только тебя. И ты меня, надеюсь, тоже.

– Конечно, – заверила его Маша. – Я очень тебя люблю.

Потом ее личико вдруг помрачнело, и Слава это заметил.

– Немедленно говори, в чем дело? – потребовал он. – Что портит настроение моей будущей жене?

– Хорошо. Я скажу. Слав, а решение пожениться... Это не из-за того, что ты боишься, как бы я не проболталась о...

Ей так и не хватило сил назвать вещи своими именами. Хотя про себя Маша давно уже употребляла эти слова. Да, они вместе совершили убийство. Может статься, что даже не одно.

– Хорошо, что ты об этом заговорила, – сказал Слава, садясь на постели. – Ты что, собиралась идти в милицию?

– Нет, конечно.

– Я уверен, что ты любишь меня. Тебе было тяжело решиться, я знаю и понимаю. К тому же у тебя не имелось веских причин так поступать, я ведь не мог тебе толком все объяснить. Но в одном я не сомневался ни секунды: ты никогда не сдашь меня следователю. Даже если бы он до чего-то докопался, ты бы все взяла на себя.

– Ты умеешь читать мои мысли?

– Я что, не прав?

Маша тяжело вздохнула:

– Прав, конечно. Я и сама часто думала: если вдруг что-то выяснится, я никогда тебя не подведу.

– Тогда у меня остается лишь одна причина жениться на тебе. Это любовь. Желание быть вместе. Маш, ты просто забудь обо всем. Все уже закончилось, понимаешь? Я люблю тебя.

– Знаешь, в глубине души я в это не верила. Но мне казалось, что, даже если ты притворяешься, это все равно такое счастье.

Нимало не смущаясь своей наготы, Слава поднялся с постели, подошел к тумбочке и достал из верхнего ящика небольшую коробочку.

– Открой!

На черном бархате сверкнул золотой ободок с большим изумрудом.
Слава достал кольцо, надел его Маше на палец.

– Ну, если это тебя не убедит, то я пас... А обручальное кольцо я заказал с брильянтами. Лучшие друзья девушек как никак.

– Врут! Мой лучший друг – это ты.

Их губы слились в долгом нежном поцелуе...

Человек предполагает, а бог располагает. Как ни старался на следующий день Артем Сидоренко выкроить время для того, чтобы съездить к гадалке, ничего из этой затеи не вышло. Хотя он уже даже успел созвониться со Светланой Храброй и предупредить ее о своем приезде. Однако это только в фильмах и книгах люди могут бросать все свои дела, всецело отдаваясь расследованию преступлений. А в реальной жизни есть работа, и с ней приходится считаться.

С утра было совершено нападение на инкассатора банка, где работал Артем. Инкассатору удалось не отдать грабителям сумку с деньгами, однако парня буквально нафаршировали пулями, и в больницу его привезли в очень тяжелом состоянии, медики всерьез опасались, выживет ли. Ситуация усугублялась тем, что это произошло во время внеплановой перевозки очень крупной суммы денег, о которой знало ограниченное количество сотрудников банка. Так что вопросов к службе безопасности возникло немало, и Артему, мягко говоря, в тот день было не до оказания помощи следствию. К тому же он не сомневался, что визит этот – простая формальность. Ну кто в нынешнем веке высоких технологий может всерьез относиться к каким-то гадалкам? Скорее всего клочок с телефоном женщины оказался в сумочке Маргариты Луниной совершенно случайно...

Правда, вечер тяжелого дня удался на славу. Дома Артема ждали симпатичная девушка и приготовленный ею рассыпчатый ароматный плов. Сама Лика ужинать отказалась. В ее больших зеленых глазах плескался страх.

– Да не переживай ты так, все уладится, – Артем как мог старался ее успокоить. – Я совершенно точно знаю, что ты ни в чем не виновата. Подожди пару дней, и мы с Вовкой выясним, кто пытается тебя подставить и почему умерли все эти люди.

– Лучшее средство успокоить женщину...

Окончания фразы не последовало. Ликины глаза оказались близко-близко, а ее полуоткрытые губы были искушением, устоять перед которым у Артема не хватило сил... Хотя не в его правилах было затаскивать малознакомых девушек в постель, даже таких хорошеньких, как Лика. Но если женщина действительно хочет – ей под силу заполучить любого мужчину, несмотря на все его принципы или же их полнейшее отсутствие.

В результате к гадалке, гражданке Светлане Храброй, Артем приехал

только на следующий день сонный и разомлевший, не помогли даже выпитые две чашки крепчайшего ароматного кофе.

Дождаясь, пока откроется дверь, он успел слегка забеспокоиться. Почему это в небольшой «хрущевке» требуется минуты три-четыре, чтобы впустить гостя? Но, когда на пороге возник мужчина в инвалидной коляске, Артему стало даже неловко за устроенный оглушительный трезвон.

– Сразу видно, вы у нас впервые. Клиенты уже привыкли, что дверь открывают через какое-то время, – подойдя, улыбнулась высокая полная женщина лет сорока. Она протянула Артему руку. – Можете называть меня Светланой.

– А клиенты вас как называют?

– Госпожой, провидицей, колдуньей. Да кто как. Вы раздевайтесь, проходите в комнату.

Артем вошел в небольшое светлое помещение, которое, казалось, возникло из позапрошлого века. Из современной обстановки – лишь комплект мягкой мебели, диван и два кресла. Все остальное напоминает декорации: какие-то травы, медная ступка, свечи.

– Не могу сказать, что здесь уютно, – честно признался он, опускаясь в кресло. – Скорее жутковато.

Светлана обиженно поджала губы:

– Для меня это нормальная рабочая обстановка.

– И что, – скептически поинтересовался Артем, – вам действительно под силу снимать порчу? А если я во все это не верю?

– Если вы не верите в магию и колдовство, то это не значит, что их не существует. Хотя мне на самом деле проще работать с теми людьми, чьи души не замутнены неверием. Им легче меня услышать. Мой муж, знаете ли, тоже был скептиком...

Тяжелые воспоминания омрачили лицо Светланы. Артем, вспомнив про инвалидную коляску, прикусил язык. Гадалка, словно бы позабыв о его существовании, говорила не умолкая.

– В тот день шел дождь. Проливной, сплошная стена, ничего не видно в полуметре. Я разложила карты для себя. Клиентов ждать бессмысленно, никто не выйдет из дома в такую погоду. И карты мне сказали: муж в опасности. А он вдруг собрался ехать на рыбалку. Уперся, и все тут. Говорил: в дождь хороший клев. А мои предсказания, как он выразился, имеет смысл приберечь для нервных истеричек. Это стало последним, что он сказал. На трассе в его машину врезался грузовик. Восстановлению она не подлежала, ее отвезли на свалку. Осталась просто груда металлолома. А муж с того дня больше не разговаривает. Его разум в сумерках. Он не знает,

кто я, не понимает, что происходит, он ничего не помнит. Открыть дверь, поесть, посмотреть в окно – вот и все его развлечения...

Потрясенный, Артем спросил:

– А врачи что говорят?

– Ничего хорошего. У меня была надежда на то, что ему сделают операцию на позвоночнике. Я мечтала: он встанет на ноги, а потом, глядишь, и память к нему вернется. Операция не помогла...

– Но ведь вы же, наверное, могли это все предвидеть? Или нет?

Женщина лишь развела руками:

– Увы... Мне удалось почувствовать приближение беды, но что произойдет конкретно, я не видела. Знаете фразу насчет того, что сапожник вечно ходит без сапог? Может быть, в ней есть доля истины. Недавно я ломала ногу. Очень тяжелый перелом, со смещением. И – никаких предчувствий накануне. А еще как-то один из клиентов – такой молодой мужчина, вроде интеллигентный с виду – банальнейшим образом меня ограбил. Вышел якобы в туалет, а сам прошел в соседнюю комнату, нашел деньги... В нашем роду все женщины обладали способностями врачевать, предсказывать будущее, совершать магические обряды. Только этот дар из поколения в поколение становился все слабее и слабее. Бабушка говорила, это из-за того, что многих женщин сжигали на кострах, выжигали глаза раскаленным железом, загоняли в грудь осиновый кол. От этого сила дара уменьшилась. Иногда я верю в эту семейную легенду. Порой мне кажется, что будущее – это та сфера, куда лучше не заглядывать. Все в воле божьей. На нее надо полагаться, а не совать свой любопытный нос, куда не следует. Но все же в отношении других людей я могу действительно многое. Вам погадать? Хотите узнать, что ждет именно вас? Это займет всего пару минут. Или боитесь?

– Спасибо, не надо, – мягко возразил Артем. – Я бы предпочел задать вам несколько вопросов. Вы по телефону уже сказали, что встречались с Маргаритой Луниной...

Гадалка кивнула:

– Да. Два раза она приносила фотографии мужчин и просила сделать так, чтобы они умерли. Я не занимаюсь такими вещами. Это большой грех. Но те мужчины – я четко это видела – должны были умереть, смерть уже подошла к ним близко-близко.

Артем нервно перебил ее:

– Вы знаете, кто их убил?

– Увы, – Светлана покачала головой, от чего по ее плечам заколыхались длинные тяжелые локоны. – Я не могу ответить на этот

вопрос. Просто я смотрела на их фотографии и видела кровь, капающую на их лица. Потом лиц не оставалось – все залито кровью. Это знак неминуемой и очень скорой смерти. В третий раз Марго тоже пришла с фотографией – правда, в мобильном телефоне. И я увидела, что этого мужчину ждет такая же участь. Причем рядом с ним возникло лицо самой Марго. Я честно ей обо всем рассказала. Но она мне не поверила. А недавно я видела сюжет по телевизору. Увы, предсказание сбылось...

– Да, они умерли. Понимаете, все эти люди ходили в один фитнес-центр. И вдруг начали умирать один за другим, как мухи осенью.

Светлана подперла подбородок рукой, а потом задумчиво произнесла:

– А вы знаете, когда Марго принесла фотографию первого мужчины – такого импозантного красавца, немного за пятьдесят... Я помню, тогда еще поняла, что в его смерти есть своя логика.

Артем удивленно посмотрел на свою собеседницу:

– Логика? Разве в смерти может быть логика? Мне кажется, это всегда больно, трагично. Но при чем тут логика?

– При том. Надо совершить много зла, чтобы тебе послали насильственную раннюю смерть.

– Странно. Сергей Макаров был бизнесменом. Конечно, ангелочком назвать его нельзя, но он никогда не нарушал закон. Мы пробили по картотеке, против него никогда не возбуждалось уголовных дел. В этом плане последняя жертва, Андрей Хлестов, отличался куда более темными делишками. А уж Виктор Комаров тут при чем? Обычный альфонс, который любил красивую жизнь, но не имел возможности обеспечить ее себе собственным трудом. Может, вы все же что-то путаете?

В глазах гадалки появился странный блеск:

– Простите, это вы путаете. Если вы мне не верите, зачем было приходить?

Артем подумал о том, что он, как утопающий за соломинку, хватается за любую возможность разобраться в этом деле. Оно слишком затянулось. Причем новые жертвы разбили предыдущие версии, казавшиеся ему вроде бы такими логичными. Внезапно его осенила догадка.

– Скажите, – Артем отодвинул пустую чашку из-под чая, – правильно ли я понял: вы можете по фотографии сказать, какая судьба ожидает человека?

– Судьба – это очень растяжимое понятие. Я могу предвидеть крупные события – проблемы со здоровьем, свадьбы. Смерть. Могу сказать, жив человек или мертв...

Артем обрадовался. Отличная новость! Почему бы ему не привезти к

гадалке архив фитнес-центра? Ведь всех клиентов снимают веб-камерой. У них в банке точно такая же система: при регистрации пропуска на компьютере охранника появляется фотография пытающегося войти человека... Фотографии из «Мира спорта» можно распечатать на цветном принтере. Правда, есть одно неудобство: слишком много людей. Но если таким образом можно предотвратить появление новых жертв? И потом, кто знает, может быть, Светлане удастся увидеть какие-то подробности, которые пока скрыты от следствия...

– Везите ваши фотографии, – безразлично махнув рукой, ответила гадалка на предложение Артема. – Но интуиция мне подсказывает, что дело это совершенно бесполезное.

– Вот давайте и проверим!

Артем поспешил в прихожую, сдернул пальто с вешалки, обмотал шею шарфом.

За его спиной скрипнули колеса инвалидной коляски. Мужчина ждал, пока Артем выйдет, чтобы закрыть за ним дверь. Казалось, его глаза смотрят в этот мир, но видят лишь пустоту. Это было жутко...

Так и не сумев отделаться от нехороших предчувствий, Артем помчался вниз по лестнице.

Конечно же, прямо перед капотом его «БМВ» красовалась огромная куча снега. Сделавший свое черное дело дворник стоял неподалеку, опираясь на лопату и презрительно прищурившись. Пролетарская ненависть исказила его испитую красную физиономию.

– Ставят тут свои машины. А убирать двор как? – хриплым прокуренным голосом произнес он.

– Слышь, чувак, ноги в руки и быстро раскидал эту кучу. Дочиста, ты понял? У меня задний привод в машине, мне из этого сугроба не выехать, – возмутился Артем.

На голубом глазу дворник заявил:

– Сто рублей – все почищу.

Отшвырнув дворника в сторону, Артем схватился за лопату. Просто беда с этими пьяницами! Сами света белого за бутылкой не видят – и при этом еще терпеть не могут тех, кто прилично зарабатывает. Как будто с неба это все падает – квартиры, хорошие машины.

Артем разбросал сугроб, потом подошел к мужику и взял его за шиворот.

– Еще раз на шаг приблизишься к моей тачке – я тебя самого в снег зарю.

– В милицию сообщу, – прохрипел полузадушенный дворник.

– Это всегда пожалуйста!

Артем с силой хлопнул дверцей. Настроение у него испортилось окончательно.

Ли́ка Вронская не слышала, как Артем рано утром ушел из квартиры. Вроде сквозь сон почувствовала, что он касается ее щеки легким поцелуем – но открывать глаза не было сил. Неудивительно – ночью они занимались чем угодно, только не спали.

«Бедный, бедный, – не обнаружив его в кровати, растроганно подумала она, – как же он выдержит этот день? Но какой же он все-таки милый, нежный, внимательный. В нем, оказывается, скрывается настоящий ураган страсти. Правда, я так и не поняла, почему он так отчаянно сопротивлялся. Наверное, сказала нервная обстановка последних дней. Мужчины в этом плане уязвимее женщин. Мне лично ничто не мешает наслаждаться счастьем и любовью...»

Ли́ка сладко потянулась, приняла душ, высушила волосы и переместилась на кухню. Сделав себе чашечку кофе, она закурила сигарету – Артем, конечно, не вынес бы этого совершенно не соответствующего здоровому образу жизни зрелища, но ведь к вечеру дым выветрится – и задумалась о меню сегодняшнего обеда или, точнее говоря, ужина. Потому что ежели вчера Артем не пришел домой обедать, то сегодня шансов слопать супчик в положенное время у него еще меньше, так как к проблемам на работе добавляется визит к гадалке...

Достав из холодильника ингредиенты для приготовления щей, салата и отбивных, Ли́ка погрузилась в таинства кулинарного дела. Надо сказать, что проблем в ходе этого процесса становилось все меньше и меньше, ей почти не приходилось бегать к серенькому ноутбуку за консультациями.

К полудню в кастрюльке булькал суп, на сковородке источали ароматный запах отбивные с чесночком и сыром, а в миске возвышалась горка салата. Еще полчаса Ли́ка с радостью убила на то, чтобы поджарить румяной картошки. И ежу понятно, что такую гору еды им вдвоем никак не умять, но надо же было чем-то себя занять.

«Я теперь понимаю, почему домохозяйки сходят с ума, – с тоской подумала Ли́ка, закуривая очередную сигарету и стараясь выпускать дым в распахнутое окошко. – Времени все это занимает не так уж много. А потом начинаешь думать о том, чем это занимается на работе благоверный, длинные ли ножки у его секретарши, и в результате уже хочется не кормить вернувшегося домой уставшего мужика, а устроить ему хорошую взбучку. Потому что он, черт возьми, живет, пока ты смотришь в кастрюли...»

Выбросив окурок за окно – свинство, конечно, но что делать, пепельниц у Артема, кажется, отродясь не водилось, – Лика отправилась в гостиную, включила компьютер. Надо же, уже сколько времени она не пишет статей и не сочиняет книг, а пальцы сами все тянутся к текстовому редактору. Придумать, что ли, новый детективчик? Нет, не получится. В глубине души царапается страх. А еще там живет большая-пребольшая обида на следователя Владимира Седова. Так что в лучшем случае она сейчас может придумать что-нибудь в контексте критики оборотней в погонах, которые вместо того, чтобы ловить преступников, осложняют жизнь ни в чем не повинным девушкам. Но вряд ли из этого получится что-то толковое. Страх и обиду никак нельзя отнести к факторам, стимулирующим творчество. А если вспомнить, как ее прошлое творение вдруг превратилось в реальность – то может, вообще имеет смысл отказаться от литературной стези? А что, вариант. Пересидеть у Артема, пока все уладится, потом вернуться в родную редакцию или же в другую, если преисполненный обиды Андрей Иванович не пожелает простить ее вероломство... Хотя нет, книгу в издательство она все же отправит. Благо ее копия в свое время улетела на один из ящиков на «Яндексе»...

Вспомнив про книгу, Лика испытала безумный соблазн перечитать собственное творение. Но можно ли это делать? Так, надо подумать. Ящик она зарегистрировала не на свое имя, причем дело это, помнится, происходило в редакции. То есть ай-пи адрес зафиксирован не ее домашнего компьютера. Теоретически, конечно, возможно, что следствие запросило данные о компьютерах с ее прежнего места работы, а теперь ждет не дождется, будет ли доступ к ящику, зарегистрированному с попавшего в перечень ай-пишника. В этом случае они без проблем вычисляют ай-пи адрес машины, с которой открывали почту, выясняют, что комп принадлежит Артему Сидоренко, и вот оно – чудо встречи со следователем Владимиром Седовым.

Лика не знала, насколько широкими возможностями обладают сейчас сотрудники юстиции, а потому решила перестраховаться. Зарегистрировала себе новую «аську», достучалась до школьной подруги, уехавшей в Канаду, и попросила ее забрать почту с ее ящика на «Яндексе», а потом перекинуть ее на новый адрес, зарегистрированный на каком-нибудь канадском сервере. И уже скоро в ответ посыпались сообщения:

– Твой новый адрес... Твой пароль... Удачи...

Лика облегченно вздохнула. Конечно, и данный вариант далеко не идеален. И все-таки для того, чтобы распутать этот клубок, потребуется время...

В ее новом ящике оказалось пять писем. Привычно удалив послания Андрея Ивановича – надо же, пометка «срочно», и пять восклицательных знаков, товарищ в своем репертуаре, – Лика открыла письмо от Тани Добротворской. Открыла и растрогалась – как мило с ее стороны сказать слова поддержки в трудную минуту.

Дойдя до описания сцены у камеры хранения, Лика нервно забарабанила пальцами по столу. Что ж, вот она, новая задача для измученного супами мозга. Вячеслав что-то прячет на вокзале, но что? Татьяна уверена: стимулирующие препараты. Но не проще было бы для этих целей арендовать ячейку в банке? Стоит эта услуга недорого, никто из-за плеча не подсматривает, что ты вытаскиваешь из своего ящичка. Но Вячеслав Кулаков предпочитает автоматические камеры хранения на вокзале. Почему? Может быть, потому, что там не надо предъявлять паспорт? Тогда вырисовывается совсем другая картина...

Лика зашла на поисковый сервер и вздрогнула. «Известная московская журналистка Лика Вронская подозревается в совершении убийств» – гласил анонс статьи. Трясущимися руками Лика подвела курсор к анонсу и кликнула по нему, чтобы прочитать текст полностью. Артем сказал чистую правду, она объявлена в розыск, вот и ее фото размещено рядом с перечислением внешних примет и просьбой срочно сообщить о местонахождении. Фото, кстати, очень даже милое. Ее явно щелкнули на каком-то банкете, потому что вместо обычных джинсов и свитера на ней черное гламурное платье, и светлые непослушные кудри весьма удачно обуздали в парикмахерской, да и в яркости вечернего макияжа чувствуется профессиональная рука...

– Красота – страшная сила, – пробормотала Лика. – Но в этом есть свои плюсы. Будут искать симпатичную женщину. А если я отправлюсь к камерам хранения в спортивном костюме да еще спрячу волосы под кепку – вон у Артема их парочка висит в прихожей, – то стану похожа на подростка...

Она еще полчаса побродила по поисковикам, собирая информацию о Вячеславе Кулакове. Какую комбинацию цифр обычно набирают в качестве кода? Дату рождения, какие-нибудь памятные дни. Опрометчиво, конечно, с учетом того, что, если фигура мало-мальски публичная, всю эту информацию можно получить за десять-пятнадцать минут.

Выключив компьютер, Лика взглянула на часы. Четверть четвертого. Есть все шансы съездить на вокзал и вернуться домой к возвращению Артема. Ключи он ей от квартиры на всякий случай – вот хороший мальчик – оставил. Если все пройдет успешно – он ничего не заметит. А сама она

уж точно ему ничего не скажет. Охота потом выслушивать его причитания...

Массивная хрустальная люстра бросала блики на лица собравшихся в старой московской квартире людей. Один из них подошел к окну, с трудом открыл рассохшуюся форточку и чуть отдернул бордовую портьеру, чтобы колкий морозный воздух проник в комнату. Потом он повернулся к своему собеседнику и сказал:

– Ну что, все вроде бы идет по плану. Можно сказать, что забит последний гвоздь в гроб славной девушки Лики Вронской. Настало время следователю Седову ознакомиться с ее творением...

– А это не рискованно? Все-таки там фигурирует Маша... Я все же немного беспокоюсь. Да, мы сами все спланировали именно таким образом, но как-то мне неспокойно на душе...

– Что ты, нет никаких оснований для волнения. Против Лики столько улик! Я уже даже договорился с врачами, которые будут проводить психиатрическое освидетельствование. Они дадут соответствующее заключение о том, что Вронская не совсем вменяема, страдает провалами в памяти. Так что не волнуйся, все будет шито-крыто. Женись на своей Машке и ни о чем не беспокойся...

– Страшно подумать, сколько смертей...

– Но это было необходимо. У нас не оставалось другого выхода...

Как все-таки хорошо, с облегчением думала Татьяна Добротворская, что конвенция завершилась, гости разъехались, и жизнь потихоньку входит в свою колею. Можно проводить тренировки, а между ними даже отдыхать. Больше нет необходимости сидеть в отделе продаж, проводя перерасчет. Правда, там теперь вновь очереди – на абонементы объявлена небольшая скидка, да еще конвенция привлекла внимание к клубу, так что люди опять потянулись в «Мир спорта», недолго пришлось радоваться конкурентам.

Таня с трудом поднялась со стула. Да, на радостях она дала жару на последней тренировке, задняя поверхность бедер просто отваливается, завтра ей будет тяжело подниматься по ступенькам. Она всю свою жизнь в спорте, а мышцы все равно болят. Ну да ладно, ничего страшного, сходит вечером в сауну и станет, как новенькая. При высоких температурах молочная кислота, образующаяся в мышцах после больших нагрузок, быстро рассасывается...

Размышления о целительной силе баньки прервал вежливый стук в дверь. В проеме показалась голова Артема Сидоренко.

– Артемка! Рада тебя видеть, – Татьяна улыбнулась своей знаменитой улыбкой, но потом сразу же стушевалась. Все-таки перед ней парень ее подруги, а это святое. – Где пропал? Лику в розыск объявили, ты в курсе?

– Да, знаю, – хмуро сказал Артем, проходя в «соты».

В комнатке сразу же стало тесно.

– Не знаешь, где она? Лика тебе не звонила?

Артем отрицательно покачал головой:

– Нет, не звонила. Танюш, у меня к тебе дело на сто миллионов.

– Да хоть на двести. Что нужно-то?

– Дорогая, придется слегка нарушить внутренние инструкции. Я понимаю: мою просьбу надо согласовывать с руководством клуба. Но время не ждет, это очень срочный вопрос.

Таня не выдержала и возмутилась:

– Не тяни нервы. В чем дело?

Артем изложил свою просьбу. Нужно скачать из базы все фотографии клиентов. А также – он подумал и решил, что это будет логично, – и сотрудников клуба. Потому что есть женщина, которая по фотографиям может кое-что определить. Вдруг ей удастся пролить свет на те события, которые произошли с клиентами «Мира спорта»?

Таня задумалась. Быстро решить этот вопрос не получится в любом случае. Фотографий море, пока все распечатаеть... Хорошо еще, что накануне она поменяла картридж в принтере.

Отправляя первые фото на печать, она заявила:

– Но у меня есть одно условие. Ты возьмешь меня с собой к этой твоей гадалке. Никогда с ними не общалась. Любопытно на нее взглянуть.

– Ничего любопытного, обычная женщина. С несчастной судьбой, у нее муж попал в аварию и теперь прикован к инвалидному креслу.

– Тогда, – брови Тани многозначительно поднялись, – договаривайся с руководством. Сам знаешь, внутренние инструкции – штука серьезная.

– Татьяна, а ты стерва, оказывается.

– Не спорю. Ну что, мы едем вместе?

Артем примирительно кивнул.

– Ну что с тобой поделаешь? – с досадой пробормотал он.

Распечатки с трудом поместились в большую Танину спортивную сумку. Артем закинул ее на плечо, машинально отметив: ну и тяжелая!

Соблазн рвануть с места и уехать, не дожидаясь, пока Татьяна сменит свой яркий спортивный комбинезончик на что-нибудь приличествующее сезону, был велик. И все же Артем подождал, пока девушка устроится на переднем сиденье автомобиля. Обещал как-никак...

Всю дорогу Татьяна трещала без умолку.

– Так что, значит, Маргоша ходила к гадалке с фотками, чтобы навести порчу?

– Вроде бы так.

– Вот это да! А ты знаешь новость? Машка, наша толстуха с ресепшн, замуж выходит! За Славика Кулакова! Это же надо! Как повезло девахе! Может, она тоже к какой гадалке сходила? И приворожила парня.

– Почему?

– Артемка, ну ты же ее видел. Она на стуле не помещается!

– Согласен.

– А Славка-то парень симпатичный. Что он в ней нашел?

К концу поездки у Артема здорово разболелась голова. Наверное, вяло подумал он, аэробика и впрямь дает прилив энергии. Или это сущность женщин – трещать как сороки по поводу и без? Слава богу, что Лика не из таких...

У знакомых дверей Артем с облегчением заметил:

– Сейчас ты Светлану сама обо всем расспросишь. Она тоже любит поболтать. Нарассказывала мне страшилок мистических, аж волосы дыбом встали. Погадать предлагала, но я отказался.

– А уж я-то не откажусь!

– Не сомневаюсь.

Скрип колесиков, открывающаяся дверь, отсутствующий взгляд сидящего в коляске мужчины.

– Вы что же, плачете? – растерянно произносит Татьяна.

– Он не говорит, – поясняет Артем.

Но действительно, лицо мужчины залито слезами.

Артем, не раздеваясь и не снимая обуви, бегом бросился в ту комнату, из которой он вышел всего пару часов назад. Светлана лежала на полу лицом вниз. Татьяна, отпихнув застывшего Артема в сторону, склонилась над женщиной.

– Пульса нет. Как и у Макарова, как и у Комарова. Она мертва, Артемка! Она мертва...

Будильник завопил, как и положено, в семь ноль-ноль. Владимир Седов, держась за раскаляющуюся после вчерашних возлияний голову, хлопнул ненавистный прибор по затылку, где располагалась кнопка отключения сигнала, и обессиленно рухнул на постель. Ну и вмазали они вчера с Колькой Смирновым, заливая все свои горести – и его опять холостяцкое бытие, и вечный завал на работе, и позорный проигрыш сборной России по футболу. Погорячились. Надо было дождаться выходных, когда можно пережить последствия абстинетного синдрома дома.

Володя не помнил, какое сегодня число и день недели. Но то, что не воскресенье – был уверен на сто процентов. Так что ничего не поделаешь, придется срочно себя реанимировать и доставлять бранные останки на рабочее место.

«Эх, сейчас бы рассолу хлебнуть. Или горячего бульона», – думал он, открывая холодильник. На полке обнаружилось лишь полбутылки водки и банка рыбных консервов. Приступ тошноты подкатил к горлу, такой сильный, что Седов мигом захлопнул холодильник и занялся приготовлением крепкого чая. Лучше, чем ничего.

Сознание постепенно возвращалось в измученную следовательскими буднями оболочку, но Седова этот процесс не обрадовал. Он вспомнил, что вчера вечером ему достался новый «свежачок» – труп женщины, зарезанной, судя по всему, одним из многочисленных любовников. А уж на фитнес-центре трупов навешано, что игрушек на новогодней елке.

Отправив в рот полпачки жевательной резинки, Седов принял душ, оделся, с горем пополам раскопчегарил замерзшие «Жигули» и покатил в прокуратуру.

У дверей кабинета его уже ждал Паша.

– Опаздываете, шеф, – вместо приветствия, заметил он.

Володя бросил взгляд на часы. Еще бы, он должен был появиться в прокуратуре сорок минут назад. Но не рассказывать же про вчерашнюю коммуникацию с Колькой. Который, кстати, тоже опаздывает. Какой пример они подадут подрастающему поколению?

Покривив душой, Седов коротко бросил:

– На дороге пробки. Ну как у тебя дела? С чем пожаловал? Обнаружил что-нибудь новое?

Нового Паша нарыл целую папку. Ее и протянул Володе, сообщив:

– Просмотри, проанализируй. Где я только не побывал! Родственники, друзья, знакомые. Бывшие любовницы, коллеги. Никаких зацепок. Абсолютно ничего. Эта троица пересекалась в единственном месте – в фитнес-центре.

– А это что? – Седов указал на зажатый у Паши под мышкой сверток.

– Тебе, видимо, принесли. Под дверью лежал. Я на нем посидел чуток, пока ты не появился. Надеюсь, ты не в обиде?

На пакете не значилось совершенно никаких пометок. Володя подозрительно покосился на сверток, обернутый рыжей почтовой бумагой, и проворчал:

– Голову бы тебе открутить. Посидел он. А если бы рвануло?

Паша беспечно улыбнулся:

– Так ведь не рвануло. Указания какие будут?

– Позже. Дай в себя прийти.

– После пробок?

– После них, разумеется.

– Я так и подумал, – опять улыбнулся Паша. – Ладно, позвони потом, хорошо?

Кивнув, Седов включил чайник, сделал крепкий-прекрепкий кофе и пододвинул к себе странный пакет.

«Была не была, – думал он, разрывая бумагу. – Вот, блин, дожили: эти теракты уже заставляют опасаться каждой мелочи...»

Перед ним оказалась стопка листков. На верхнем значилась надпись: «Смертельный роман». Забыв про кофе, Седов погрузился в чтение. С первых же строк становилось понятно: перед ним распечатка той самой книги Лики Вронской. Потом, потом он обязательно выяснит, каким макаром детектив оказался у дверей его кабинета. А теперь надо скорее ознакомиться с содержанием этих листков...

Книга следователю в общем и целом не понравилась. Написана, правда, легко. Он ее буквально проглотил за два часа, опомнившись только на финальной сцене. Но на досуге он предпочитал совершенно другое чтиво – с погонями и перестрелками, с мордобоем красивым, эффектным. А здесь – ну что это за сюжет, любовь, морковь, тьфу... Читал он ее исключительно по долгу службы. А попадись ему «покет» подобного содержания в другой обстановке – отбросил бы не задумываясь. Так и до женских романов скатиться недолго...

Хотя, в общем, эта книжица многое объясняет, решил Седов. Теперь понятно, чего так дергалась Вронская по поводу своего системного блока.

Боялась, что им удастся восстановить детектив. И есть чего бояться. В книге умирают трое людей. Вот мерзавка, даже имена поленилась менять. Убила – и рука не дрогнула – своих можно сказать друзей по спортзалу, Макарова, Комарова и Хлестова. Но они мертвы уже не только на страницах книги. И как бы совершенно случайно поблизости всегда оказывается Лика Вронская.

– Может, она их мочила, а потом это описывала в своей книжке? Да, тогда у нее с башней точно проблемы, – пробормотал под нос Седов, перебирая листки. Где-то был кусок, который он собирался перечитать, что-то там его зацепило, что-то напомнило...

Увлеченный этим занятием, он не стал отвечать на телефонный звонок. Если кому-то он очень понадобился, пусть перезвонит позже, когда будут закончены поиски нужного фрагмента текста. Но телефон не умолкал...

– Алло! – раздраженно ответил он, копаясь в бумагах. Что у него за привычка – вечно все разбрасывать вокруг себя. Нет чтобы читать аккуратно, складывая страничку к страничке. – Артем, ты, что ли? Говори громче, связь плохая!

Видимо, после этого замечания однокурсник сделал пару шагов, и слышимость улучшилась.

– Володя, приезжай. Светлану Храбрую убили, – дрогнувшим голосом сообщил Артем.

Седов грязно выругался. Нет, так дальше продолжаться не может! Убийца явно издевается над ним! Все перемешалось, все непонятно, только одно остается неизменным – появляющиеся с завидной регулярностью трупы.

Он бросился звонить оперативникам, экспертам, вызвал машину...

– Опять двадцать пять! – прокомментировал увиденное в квартире Светланы Храброй Паша. Потом бросил заинтересованный взгляд на притихшую Таню Добротворскую. – Здравствуйте, девушка! – и обернулся к мужчине в инвалидной коляске, по щекам которого без остановки текли слезы. – Вы родственник покойной?

– Он не говорит, – объяснил Артем. – Последствия аварии...

– Аварии? – удивился Седов, осматривая стол, на котором стояли чайник, чашки и тарелочка с нарезанным шоколадным кексом. Видимо, незадолго до смерти к гадалке приходили гости. – Так ты что, уже был здесь, что ли?

Артем кивнул:

– Был. Мы с ней долго разговаривали. Она рассказала, что Маргоша приходила к ней с фотографиями Макарова и Комарова и просила... ну

порчу навести, что ли... Я, знаешь, не верю во все это... А потом Марго появилась с фотографией Хлестова. Чтобы узнать, долго ли они будут вместе. А гадалка по карточке могла определить, какая судьба ждет человека. Светлана увидела, как она выразилась, что все эти люди умрут...

– Поэтому Артемка, – встряла в разговор Таня Добротворская, – решил показать ей карточки всех клиентов и сотрудников «Мира спорта». Я извела на это дело кучу бумаги и времени. И вот мы приезжаем – а тут такое... Я сразу же поняла, что она мертва. Пульса не было. Боже, как же это все-таки ужасно!

Седов невольно подумал: «Какая у нее эффектная внешность». Но сразу же на себя рассердился. То он квасит, то девушками любит. Созидательный труд – вот настоящее дело для мужика...

– Артем, вы с ней чай пили?

– Пили. Правда, кекса тогда не было. Вазочка с конфетами стояла. Светлана меня угощала... Я, заговорившись, все и смолотил...

Володя хлопнул однокурсника по плечу:

– Да, дружище, это ты можешь. Помню, вся группа поражалась, сколько в тебя сладостей помещается. А торт, который ты на спор один съел, помнишь?

Таня Добротворская с сочувствием посмотрела на Артема. Она, конечно, тоже не прочь побаловаться сладеньким, но целый торт – это уже слишком большой удар по организму.

Артем подошел к окну. «БМВ» пока оставалась на свободе, дворник копошился возле мусорных ящиков.

– Володь, мужика того видишь? Он мне машину утром чуть не закопал. Я думаю, он видел, кто из чужих людей заходил в подъезд. Хотя конечно, это мог сделать тот, кто живет в этом доме, – сказал он.

Володя тронул за рукав оперативника, уже о чем-то зашебетавшего с Таней Добротворской.

– Понял, – с готовностью отозвался он. – Меня здесь уже нет.

Пролистывая пухлую телефонную книжку Светланы Храброй, Седов прикидывал, кому она могла сообщить о том, что к ней собирается приехать Артем с фотографиями клиентов «Мира спорта». Друзьям? Кому-нибудь из родни? Наверное, это был скорее близкий человек, с чего бы ей пускаться в откровения с теми, кто нуждается в ее услугах... А если так, то телефона может в этой книжке и не оказаться. Номера самых близких людей обычно помнишь на память...

– Отпечатки пальцев есть на обеих чашках! – сообщил Седову эксперт Марат Рамдракович Исаев. – Кое-что я на кухне снимал, в спальне. В

квартире, видимо, много народу бывало. Ну ничего – все проверим, сравним...

Седов обрадованно воскликнул:

– Слава богу! Марат Рамдракович, надеюсь, хоть что-то нам удастся выяснить.

– Старик, тебе помочь чем-нибудь? – тихо поинтересовался Артем. Вид у него был понурый... – А то мне, знаешь, так неловко. Я понимаю, что моей вины здесь нет. Но все равно на душе тяжело. Только поговорил с человеком, приезжаешь – а он мертвый...

– Да, я понимаю, – Володя сочувственно посмотрел на приятеля. – Если хочешь, поехали со мной в прокуратуру. Мне под дверь роман Лики Вронской подбросили.

Артем оживился:

– Ого! И ты его читал?

– Да! Все наши «мертвяки» – кроме Марго и Светланы – очень славненько погибают в этой книжке. А виновата в этом якобы Маша Петрова.

– Да, я помню эту девушку. Она ключи выдает...

– Что я могу сказать... – вздохнул Седов. – Ты вряд ли обрадуешься, дружище. У меня появляется все больше и больше оснований подозревать твою обожаемую Вронскую...

– Глупости! – возразил Артем. – У тебя нет против нее доказательств. У нее не было мотива. Оставь девочку в покое.

Володя задумчиво потер виски, отмечая: голова уже почти не болит, только изредка легкие молоточки нет-нет, да тюкнут по черепу, но это мелочи, терпеть можно.

– Там видно будет. Ничего обещать не могу, – сказал он Артему...

Глава 5

За 15 лет до описываемых событий

«Природа требовала своего. Редко, но в моей жизни появлялись мужчины. Слесарь из соседнего цеха, вдруг решивший за мной приударить, потом грузчик, заносивший диван в нашу квартиру, и заинтересовавшийся, скрипят ли в нем пружины. Я скрывала эти короткие, ни к чему не обязывающие связи от сына, стараясь не обострять ставшие вдруг такими непростыми отношения.

С годами он все больше и больше становился похож на отца. Фигура, глаза, волосы, даже особенности мимики – все в нем напоминало о проехавшемся по судьбе бульдозером студенческом романе. И характер у него формировался гордый, непримиримый, бескомпромиссный – тоже отцовский. Гены – странная штука. Сын подсознательно чувствовал, что ему причитается совсем другой уровень жизни – с икрой из спецпайка, с «Волгой» и персональным водителем, отдыхом на Черном море.

– Не буду носить это пальто! Что за дурацкий фасон, – заявил он, гордо вздернув подбородок...

Вообще-то в таких пальто ходило полгорода. Мне пришлось выстоять за ним трехчасовую очередь. А он так и не надел его, мерз всю зиму в коротенькой болоньевой, но венгерской курточке.

Он капризничал, требовал от меня невозможного, закатывал истерики. Зато голова у него была ясная, смышленная. Я не могла с ним заниматься до школы. Некогда. Утром отрабатывала смену на заводе, вечерами вышивала льняные салфетки. Когда их собиралось достаточное количество – ехала в Москву, сдавала в художественный салон, куда навевались иностранцы, большие любители народных российских промыслов. Я немного волновалась, когда сын шел в первый класс – все-таки ни читать, ни писать ребенок не умел. И – напрасно. За первую четверть у него в дневнике оказались одни пятерки, учительница его все время хвалила:

– Какой талантливый у вас ребенок. Схватывает новый материал буквально на лету. И не скажешь, что без отца растет. Такой спокойный, тихий...

Меня уже не жгло клеймо безотцовщины. Я привыкла к нему так же, как привыкла к осколкам той первой, единственной, самой яркой любви. Да, клеймо почти не жгло, осколки почти не ворочались. Человек ко всему

привыкает.

Только однажды на родительском собрании мне пришлось краснеть. Неудовлетворительно за поведение, кто бы мог подумать! Мой тихий прилежный сынуля, как выяснилось, подрался, разбил нос мальчику двумя годами старше.

Вернувшись домой из школы, я прямо поинтересовалась:

– Что случилось?

Сын тоже не стал лукавить:

– Он назвал меня байстрюком...

Тяжело вздохнув, я взъерошила его волосы, поцеловала в затылочек, где торчали непослушные вихры, и промолчала. Что ж, по крайней мере, ребенок умеет постоять за себя. Ему понадобится это качество, ведь полагаться в этой жизни ему придется лишь на собственные силы...

А потом вдруг что-то разладилось в нестигаемой, казалось, империи – Советском Союзе. Стало понятно: это колосс на глиняных ногах, и вот-вот он рухнет. Возле газетных киосков зазмеились очереди. Люди взахлеб глотали горькую правду о нашей стране – о репрессиях, расстреле царской семьи, о проституции. Я тоже стояла в этих очередях, радуясь, когда мне доставался свежий номер «Известий», «Комсомольской правды», «Огонька». А вечерами не могла оторваться от экрана телевизора. Началась перестройка.

Процесс, как тогда говорили, пошел. Свободы становилось все больше, но жизнь делалась все хуже. Сгорели мои с таким трудом собранные 500 рублей на сберкнижке. Думала подарить их сыну на совершеннолетие, и вот пожалуйста – Сбербанк заморозил вклады населения.

Из магазинов исчезли продукты. Для того чтобы купить самое необходимое – мясо, молоко, даже хлеб, – требовалось полдня простоять в очереди. Многие люди с утра приходили еще в пустой магазин и занимали очередь за всем, что привезут: масло так масло, сахар так сахар. В этом плане мне было чуть проще, чем другим. Я приезжала к родителям в деревню – милые мои старики, они так до конца мне не простили решение оставить ребенка, но никогда не отказывались помочь – и набирала продуктов: картошки, свеклы, свинины...

Купить же одежду, обувь, посуду стало в те годы чем-то из разряда несбыточных мечтаний.

В магазинах не было ничего, но как грибы после дождя на каждом перекрестке образовывались импровизированные «толкучки». Джинсы, кофточки, косметика, парфюмерия – все это продавалось с рук, яркое,

низкокачественное, но такое соблазнительное...

Мы принадлежали к той категории людей, которые ничего не покупали «на толчке». Я знала: сын мечтает о джинсах – «варенках». У большинства мальчишек в его классе они имелись, многим родители даже раскошались на джинсовые курточки с отороченными светлым мехом воротниками. Но мы не могли себе этого позволить. Самые дешевенькие джинсы стоили минимум сто пятьдесят рублей – больше, чем моя месячная зарплата.

Потом цены окончательно сошли с ума. Получив зарплату, я бежала в магазины, стараясь побыстрее спустить все имеющиеся на руках деньги. Потому что уже через пару дней нехитрые продукты стоили в два-три раза дороже.

Сын замкнулся в себе, разговаривал со мной сквозь зубы. Я пыталась ему объяснить, что он не прав, что надо как-то перетерпеть этот сложный период, когда под осколками империи рушатся судьбы миллионов людей, и наша судьба в этом плане – не исключение. Он кричал, что не может пригласить понравившуюся девочку в кино, что над ним все смеются, потому что он одет хуже всех в классе, что у него нет плеера, магнитофона, нет ничего...

– Лучше бы ты меня не рожала! – стонал он с искаженным бессильной злобой лицом...

Странно, но у многих людей получилось поймать свою золотую рыбку в образовавшейся на месте крушения огромного корабля мутной водичке. Москва менялась буквально на глазах, по ней забегали невиданные прежде машины, появились новые кафе, рестораны и магазины.

Сдав свои салфетки в художественный салон, я любила пройтись по одновременно знакомым и совершенно обновленным московским улочкам. Эти редкие минуты до штурма электрички пахли счастьем. Я вспоминала, какое оглушительное впечатление произвела на меня Москва, когда я впервые в нее приехала, поступать в институт, из деревеньки, где было всего две улицы. Как, сдав вступительные экзамены, шаталась по ней без усталости – Третьяковка, театры, эскимо на палочке... Как ночь напролет оплакивала свою горькую любовь в подъезде его дома, дожидаясь, когда он отправится на лекции, чтобы рассказать о нашем ребенке...

Я впала в какое-то странное забытие. Ноги сами привели меня к тому старому дому за литой оградой, утопающему в кустах сирени и жасмина. И – как провал в прошлое... Дверь знакомого подъезда открылась. И он, как и много лет назад, быстро сбежал по ступенькам.

Он почти не изменился – те же бездонные голубые глаза, темные

волосы, та же порывистость в движениях. Но вместе с тем от его юношеской угловатости не осталось и следа. Передо мной возник совершенно не сомневающийся в себе, хорошо одетый мужчина. Очевидный хозяин новой жизни.

Умирая от стыда за свой поношенный плащ и стоптанные туфли, я все же его окликнула.

Он обернулся и, узнав меня, улыбнулся так тепло, что я совсем растерялась.

– Вот это встреча! Сколько лет, сколько зим... Как ты? Замужем? Дети есть? А я, знаешь, по-прежнему один. Ну не лежит душа к семейной жизни. Да и некогда. Работа, вся жизнь в работе. Сейчас отец помогает мне организовывать биржу. Знаешь, что это такое?

Я покачала головой. Я знала только то, что у нас растет сын, которому стыдно выйти на улицу, потому что он одет хуже всех.

Он не умолкал:

– Да, такие времена настали – только держись. Надо ловить свою птицу счастья, потому что иначе ее поймут другие... Надеюсь, ты не сердись на меня за то... Ну, думаю ты помнишь. Конечно, я повел себя не по-мужски. Но кто в молодости не ошибался, правда? Ты как, общаешься с кем-нибудь из наших? Я, стыдно сказать, уже забыл половину фамилий преподавателей и однокурсников. Хотя подожди, ты ведь на другом курсе училась, да?

«Надо же, хоть что-то ты про меня вспомнил», – с горечью подумала я.

– Был рад тебя видеть. Ну, побегу! Счастливо! И все-таки как странно, что мы здесь встретились. Я ведь к старикам своим редко заскакиваю, правда, редко. И вдруг ты... Ладно. Пока!

Он чуть запнулся, силясь вспомнить мое имя. Тщетно.

Мое сердце колотилось, как сумасшедшее. Еще минута – и он исчезнет, растворится в шумной сверкающей Москве, затеряется в прожилках ее улиц.

– Подожди, – твердо сказала я. – У нас растет сын. Я не сделала тогда аборт. Он уже совсем взрослый, наш ребенок...

Наверное, вы видели, как сдувается воздушный шар? Теряет упругость, становится сморщенным печеным яблоком, превращается в мягкий дряблый комочек? Что-то похожее произошло с его лицом, плечами...

– Какие глупости, – после минутного замешательства выдавил он из себя. – Я ничего не хочу об этом слышать! Ты поняла? Ничего! Обмануть меня решила? Денег страсти? Не выйдет! Не на того напала!

Он сел в серебристую машину. Автомобиль мгновенно сорвался с места. Я смотрела ему вслед – униженная, растоптанная, уничтоженная. Как и много лет назад. Все повторилось, только теперь было куда больнее, потому что в молодости нет страха перед будущим, а с годами он приходит, а будущее исчезает, исчезают мечты, желания, и надежды...

В вагоне электрички я изо всех сил пыталась сдерживать слезы. Не помню, получилось ли у меня это. Не уверена...»

...Может быть, если бы эта женщина продолжала вести дневник, в нем появилось бы еще несколько записей. О том, как она, захлебываясь слезами, рассказала своему сыну, что обманывала его долгие годы, будто отец умер, на самом деле он жив, но ему нет абсолютно никакого дела до своего ребенка. О том, как они плакали, обнявшись, и просили друг у друга прощения, и все друг другу простили.

Но она этого не сделала. Не успела. Потому что ее, с опухшими от слез глазами, оглушенную горем, не различающую дороги под ногами, внезапно ослепил истошно сигналивший грузовик, и под его тяжелыми колесами вдруг исчезла вся ее боль...

«Спокойствие, только спокойствие, как говорил любимый книжный герой моего детства Карлсон, который живет на крыше. Все пройдет хорошо. У меня все получится», – думала шагающая к станции метро Лика Вронская.

И все же она вздрогнула, увидев на стене перехода листовку со своим портретом, у которой покурировал наряд милиции. Сдерживая порыв тут же броситься наутек, она, затаив дыхание, прошла возле милиционеров. Ее взгляд упал на лоток с книгами. Конечно, отличная мысль – уткнуться в вагоне в книжку, вот и повод закрыть лицо.

Она без колебаний выбрала «Священную книгу оборотня» Виктора Пелевина. Рецензии на нее появились еще месяца три назад, но купить и прочитать все руки не доходили. Вот теперь она и начнет знакомиться с приключениями оборотня-лисички с душераздирающим именем А Хули. А уж если ее заметут в ментовку, то опять-таки будет чем заняться в перерывах между допросами.

«Нет! Стоп! Только позитивное мышление. Спокойствие, спокойствие, – Лика вновь занялась аутотренингом. – Я спокойна. Я даже рада, что кругом полно милиции. Время нынче непростое, в метро и возле станций совершаются теракты, милиция защищает граждан от преступников, а я не преступница, так что волноваться нет никаких причин, я спокойна, я совершенно спокойна...»

Зачитавшись, она едва не пропустила нужную станцию. Пришлось выскакивать, расталкивая только что вошедших в вагон людей, привлекая к себе излишнее внимание.

– Вот молодежь, о чем вы только думаете, – в сердцах бросила Лике женщина в тяжелой старомодной дубленке, которую, казалось, не обойти не объехать.

Уже с перрона Лика пробормотала:

– Простите, пожалуйста.

И, заснув книгу в рюкзак, зашагала по направлению к вокзалу.

В зале ожидания она заискивающе улыбнулась милиционерам (ну, вы же понимаете, сами мы не местные, вот и уезжать собралась, не надо спрашивать у меня регистрацию, потому что если я вам покажу свои документы... Стоп! Спокойствие, только спокойствие!). Потом порадовалась большому количеству указателей, избавляющих ее от

необходимости спрашивать, как пройти к автоматическим камерам хранения.

Вячеслав Кулаков, писала Танюша, занял ячейку под номером 3856. Лика, забросив пару монет, засунула в ячейку по соседству болтавшийся в рюкзаке с незапамятных времен плеер с кассетой английского и, оглянувшись по сторонам, как бы невзначай принялась выщелкивать цифры кода на ячейке Кулакова.

Свою дату рождения в качестве кода Вячеслав ввести не пожелал. Лика перебрала все возможные комбинации: просто день; день и месяц; день, месяц и год; и лишь один год... Столь же безучастным, видимо, он был и ко дню завоевания бронзовой медали на чемпионате Европы по бодибилдингу, и к другим знаменательным в своей биографии спортивным событиям.

– Да уж, ларчик открывается непросто, – пробормотала Лика, спуская в унитаз листок с уже бесполезными пометками, сделанными после просмотра информации в Интернете.

Перекуривая свою беду в туалете, Вронская все пыталась прикинуть, какую комбинацию цифр мог загнать Вячеслав в код ячейки. И чем больше она думала, тем больше ей начинало казаться, что ее идея лишена всяких шансов на успех. А если Вячеслав ввел, предположим, ПИН-код своего телефона? Он-то его без проблем вспомнит, а вот она, Лика, никогда не подберет нужную комбинацию, слишком много вариантов. Или он мог ввести какую-нибудь памятную лишь для него дату – и опять она пролетает, как фанера над Парижем.

Вернувшись к ячейке, Лика успела проверить лишь один пришедший ей на ум вариант: 90-60-90. Вячеслав во время тренировок любил ей повторять:

– Лика, звезда моя, старайся, 90-60-90 с неба не падают, терпенье и труд все перетрут, это вам не пирожки в «Макдоналдсе».

При чем тут пирожки, Лика так тогда и не уточнила. А желанные для многих женщин цифры не подошли. Зато рядом с ней нарисовалась уборщица в черном халате, с косынкой на голове.

– Девушка, что-то вы давно тут стоите. Код, что ли, забыли? – спросила она, окидывая Лику подозрительным взглядом.

– Ага, – преданно закивала девушка. – Забыла! Как хорошо, что вы подошли! Меня как осенило...

Вытащив из ячейки плеер, Лика опять зашла в туалет. Ну хоть в туалете-то время проводить не возбраняется? Или же усилившие бдительность сотрудники вокзалов и аэропортов даже там не оставляют

пассажиров в покое?

Почему, почему она так мало общалась с Вячеславом? Да, все объяснимо: через полчаса после начала тренировки всегда хочется лишь одного – снять промокший от пота костюм, принять душ и забраться в теплую пещерку «Форда». И все же, все же, они ведь иногда перекидывались парой фраз...

В памяти Лики всплыла еще одна картина. Вечер, которому предшествовал очень напряженный день. Она совсем без сил, кажется, даже собственные руки – невероятная тяжесть, какие уж тут штанги и гантели.

– Славка, сегодня все-таки пятница, тринадцатое. Не нагружай меня сильно, ладно?

– А я люблю пятницу, тринадцатое. Мне везет. И если черная кошка дорогу перебежит, все складывается особенно удачно...

Выждав, пока бдительная уборщица скроется за углом, Лика еще раз метнулась к ячейке и без особого энтузиазма набрала «чертову дюжину». Когда дверца открылась, Лика не поверила своим глазам! А в камере хранения лежало всего несколько предметов: упаковка витаминов, общая тетрадка в клеенчатой обложке и... пистолет. Оставив оружие в ячейке, Лика извлекла витамины и тетрадь, засунула их поскорее в рюкзак и, довольно хихикнув, вновь пошла в туалет.

Она закрыла за собой дверь кабинки и высыпала на ладонь пару таблеток. Они меньше всего напоминали витамины – никакой яркой оболочки, да и размер крохотный, как у таблеток нитроглицерина. Может быть, решила Лика, Танюша и права: это просто какая-то «химия» для стимулирования роста мышц. Наличие пистолета чести Славе не делает, но ведь мужчинам так нравятся такие игрушки. Возможно, оружие в ячейке делает его более уверенным в себе. Хотя с его-то лапищами не проблема разобраться с любым обидчиком.

подавив вздох разочарования, Лика открыла тетрадь, исписанную ровным, округлым, сто процентов женским почерком...

Ее глаза быстро заскользили по строчкам:

«Она бывает – любовь с первого взгляда. Мы столкнулись у расписания возле деканата, и из головы сразу же выскочило все: и лекция, на которую надо идти, и номер аудитории, и все-все...»

Дневник обрывался внезапно. Закончив чтение, Лика почувствовала, как кольнуло сердце. Бедная женщина, сколько же ей пришлось пережить... Словно оглушенная чужой болью, Вронская закрыла тетрадь и, сама не зная почему, сдернула с головы бейсболку. И что же ей теперь делать?

«Вернуться домой к Артему, дожидаться его прихода, накормить, а потом, когда он подбреет, подсунуть ему тетрадку. Имен в дневнике нет, но если девушку в свое время исключили из вуза, плюс папа парня был партийной «шишкой», не без труда, но какие-то концы можно разыскать», – шепнул рассудок.

«Поехать в город N. И если в архиве роддома выяснится, что в 1973 году у роженицы по фамилии Кулакова появился сын – все становится объяснимо. Сын за мать», – перебил рассудок дух авантюризма.

– В прошлой жизни я была если не мисс Марпл, то Агатой Кристи – непременно, – пробормотала Лика. – Итак, решено: я отправляюсь в город N. Но на «Форде» ехать нельзя, меня остановят на первом же посту. Что же делать?

Ответ на этот вопрос нашелся буквально через минуту. Ее бывший парень, милый хозяйственный Пашка! Какой же он молодец, что заставил Лику сделать дубликаты всех ключей и вручил ей собственные – и от квартиры, и от гаража, и от машины. Зимой предусмотрительный Паша машиной не пользовался, только исправно навещался ее заводить, чтобы не сел аккумулятор. Значит, у нее есть замечательная возможность воспользоваться его «девяткой».

Через сорок минут Лика Вронская уже ехала в направлении небольшого подмосковного городка N.

– И пусть в моих поступках не было логики, я не умею жить по-другому, – подпевала она Валерию Меладзе из радиоприемника.

Очень актуальная фраза с учетом сложившейся ситуации...

3

– Дай мне сигарету, пожалуйста, – попросил Артем у Седова.

Тот сочувственно посмотрел и, не говоря ни слова, протянул ему пачку.

С непривычки Артем закашлялся. Докурив сигарету до половины, он раздавил ее в пепельнице, подошел к столу Владимира и снова взял в руки два снимка.

Один из них – отпечатки пальцев Лики Вронской, которые Седов снял во время допроса в прокуратуре. Второй – результаты только что принесенной дактилоскопии. Невооруженным глазом видно – отпечатки указательного и большого пальца правой руки на обоих снимках совершенно идентичны.

– Надо найти девчонку, – твердо заявил Седов, оформляя материалы дела. – Ты же видишь, совпадений слишком много. Интересно, где же она все-таки скрывается?

Понурившись, Артем молчал. Страшно даже представить, в какой фарш превратит его Седов, узнав ответ на этот вопрос. Но Лика, Лика... Как она могла с ним так поступить? Неужели он ошибся в ней? А ведь он ей так доверял... Что же она придумала?

– Я отъеду на пару часов, – сказал Артем Володе. – У нас вчера в банке инкассатора тяжело ранили, надо подъехать в офис и решить пару вопросов. Потом вернусь, если ты не против.

Седов кивнул и озабоченно посмотрел на своего однокурсника:

– На тебе просто лица нет. Что, так тебя зацепила эта писательница-журналистка?

– Не то слово, – признался Артем.

– Но ты подожди скисать, еще же не ясно ничего, – Володя изо всех сил старался утешить своего приятеля. Досталось ему, конечно, сегодня: сначала убийство гадалки, потом улики против понравившейся девушки... – Меня, честно говоря, смущают эти отпечатки.

– Почему?

– А ты вспомни, как развивались события. Умирает Макаров. Вронская присутствует на вечеринке, но ее отпечатки не выявлены на тех предметах, которыми он пользовался. Потом Комаров. Тут совсем другая картина. Она приносит ему коктейль, отпечатки на стакане, разумеется, есть, да и свидетелей полно. Потом Хлестов и Лунина. На банке с коктейлем чисто. И, наконец, гадалка. На ее чашке «пальчиков» Лики нет, зато они

обнаружены на второй чашке. Меня это смущает. Пришла, покалякала с теткой, траванула ее, свои отпечатки оставила. Не знаю, дружище, не знаю. Странно это все как-то. А как она вообще про гадалку узнала-то?..

– И что из этого следует? – спросил Артем.

Володя лишь пожал плечами. Он и сам толком пока не знал, какой вывод из этого можно сделать. Но все же в этой ситуации прослеживались необъяснимые моменты. Лица то демонстративно «светится» возле жертв, то мастерски замечает все следы. Логичнее выглядела бы какая-нибудь одна модель поведения.

– Ладно, я побежал, – пробормотал Артем, накидывая пальто.

Спустившись к машине, Сидоренко осознал: ни в какой офис он сейчас не поедет. Нет сил заниматься рабочими проблемами, надо вернуться домой и обо всем расспросить Лику. И пусть только попробует хитрить – он тут же схватит ее за шиворот и привезет в прокуратуру. Пожалуй, он и впрямь заигрался в благородного рыцаря, готового прийти на помощь попавшей в беду прекрасной даме. А что, если эта беда – ее хрупких ручек дело?

Неладное Артем заподозрил еще на пороге квартиры. Был закрыт нижний замок, а Лица закрывалась только на верхний, с защелкой изнутри.

«Может, она все же решила воспользоваться ключом», – пронеслось у него в голове, когда он распахнул дверь.

Не разуваясь, он обошел квартиру. На кухне стоял легкий запах сигарет и недавно приготовленной еды. В кресле гостиной лежал шелковый сиреневый халатик, который накануне Артем презентовал своей гостье.

Он заглянул в спальню, в служившую ему домашним спортзалом комнату, даже в ванную и туалет. Напрасно. Лики нигде не было...

Посидев пару минут без движения на подлокотнике кресла, Артем тяжело вздохнул. Он достал телефон, и некоторое время просто смотрел на аккуратные квадратные кнопки. А потом набрал номер Володи Седова.

– Старик, я очень виноват перед тобой, – начал он свой рассказ. – Все эти дни Лица пряталась у меня...

«Девятку» мотало из стороны в сторону. Вцепившись в руль обеими руками, Лика напряженно смотрела на дорогу. Педаль газа почти прижата к полу.

Резина на «девятке» стояла зимняя, но нешипованная, да и протектор почти стерся. А какой смысл экс-бойфренду раскошелиться на качественные колеса, если он зимой все равно не ездил?

Лика понимала: дорога скользкая, резина старая, надо бы сбросить скорость. Но у нее оставалось так мало времени. До скольких работают родильные дома? Наверняка круглосуточно, но вряд ли дежурные врачи и медсестры по первому ее слову побегут копать в архиве, у них и без того забот хватает. Так что надо торопиться, если она хочет застать в родильном доме главврача или хоть кого-нибудь из руководства.

Въехав в город N, Лика притормозила у первой же автобусной остановки, вышла из машины и спросила у интеллигентной старушки в аккуратном пальто и шляпке, как проехать к роддому.

Та скользнула любопытным взглядом по Ликиной короткой курточке, и, не обнаружив выпирающего животика, недоуменно пожалала плечами. Но дорогу объяснила подробно, с перечислением всех ориентиров и поворотов.

Роддом находился в довольно старом трехэтажном здании, и Лику это обрадовало. Может быть, ей даже повезет встретить акушерок, работавших здесь в 1973 году. А что, такое возможно, наверняка в те годы малышам помогали появиться на свет и молоденькие медсестры.

Историю, объясняющую ее интерес к картам рожениц, Лика придумала еще по дороге. Перед вами, милые люди в белых халатах – сирота, воспитывалась в детском доме, мать отказалась от нее, когда она была совсем крошкой. Конечно, долгие годы ее захлестывала обида на нерадивую мамашу. Это же надо, родного ребенка отправить в детский дом и ни разу не поинтересоваться ее судьбой. Но теперь, когда она выросла, и стала что-то понимать в этой жизни, ей начало казаться: а вдруг у матери имелись очень веские причины поступить именно так? Вдруг она родила ребенка совсем молоденькой, и строгие родители, не вынеся такого позора, заставили ее сдать дочь в детдом? Да мало ли что там могло произойти, она ведь ничего, ровным счетом ничего не знает о родных... В московском детском доме ей сказали, что она поступила к ним из роддома,

находящегося именно в городе N. Поэтому она просит, умоляет: пожалейте, помогите – будьте так добры, проверьте фамилии женщин, рожавших в этом роддоме в 1973 году...

Разумеется, Лика понимала – в ее истории масса нестыковок. Больше всего Вронская опасалась, что ей просто не поверят, будто она родилась в 1973 году. Без косметики, в простой одежде, с ней часто знакомились двадцатилетние мальчики, принимавшие ее за свою ровесницу. Но даже если сотрудник или сотрудница роддома рассочувствуется и перероет медицинские карты 1973 года, то, как она объяснит тот момент, что в карточке Кулаковой будет черным по белому написано: у нее родился мальчик? От которого счастливая мамаша и не думала отказываться?

«Ладно, проблемы надо решать по мере их поступления», – подумала Лика и решительно взялась за ручку тяжелой двери родильного дома.

– Вы к кому? – приветливо поинтересовалась женщина в белом халатике с приколотой на груди карточкой «Тамара Алексеевна Никифорова, старшая медсестра».

Лика окинула взглядом ее простодушное лицо и лежавший перед ней роман Барбары Картленд в розовой обложке с синеглазой блондинкой, млеющей в объятиях мускулистого мачо, и, хлюпнув носом, принялась тереть глаза.

– Видите ли, Тамара Алексеевна, это очень долгая история... Я никогда не знала своей матери. Выросла в детском доме...

Через пару минут медсестра извлекла из кармана халата белоснежный платок и тоже поднесла его к глазам.

– Бедная, бедная девочка, – растроганно повторяла она. – Сколько испытаний выпало на твою долю...

Лика ощутила легкий укол совести. Но надо же ей как-то добраться до медицинских карт! А перед Тамарой Алексеевной она позже извинится. Приедет к ней в гости с тортом, они выпьют чаю, и вот тогда Лика уже расскажет всю правду.

– Конечно, я помогу тебе. У нас хранится вся картотека. Правда, тебе нужны старые карточки, а они в подвале. Но ничего – найдем, ты не переживай, бедняжка.

– Тамара Алексеевна? Куда это вы направляетесь?

Подошедшая к столику женщина являла собой полную противоположность старшей медсестре – подтянутая, ухоженная, она, казалось, годилась ей в дочери, хотя Лика искусственным женским взглядом подметила – мадам с карточкой «Ольга Николаевна Попова, главный врач» куда старше Тамары Алексеевны.

– Эта девочка, возможно, появилась на свет в нашем роддоме. Мы собирались спуститься в архив и разыскать карту ее матери. Нам нужны данные за 1973 год. Вы не возражаете, Ольга Николаевна?

– Возражаю! – главврач недовольно нахмурилась и впилась в Лику таким пристальным взглядом, что та помертвела от страха. – Это роддом, милочка! А не справочное бюро. И информацию мы дадим только в том случае, если будет официальный запрос.

Сердце Лики оборвалось.

– Какой запрос? – робко спросила она.

– Из милиции, – отчеканила мадам и повернулась к старшей медсестре. – Тамара Алексеевна, будьте так добры, зайдите к роженице из платной палаты и измерьте ей температуру. Она жалуется на сильную головную боль.

– Хорошо, – пробормотала старшая медсестра.

– Что же вы не уходите? – спросила Попова у Лики.

– Простите за беспокойство, – выдавила она из себя. – До свиданья, всего доброго...

Но что это – в ее ладонь опустился небольшой металлический предмет? Ключ? На ощупь, похоже, да... Лика подняла глаза на Тамару Алексеевну. Она ободряюще ей улыбнулась:

– Удачи тебе, девочка!

Вронская, чуть не подпрыгнув от радости, легко сбежала по ступенькам. На улице она внимательно осмотрела подвальные окна. Так и есть: одно из них забито досками. Замечательно: оторвать доски – куда меньше шума, чем бить стекло. Но ведь Тамара Алексеевна дала ей ключ, так что проблема проникновения в подвал должна решаться еще проще... Лика обошла здание роддома. С торца красовалась табличка с надписью, которая ее весьма обрадовала. «Вход в подвал», – гласила она.

Беззаботно направляясь к машине, Лика не почувствовала, как сквозь планки жалюзи ее внимательно изучает пара глаз.

Убедившись, что «девятка» уехала, Ольга Николаевна Попова подошла к телефону, сняла трубку и заговорила с отозвавшимся абонентом:

– У вас проблемы. К нам приходила какая-то девчонка. Интересовалась картами именно 1973 года...

Владимир Седов с досадой отшвырнул сотовый телефон – благо, что производители поместили его в противоударный корпус. Ничего не скажешь, хороший у него однокурсник! Молодчина Артем Сидоренко! Такой помощи вовек не забудешь. И какой актер! Какими честными были его глаза, когда он, Седов, лопух, идиот, интересовался:

– Артем, а не знаешь ли ты, где может прятаться Лика Вронская?

– Не знаю... – отвечал он.

И при этом, скотина, еще выслушивал доклады бедного Пашки, который с ног сбился, обходя родственников и многочисленных знакомых Лики Вронской.

Да что уж тут говорить?! Сплоховал он, сплоховал. Уже столько лет живет на белом свете, повидал немало, работа, так сказать, способствует изучению жизни не в самых лучших ее проявлениях, а все равно живет в нем какая-то наивная детская уверенность, что все люди братья, что если мужик хороший, порядочный – значит, на него можно целиком и полностью положиться...

Как же обидно: золотая голова, гордость их выпуска юрфака, и такая непозволительная самодеятельность...

Хорошо хоть, размышлял Седов, Артем в конце концов не стал утаивать правду и рассказал, что Лика была в курсе его планов посетить гадалку. Рассвирепевший Сидоренко вообще больше не защищал свою пассиву. Наоборот, он предположил, что она вполне могла проследить за ним, дождаться, пока он выйдет из квартиры, а потом подняться к Светлане и насыпать ей отравы в гостеприимно предложенный чаек. Артем даже предложил привезти кое-какие вещи Вронской, которые она оставила в его квартире. На что Седов возразил, что лучше это сделать завтра. Потому что сегодня за исход встречи с однокурсником он поручиться не может...

– Конечно, – не замечая, что начинает разговаривать сам с собой, пробормотал Володя, – Артем влип по самые уши. Ему теперь припаять можно половину Уголовного кодекса: укрывательство свидетелей, дача ложных показаний, намеренное введение следствия в заблуждение. Но не отправлять же его за решетку в самом-то деле, все-таки столько лет вместе грызли гранит науки. Да и я тоже хорош. Дернул же черт знакомить его, постороннего человека с материалами уголовного дела. Меня за это шеф по голове не погладит...

Раздосадованный Седов принялся приводить в порядок стол. Бумаги на нем перемешались. Экспертизы соседствовали с главами романа Лики Вронской, протоколы допроса свидетелей по старым уголовным делам вдруг обнаружили среди листков со схемами, которые чертил Володя, размышляя о причинах убийств, произошедших в «Мире спорта».

Седов поднял спикировавший на пол листок бумаги, и его лицо озарила слабая улыбка. Да, вот тот самый кусок текста детектива, который он хотел перечитать. В нем описывается, как менеджер фитнес-центра Маша Петрова протягивает Сергею Макарову отравленный коктейль. У него тогда еще мелькнула догадка. Этот отрывок показался Седову смутно знакомым, он словно бы где-то его встречал раньше, только вот где... Беседа с Артемом, отработывавшим связи Макарова? Нет, вряд ли, почему-то перед глазами возникает именно текст...

Седов открыл уголовное дело и принялся бегло просматривать протоколы допроса свидетелей. Да, ну так и есть, вот подшит исписанный Пашиным неровным почерком листок. Допрос некоего тридцатипятилетнего Петра Козлова, возглавляющего одно из отделений крупного московского банка. Он не был на новогодней вечеринке, однако тренировался в тот вечер, когда произошло убийство, вместе с Сергеем Макаровым. И, судя по его показаниям, следовало, что почти перед самым закрытием клуба менеджер «Мира спорта» Маша Петрова принесла Сергею Макарову протеиновый коктейль. Это произошло около семи часов. Ну или в самом начале восьмого, потому что в семь тридцать Козлов, приняв душ и переодевшись, покинул фитнес-центр.

Ошеломленный Седов смотрел на эти цифры, словно бы впервые их увидел. Ведь по результатам вскрытия смерть Сергея Макарова наступила около десяти вечера. Между тем вечеринка в коттедже началась в девять, и он, Седов, полагал, что именно тогда в бокал с шампанским Сергея Макарова убийца опустил яд... А вот материалы по смерти Виктора Комарова. Между тем, как Лика принесла ему коктейль, и наступлением смерти прошло немногим больше трех часов. Что это – разная концентрация снотворного или же... Или же спланированная кем-то акция по тому, чтобы отвести от Маши Петровой подозрения? Значит, у нее мог быть сообщник из числа тех, кто накануне новогодней ночи решил повеселиться за городом... Пришло время задать этой девушке несколько вопросов и выслушать, что именно она на них ответит.

Поразмыслив, Седов набрал номер Тани Добротворской, который он сразу же после знакомства (хороша, бестия!) предусмотрительно внес в память своей телефонной книжки.

– Татьяна? Следователь Седов беспокоит. Дай мне, пожалуйста, телефон вашего менеджера Маши Петровой. У тебя же наверняка он есть... Что? Ты думаешь, он отключен. А почему? Замуж выходит за Вячеслава Кулакова, час назад вместе уехали с работы... К нему домой, говоришь, поехали? Понятно. А адрес его у тебя есть?

Записав на листке бумаги адрес Вячеслава Кулакова, Седов вскочил со стула, набросил на плечи куртку, погасил в кабинете свет и закрыл дверь кабинета. Решено: он прямо сейчас отправится в гнездышко этих воркующих голубков. Посмотрим, как они прокомментируют его догадки...

Каким-то шестым чувством Маша Петрова уловила: этот звонок Славе на сотовый – очень плохой, тревожный, может быть, даже к беде.

Она поднялась с постели, набросила халат. Слава тоже вернулся в спальню уже одетый, в спортивном костюме.

Он чмокнул ее в щеку и с деланным безразличием сказал:

– Котенок, мне надо отъехать на пару часов. Возможно, вернусь поздно. Ты ложись спать, не жди меня.

Маша посмотрела на его лицо, нахмуренное, с обозначившимися на лбу морщинками, – а ведь всего пару минут назад их и в помине не было, уж она-то Славино лицо изучила лучше, чем свое собственное, – и тоже потянулась за брюками.

– Я поеду вместе с тобой, – заявила она. – И не спорь, пожалуйста.

– Котенок, я еду в город N, это в Подмосковье. Ну зачем тебе со мной мотаться? Выспись, отдохни лучше...

Маша прижалась к его широкой груди и прошептала:

– Милый, я чувствую: это опасно.

– Что ты! Никакой опасности нет. Просто надо уладить одно дело.

– Я поеду вместе с тобой, – твердо заявила она. – Поеду, чего бы мне это ни стоило. Не возьмешь в свою машину – вызову такси и отправлюсь следом. Ты меня еще плохо знаешь. Если я что-то задумала, решения не меняю.

Вячеслав посмотрел в ее глаза. В них отражалась такая непоколебимая уверенность, что он понял: Маша не шутит, она действительно поедет вместе с ним. Не вместе – так на такси. А лишний свидетель ему в городе N совершенно ни к чему.

И он сдался:

– Хорошо, собирайся. Но быстро.

Маша заметалась по комнате, собирая одежду, раскиданную в порыве страсти.

Она оделась, стянула волосы в хвост на затылке, задернула бордовые портьеры и, захлопнув дверь квартиры, со всех ног помчалась к Вячеславу, уже прогревавшему мотор.

Когда сверкающая огнями Москва осталась позади, девушка просто спросила:

– А зачем мы едем в город N?

Вячеслав покосился на ее курносый носик и кругленькие щечки, коснулся рукой теплой ладони, сильно сжал ее.

– Мы едем, – он запнулся, но нашел в себе силы закончить фразу, – мы едем, Маша, убить одного слишком любопытного человека.

Маша вздрогнула. Опять этот кошмар! А ведь она так надеялась, что у них начнется новый этап жизни – счастливый, беззаботный, наполненный радостью и любовью.

– И кто этот человек?

– Лика Вронская.

– А почему ее надо убить?

– Она слишком о многом догадалась. Это становится опасным. Видишь ли, дело в том, что Сергей Макаров был моим отцом...

Маша растерянно захлопала глазами:

– Отцом? Но ведь ты же говорил, что твой отец умер?!

...Он всегда так говорил: отец умер. Так проще. Не надо никому объяснять, что мать растила его одна. Так менее больно. Не нужно вспоминать, каким подонком оказался собственный отец.

Нет, вначале мать тоже лгала ему. Говорила, что отец – полярник, геройски погиб во время экспедиции. Потом забывала, ложь ведь плохо задерживается в памяти, и вот его отец становился летчиком, заслуженным, с медалями на синем кителе. Он, разумеется, тоже погибал во время испытания самолета. Все детство Славы озарял ореол героичной трагичности.

Но дети ведь быстро растут, и вот он уже начал соображать: у Лешки из соседнего подъезда папа был простым милиционером. Его пырнул ножом пьяница да насмерть. И вскоре Лешка переехал, так как его маме, тете Люде, выделили квартиру получше. И сама тетя Люда – она не как мама, на трех работах не убивается, получает пособие по гибели кормильца семьи, а Лешка раскатывает на новеньком голубом велосипеде.

– Мам, купи мне велосипед, – просил он.

Мать, как обычно, отвечала:

– Денег нет. Иди лучше уроки учить.

– Мам, но ты же говорила, что папа был героем. Тебе, наверное, тоже, как и тете Люде, пособие должны платить. И побольше, чем ей! Ты просто не хочешь купить мне велосипед. Эх, был бы папка живой – уж он бы обязательно купил...

Мать отвешивала ему крепкий подзатыльник, а сама – он это точно видел – смахивала слезы.

Вначале Слава думал, что мама просто жадная. Бывают такие люди. Он читал, хотя в школе и не задавали. Гобсек, например, из книжки какого-то французского писателя – да, точно, Бальзака. Тому тоже все мало было. И маме мало. Пособие зажимает, а сама на трех работах убивается. А живут они скромно, значит, мама денежки-то припрятывает. Может, в залог под проценты дает – шут ее знает.

Но уж накануне своего пятинадцатилетия Слава прямо заявил: хочу магнитофон «Весна». Как у Лешки. И только попробуй опять зажать папкино пособие. Не имеешь права. В четверти у меня одни пятерки, спортивную секцию посещаю исправно, квартиру раз в неделю убираю. Так что раскошеливайся, дорогая мамочка. И никаких гвоздей!

После этого разговора из спальни мамы доносились какие-то всхлипывающие звуки.

«Плачет, что ли? – думал Слава. – Понятно, наверное, денег жалко».

На следующий вечер в гости к маме пришла подруга. Та самая тетя Люда. Он с Лешкой дружил не разлей вода, а мама с тетей Людой все общалась, рецептами с ней обменивалась и какой-то прочей женской ерундой.

Время позднее, за полночь. Они, поди, решили, что он спит давно. Он, и правда, задремал. Да разбудили его женщины своими голосами. Вот Слава и вышел на балкон – балкон у них знатный, через комнату и кухню – подобрался к самому окошку, присел на корточки...

– Люда, – говорила мама всхлипывая, – Христом Богом прошу, одолжи ты мне эти деньги. Я верну. Не сразу, но верну. Пацана жалко, он просто бредит этим магнитофоном. Старается, мне помогает, учится хорошо. Только вот думает, что я от него деньги прячу. А чего мне прятать-то? Нечего...

Звон раздался, словно бы стаканами чокнулись, как под Новый год или на День Победы. «Пьют, что ли? А чего это мама в долг просит?» – растерянно подумал Слава.

Тем временем тетя Люда сказала:

– Хорошо. Деньги я тебе одолжу. Но ты сама подумай: сегодня он магнитофон попросит. А завтра еще что-нибудь потребует. И что ты тогда будешь делать? Опять одалживать? Это не выход! Купи ему этот магнитофон. Если так хочет – купи. Но расскажи ему всю правду. Чтобы он знал: нет у него никакого папки-героя. Нет, не было и не будет. Скажи ему честно: отец его – скотина, каких свет не видывал. И пусть он ценит все то, что ты для него делаешь.

Слава аж помертвел под окошком кухни. Что это тетя Люда такое

говорит? Ерунда какая-то. Вот сейчас мама как всыплет ей по первое число за «скотину, каких свет не видывал».

Но мама сказала совсем другое:

– Не знаю, Люда... Боюсь я. Сейчас такое в газетах пишут – аж страшно становится. Трудные подростки, переходный возраст. А ну как он не простит меня? Что врала ему, что без отца его родила?

– Нормальный у тебя пацаненок растет. Поймет он тебя, не бойся. Да взрослые они уже с Лешкой. Я вчера в его комнату захожу – с девочкой из соседнего класса целуется, паразит... А в газетах много чего пишут. Видала там, в «Огоньке» последнем, кстати, и портрет этого твоего Сергея.

– Да ты что? Опять?

– Мужик в гору идет. Биржу какую-то затеял. Значит, водится у него копеечка, и приличная. Ты бы к нему поехала, рассказала про сына. Помог бы он вам, не зверь же он, а человек.

Мать горестно вздохнула:

– Вроде как снаружи человек. А внутри зверь...

Слава с трудом дождался утра. Как только рассвело – помчался к газетному киоску, даже чаю не попил. Развернул «Огонек» дрожащими руками, пролистал. Так и есть. Вот он, хрен лысый, Сергей Макаров. Нет, не лысый, конечно. А вполне волосатый. Можно даже сказать, красивый. Он, Слава, в него пошел. Похожи здорово.

«Ну, подожди у меня, папашка-герой. Ты еще свое получишь. Отольются кошке мышкены слезки», – мрачно пообещал он портрету в журнале.

Не радовал его подаренный на день рождения новенький магнитофон «Весна». Ком в горле застрял, когда мама, виновато улыбаясь, сказала:

– Вот, на папино пособие купила...

«Знаем мы это пособие», – думал Слава. А мать жалел, очень жалел. Готов был кому угодно глотку за нее перегрызть.

У него тогда две мечты имелось. Макарова убить. Он его так и называл про себя: «Макаров». А не отец. Какой он отец? Он выродок. Заделал матери ребенка – и в кусты, биржи, видишь ли, создает. Славка устроит ему такую биржу, что небо с овчинку покажется.

А вторая мечта – совсем простая. Встретить хорошую девушку. Что б на мать была похожа, такую же добродушную, широкую в кости. Встретить и взять в жены. И растить детишек, чтобы они никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах не узнали, каково это – безотцовщина...

За Макаровым Славка приглядывал. Тогда, еще пацаном зеленым, в Москву поехал, адрес его выяснил. Да он все время на виду был. Какую

газету ни открой – повсюду Сергей Макаров, вначале кооператор, потом бизнесмен, затем и олигархом величать начали.

«Ничего, пусть повыше заберется – падать больнее будет», – мрачно думал Слава.

Как-то он все же упустил тот момент, когда с ним разделаться можно было. Потом у него бабок, наверное, немерено стало. Без охраны он уже не ходил. Особняк себе отгрохал, за забором, хрен туда пролезешь, Славка пробовал – собаки чуть насмерть не загрызли.

Он уже и институт физкультуры закончить успел, на работу устроился – а Макаров все коптил белый свет. Но ему нравилось выжидать, нравилось просчитывать разные варианты, как его порешить. Правду говорят: месть – это блюдо, которое подается холодным.

Лет семь назад он все же решился. Пистолет купил. В Москве это не проблема, через пару дней все доставили в лучшем виде, только плати... Дела у Макарова тогда как раз в упадок пришли, охраны при нем больше не состояло, машинку он себе поскромнее завел.

«Пора», – решил Слава.

Он смотрел на него сквозь прицел и все думал: а вот никакого желания нет ему что-либо объяснять ни про мать, ни про себя. Чего на это время тратить. Собаке собачья смерть, быстрая и внезапная. В этом тоже был особый кайф. Макаров ему никогда ничего не объяснял. Вот и он не будет. Пальнет между глаз – и все одним махом закончится.

Его палец уже почти нажал на спусковой крючок, когда на него сверху обрушилась какая-то тяжесть. В глазах потемнело, пистолет выскользнул из рук.

– Кто? Кто тебе его заказал? Говори, если жить хочешь, – тряс его за ворот рубашки человек.

– Я сам его заказал, – прохрипел Слава. – Батяня это мой, так сказать. Кобель недоделанный...

...Перед ними пронесся указатель, возвещающий, что через пять километров пути они уже будут в городе N.

– Ладно, котенок, я тебе потом расскажу, чем вся эта петрушка закончилась, – сказал Вячеслав, нажимая на кнопку подачи стеклоомывателя. Как некстати он закончился. Удастся ли купить его среди ночи в городе N? – Это еще была, как говорится, присказка...

– Бедный ты мой, – вырвалось у Маши. По ее щекам то и дело скатывались слезинки.

– Я не бедный, Маша. У меня есть ты. И все у нас получится.

Маша поспешила его заверить:

– Конечно, милый. Все будет хорошо. Я уверена.

Она положила голову на плечо Вячеславу и закрыла глаза. Решено: она останется с ним до конца. Что бы ни случилось. Его уже так сильно предали в этой жизни, что новое предательство – это слишком жестоко. У него действительно имелась веская причина расправиться с Макаровым. А остальные люди?.. А Лика? Но ведь Слава же говорил, что она излишне любопытна. А любопытной Варваре, как водится, надо оторвать вездесущий носик...

Глава 6

Пелевин в рюкзаке оказался весьма кстати. Лика Вронская отъехала от родильного дома, свернула в располагавшийся по соседству парк, заглушила мотор и погрузилась в чтение.

«Замечательная книга, – подумала она, переворачивая последнюю страницу. – Только финал грустный. Но жизнь вообще штука невеселая. Моя в последнее время – уж точно».

Ей стало жаль себя, голодную, продрогшую, одну в этой ночи, накрывшую небольшой город N ватным одеялом тишины. Но стрелки на часах уже перебрались за полночь. Самое время отправиться в роддом и спуститься в подвал, воспользовавшись ключом, который ей украдкой всучила душевная Тамара Алексеевна.

Во всем здании светилось лишь одно окно. Да и то свет был слабый, приглушенный, исходящий, скорее всего от настольной лампы, рисующей на стене тень головы задремавшей над книгой медсестры. Подъехав ко входу в подвал, Лика еще какое-то время выжидала, не привлечет ли шум машины любопытных взоров. Рядом сверкнул фарами автомобиль, зашуршал шинами по скрипучему снегу, и снова все стихло.

Замок, несмотря на усиливающийся мороз, открылся легко. Лика прошла внутрь, вдыхая затхлый запах лекарств и пыли, и включила фонарик. Небольшая лестница вела в одну-единственную просторную комнату, вдоль стен которой размещались высокие шкафы со множеством выдвижных ящиков. Желтый луч света скользнул по сделанным пометкам.

Слева, поняла Лика, размещается алфавитный каталог, справа классификация карт ведется в соответствии с годами родов.

Затаив дыхание, она открыла ящик с вожделенной цифрой 1973 и принялась быстро перебирать карточки.

Разочарование оказалось так велико, что Лика даже опустилась на пол, прижавшись спиной к шкафу. Карты роженицы по фамилии Кулакова в ящике не нашлось. Но вдруг, вдруг она ее просмотрела? Может, старые медицинские карты просто слиплись, а она тут расселась, нюни распускает...

Лика вскочила на ноги и принялась вновь перебирать карточки – уже без спешки, внимательно читая указанные на картах фамилии. Напрасно. Не было среди них карты Кулаковой, не было и все тут. И все же Лика больше не грустила, так как заметила одну любопытную деталь. За картой

номер 3204 следовала карта 3206! Из этого ящика пропала одна карта, и Лика была готова поклясться, что знает, кому она принадлежала.

Похожую картину она ожидала обнаружить и в алфавитном каталоге. Наверняка в ящике с пометкой «К» тоже не хватает одной карты.

– Странно, – пробормотала Лика, по второму разу пересматривая содержимое ящика. – Здесь с номерами на букву «К» все в порядке. Хотя, возможно, этот каталог составлялся совсем недавно, и на пропавшую карту 1973 года просто не обратили внимания... Кто знает, когда она исчезла? Может...

Закончить свои рассуждения Вронская не успела. Наверху явственно послышались чьи-то шаги. Потушив фонарик, Лика забралась под стол – единственное место в этом помещении, где можно было хоть как-то укрыться – и начала лихорадочно соображать, что она совет проснувшейся медсестре. Надо врать что-нибудь душевное, думала Вронская, чтобы медсестра растрогалась и не вздумала вызывать милицию...

Но ей не понадобились никакие объяснения. Из темноты раздался голос, так хорошо знакомый, что по спине побежали мурашки...

– Лика, звезда моя, я знаю, что ты здесь. Давай не будем играть в прятки. Выходи...

Лика с тоской посмотрела на окна. Слишком узкие, слишком высоко, слишком мало времени, чтобы разбить стекло и скрыться в находящейся за ним спасительной темноте.

– Лика, звезда моя, у меня пистолет, – предупредил Вячеслав. – Не стоит устраивать здесь стрельбу...

– Слава, я все знаю, – идя на слабый свет, очерчивающий контур мощной фигуры, затараторила Лика. – Я вскрыла твою ячейку на вокзале, нашла дневник твоей мамы и обо всем догадалась. Сергей Макаров был твоим отцом. Уж не знаю, зачем ты убил Виктора и Андрея, но мотив расправиться с Сергеем у тебя имелся. И не надо направлять на меня пушку! Если ты думаешь, что, украв карту из роддома, ты спрятал концы в воду, то ты заблуждаешься. Я успела разослать друзьям письма по электронной почте....

– Тогда почему ты так дрожишь? Лика, ты совершенно не умеешь блефовать. Быстро иди в мою машину, – Вячеслав ткнул ее пистолетом в спину. – Я сказал быстро!

Оказавшись на заднем сиденье, Лика не смогла сдержать возглас удивления:

– Маша? Но ты здесь что делаешь?

Вячеслав, обернувшись, передал Маше пистолет:

– Не болтай с ней. И поаккуратнее с пистолетом, котенок, я тебя умоляю. Он заряжен и снят с предохранителя, патрон в патроннике...

«Как все глупо, – думала Лика, вжавшись в заблокированную дверь – подальше от наставившей на нее оружие Маши. – Доигралась в следователя. Обидно. Книга не издана, дети не рождены. Караул, сколько всего не сделано! А что им терять, в самом деле? У них такая ситуация: человеком больше, человеком меньше, никакой роли уже не играет...»

Вячеслав выехал из города N, свернул в лес, проехал по нему, занесенному снегом, пару километров и заглушил мотор.

– Приехали, – коротко сказал он. Потом повернулся к Маше: – Держи ее на мушке. Будь внимательна. От нее можно ожидать чего угодно.

Краем глаза Лика видела: он расстегнул лежавшую на переднем сиденье спортивную сумку, достал термос, открыл крышку. По салону разнесся запах кофе. Налив жидкость в пластиковый стаканчик, Слава опустил в него две маленькие таблетки и протянул его Лике:

– Пей.

Лика притворилась, что ничего не понимает. Как же они дороги, эти последние минуты, и как быстро они удирают прочь...

– Я не пью кофе на ночь, – сказала она, зябко поводя плечами.

Холодно умирать. И страшно. И не хочется...

– У тебя будет самый крепкий сон, я тебе это обещаю. Пей давай, – приказал Вячеслав.

– Подожди... Вы что, меня отравить собираетесь? Как Макарова и остальных?

– Ты очень догадлива, – подала голос Маша.

– Умненькая девочка. Писала бы свои статьи, не вмешивалась бы в чужие дела – и все у тебя было бы в шоколаде, – Слава тоже плеснул себе кофе. Без таблеток, понятное дело.

– Меня видели в роддоме, – многозначительно заметила Вронская, судорожно соображая, как бы еще потянуть время. Она только что осознала, что совершенно не торопится на небеса. Ей и в этом мире хорошо. Даже с наставленной прямо в голову пушкой.

Сделав глоток кофе, Вячеслав сказал:

– Спасибо, что предупредила. Да мы уже в курсе. Это наши проблемы. И мы уж как-нибудь с ними разберемся. Не переживай ты так, в самом деле...

– Хорошо, – выдохнула Лика. – Но... можно мне покурить перед тем как... Пожалуйста...

Вячеслав пил кофе и молчал.

Маша не выдержала:

– Слав, пусть человек покурит, а? И я бы не отказалась. Лика, дай мне сигарету.

Вронская достала из рюкзака пачку и протянула Маше:

– Давай.

– Котенок, тебе нельзя! – возмутился Вячеслав. – Ты мне детей рожать будешь. Что, забыла?

Даже в темноте было заметно, как счастливо Маша улыбнулась.

– А эта, – кивнул Вячеслав на Лику, – пусть курит. Ей уже все равно. Только окошко открой, там кнопочка на дверце.

Тихий шорох опускающегося стекла. Щелчок зажигалки. Крошечная светящаяся точка ментолового «Vouge». Жаль, что не «More» или «Fine», подумала Лика, они длиннее в два раза. Было бы в два раза больше жизни. Но, наверное, она умрет не сразу? Это будет больно?

– Эх, Маша, – Лика была готова говорить о чем угодно, лишь бы не разрыдаться. – А ведь это твой светлый образ вдохновил меня на создание книжки...

Вячеслав аж поперхнулся от возмущения:

– Ага, книжки. Что же ты не говоришь, что сделала там Машу убийцей?

– Ну, это недалеко от истины, – тихо сказала Маша.

Потрясенная Лика начала стряхивать пепел не за окно, а себе на брюки, совершенно того не замечая:

– Слав! Я тебе об этом ни слова не сказала. Ну ответь: Танька Добротворская проболталась? Откуда ты узнал?

– Таня ничего не говорила.

– Понятно... Припоминаю: тогда дверь приоткрылась в Таниных «сотах». Значит, не случайно. Выходит, подслушивал. Ну да ладно, теперь смысла говорить об этом нет. И все-таки ответь. Объясни, – Лика старалась делать маленькие затяжки, надеясь, что от этого сигарета сгорит медленнее. – Я так и не догадалась, за что вы убили Виктора и Андрея. Марго, я так понимаю, просто не повезло – она за компанию с Хлестовым выпила снотворное. Но вот Виктора и Андрея – их за что?

– Не слишком ли у вас много последних желаний, а, девушка?

Лика помотала головой и нащупала в кармане куртки какой-то предмет. Да это же диктофон, новый цифровой диктофон! Получив его в

подарок, она все-таки предпочитала работать на старом, кассетном, а этот презентованный Пашкой, кажется, на 8 Марта изучила и забросила куда-то, потом даже искала, но разве в ее квартире можно с ходу обнаружить пропавшую вещь? Да никогда! Вот он где, ее маленький, черненький, лапочка... Лика на ощупь нашла кнопку включения записи и нажала ее. Малютка пишет просто отлично, он ей очень понравился, она тогда совершенно искренне расцеловала Пашу. Но не выкидывать же было старого друга, верный Panasonic, побывавший с ней во всех командировках и никогда не ломавшийся...

Итак, цифровой малютка с ней, и это отлично. Интересно, догадаются ли они обшарить ее карманы после того, как...

– А ладно, – повернулся Вячеслав к Лике. «А я еще с ним целовалась, дура», – пронеслось у той в голове. – Расскажу. А потом ты выпиваешь кофе и бай-бай...

...В тот вечер Виктор Комаров был одним из последних клиентов.

«Когда же ты, наконец, измотаешься? – думал Слава. – Ну я просто суперинструктор! Парень работает с такими весами и в ус не дует! Еще немного и окажется – конкурента взрастил на свою голову».

Наконец, Виктор отложил штангу и обессилено пробормотал:

– Славик, я пас. Хоть пристрели меня – больше я работать не в состоянии.

Слава посмотрел на большие круглые часы на стене тренажерного зала и заметил:

– Так и время уже к закрытию приближается. Всего двадцать минут осталось на то, чтобы принять душ и переодеться.

Из фитнес-центра они выходили вместе. Попрощались с Машей, раскладывая ключи на специальной полочке, и отправились на парковку. Вдруг Виктор достал из сумки блокнот и чуть смущенно протянул его Вячеславу.

– Посмотри, – попросил он.

В блокноте оказалась масса набросков – карандашных и сделанных шариковой ручкой. Клиенты, персонал фитнес-центра, какие-то люди, чьи лица Вячеслав видел впервые. Дойдя до портрета Сергея Макарова, Вячеслав прекратил листать блокнот и замер. Виктору удалось поймать его истинное выражение лица – жесткое, надменное. Обычно Макаров прикрывался как щитом натянутой дружелюбной улыбкой, так похожей на искреннюю, но Слава видел и другое, настоящее выражение этого красивого выразительного лица.

– Ты что, художник, что ли? – спросил он у Виктора.

Он лишь махнул рукой:

– Да какой я художник! Хотя школу художественную закончил. Но ты же знаешь, пока этим ремеслом славы и денег добьешься – можно с голоду околеть в каком-нибудь подвале. Вон, сам Ван Гог у брата деньги все клянчил на краски да на холсты. Зато сейчас его работы стоят миллионы. А зачем они ему теперь, а?

С этим было сложно спорить. Вячеслав и не стал, он согласился:

– В самом деле, теперь они ему без надобности.

– А мне все сразу надо. И желательнее побыстрее. И по высшему разряду. Вот видишь, – и Виктор указал на новенький сверкающий «Лексус». – Маргошин подарок. Красавец, правда?

– Правда.

– Я тебе чего блокнот-то показал, – спохватился Виктор. – Я тебя по памяти на досуге начал набрасывать и поразился. У вас же с Макаровым одинаковые пропорции. Правда, совершенно одинаковые. Что лица, что тела... Как у родственников. Вы словно отец и сын.

Вячеслав похолодел и невольно оглянулся по сторонам. Слава богу, они одни на уже почти совершенно пустынной парковке.

– Да брось ты! Ничего общего нет между нами! Макаров как ни тренировался – но наворачивал еще больше. Не знаю, зачем он вообще в спортзал ходил. Хотя для здоровья полезнее, конечно, есть и тренироваться, чем, скажем, есть и пить...

– Слава, я говорю не о физической форме, а о пропорциях. Они у вас совершенно одинаковые, – продолжал настаивать Виктор.

Как будто Вячеслав не знал, что он – копия отца в молодости. Но вот то, что про это еще кто-то знает – это ему совершенно не понравилось.

– Можно я возьму блокнот? – попросил Вячеслав. – Мне понравились твои рисунки.

– На здоровье! Ну я поехал. Еще простужусь после тренировки.

– Не простудишься, ты парень крепкий!

Вячеслав еще потрепался с ним немного о режиме тренировок и питания, пристально вглядываясь в его лицо. Виктор казался совершенно спокойным, он явно ни в чем не подозревал своего инструктора.

Но Вячеслав знал: Комаров язык за зубами держать не умеет. А это очень опасное качество...

Он не мог его не убрать. Так как отчетливо понимал: если следствие в ходе допросов клиентов фитнес-центра докопается до художественного дара Виктора – последует масса вопросов. А вдруг у него не один блокнот с набросками? Может, у него полквартиры увешано подобными творениями,

и кто знает, не догадался ли он о большем, нежели родственная связь Макарова с Вячеславом? Но следователи ни в коем случае не должны были связать смерть Виктора со злополучным блокнотом. Надо было представить все так, словно Виктор оказался следующим звеном в цепочке смертей, произошедших в «Мире спорта». Но это означает только одно: кроме Комарова придется устранить еще одного клиента...

И тут на сцене появляется Лика Вронская со своим романом. Когда она рассказала о том, что пишет книгу, Слава особо не волновался. Подумаешь: раньше статьи кропала, теперь за детектив взялась. Потребность у этих писак такая – бумагу почем зря переводить. Однако когда девушка разоткровенничалась, что в основу сюжета положены реально произошедшие в «Мире спорта» события, да еще уточнила, что и Сергей Макаров в книге фигурирует, и другие посещающие спортзал люди – вот тут уж было о чем задуматься.

Он проводил глазами удалившихся подружек, пытался заняться составлением программы персонального тренинга, но сердце билось как-то беспокойно, тревожно...

Приоткрыв дверь Таниного кабинета – голосок-то у Лики слабый, даже с учетом хорошей акустики в «сотах» едва слышный, Слава похолодел от страха.

– А убийцей я решила сделать Машу Петрову, – беззаботно щебетала Лика.

Услышав это, он сразу же решил: больше никаких прямых вопросов, если она о чем-то догадалась – это может быть опасно. А вот в ее компьютере стоит покопаться...

Сам Вячеслав в компьютерах разбирался плохо, максимум, на что его хватало, – в «стрелялку» какую-нибудь несложную порезаться. Но были рядом люди, которые являлись куда более компетентными в этих вопросах.

Когда ему на колени положили распечатку с несколькими страницами текста, Вячеслав помертвел от страха. Что это? Откуда такое точное описание того, как Маша приносит Макарову отравленный коктейль? Вронская догадалась? Это исключено. В тот вечер Вячеслав отчетливо помнил, Лика уехала из спортзала задолго до того, как Сергей Макаров пришел на свою последнюю тренировку. Сам Вячеслав, окончив тренировать Макарова, принялся орать на уборщицу за якобы обнаруженную в своей комнате пыль, которой там и с микроскопом не отыскать, но надо же было обеспечить себе алиби, а заодно отвлечь возможных свидетелей...

Так что видеть Лика Вронская ничего не могла. Ее не было в

спортзале. Но что же это тогда за странные записи?

Вячеслав перечитывал распечатанные страницы книги и поражался, как много совпадений в описанных и реальных событиях. Умер Макаров. Надо устранять Комарова. Нужна еще одна жертва, и вот она, здесь же – Андрей Хлестов. Что делать? Воплотить в жизнь придуманный Ликой сценарий, подбросить ей улики, сделать так, чтобы следователь прочитал этот детектив и твердо уверился в мысли, что во всем виновата Лика? Или выждать? А может, уничтожить книгу, ведь там фигурирует Маша? Но последний вариант, как ему объяснили, сложно реализуем – у Вронской могли остаться копии книги...

И он решился... Было страшно, что следователь поймет: это именно Вячеслав посоветовал выпить Комарову коктейль во время тренировки, это он сказал, чтобы Виктор обратился с просьбой к Лике сгонять в бар.

Язык с трудом ворочался во рту, он едва выговорил:

– Ты Вронскую попроси за коктейлем сбегать, вон она на велике педали крутит, оторваться от этого дела пара пустяков...

А потом тут же погнал Виктора на скамейку, выполнять жим штанги из положения лежа, чтобы руки у него оказались заняты. И незаметно опустил снотворное в поставленный Ликой на пол стакан с напитком...

С Андреем Хлестовым все вышло и того проще. Размельчил таблетки, высыпал их в украденную Машей банку с коктейлем, протер ее, как следует, чтобы не осталось отпечатков пальцев, набрал его номер:

– Слушай, Андрей, я так понял, ты спортзал менять собираешься. Ну дело твое. Ты только ко мне приезжай за коктейлем-то... Нет, препараты другой фирмы не подойдут, твой организм уже к этим адаптировался, менять добавки вредно...

Кто ж знал, что Андрей этим коктейлем угостит Марго? Не повезло дамочке, увы...

...Не удержавшись, Маша всхлипнула. Масштаб преступлений, совершенных не без ее помощи, находился за гранью самых смелых предположений.

Лика молча курила очередную сигарету. Руки ее тряслись. Если прежде в глубине души жила робкая надежда на то, что ей удастся как-то договориться с Вячеславом и Машей, то теперь она исчезла.

– Ладно, хватит болтать. Пей кофе, – распорядился Вячеслав. – До дна.

Лика с тоской посмотрела на стакан. Слишком большой, его содержимое нельзя просто задержать во рту. Да и заметят они, что она не глотает. Или спросят потом что, а с полным ртом не ответишь, и они опять-таки обо всем догадаются.

Она бросила последний взгляд на снежные сугробы, на укутанные снегом ели, на небо, проткнутое десятками ясных звезд. А потом сделала первый глоток.

– Быстрее, – торопил Вячеслав. – И так заболтался с тобой. Ты ведь только через три часа отключишься. Или через два. Снотворного я тебе побольше подсыпал, чем остальным...

«Даже два часа – это замечательно, – подумала Лика. – А кофе вкусный. Никакого постороннего привкуса и запаха, несмотря на повышенную концентрацию...»

Она сделала еще один глоток и замерла. В зеркале заднего вида отчетливо отразился свет фар стремительно приближающегося автомобиля.

Выругавшись сквозь зубы, Вячеслав нажал на газ.

– Слава, кто это?! – срывающимся голосом закричала Маша.

– А я знаю! – он опять выдал пару нецензурных словечек, и крикнул Лике: – Слышь, ты хлебай дальше, не отвлекайся. Маша, она пьет?

Лика еще раз прикоснулась губами к стаканчику, но глоток не сделала.

– Да вроде пьет, – неуверенно отозвалась Маша.

Автомобиль приближался. Лика услышала хлопки, и машина вдруг резко вильнула, накренилась, а скорость сразу уменьшилась.

– Колеса прострелили, суки!

Вячеслав резко затормозил, выхватил у Маши пистолет и, прокричав, чтобы она пригнулась, выскочил из автомобиля и кубарем покатился по снегу.

Затрещали выстрелы. Отшвырнув стакан, Лика бросилась на пол, рядом со сжавшейся в комок Машей, и вовремя – заднее стекло машины пробита пуля, оно брызнуло сотней колких осыпающихся кусочков. Потом наступила тишина.

– Руки давай, ублюдок, – раздалось в ночи.

– Ты мне кисть прострелил, мудила, – послышался голос Вячеслава.

Выглянув в окно, Лика увидела: над лежавшим в окровавленном снегу инструктором склонилась массивная мужская фигура. В его руках сверкнули наручники.

Подталкивая пошатывающегося Вячеслава пистолетом в спину, человек направился к машине.

– Следователь! – обрадованно воскликнула Лика. – Седов! Вот молодчина!

Маша не поднимала головы. Ее плечи мелко тряслись. Седов потянул на себя заднюю дверь машины.

– Вронская, – простонал он. – Ну что же тебе все нейдет! Ты с ума

меня сведешь! – и, заметив Машу, добавил: – Да ты тут не одна, Лика! Счастливая невеста не оставляет будущего супруга в любых ситуациях... Боюсь, деточка, вашу свадьбу придется отложить. Ну что, девушки, выходите из машины и марш в мои «Жигули».

– Подождите, – взмолилась Лика. – Они заставили меня выпить кофе со снотворным. У меня уже голова кружится... Мне промывание желудка сделать надо.

Володя в сердцах бросил:

– Вечно с тобой проблемы. Поехали в больницу, там тебе сделают промывание.

– Да мне уже плохо! – едва сдерживая слезы, прокричала Лика. – А что, если я недотяну до больницы...

– Активированный уголь в аптечке, – принял решение Седов. – Возьми в салоне бутылку минералки. Давай пей, потом два пальца в рот – и поехали в город. Мы тебя тут подождем.

Затолкав Вячеслава в его машину, Седов следом протиснулся на заднее сиденье.

Лика же помчалась к «Жигулям» и стала жадными глотками поглощать минеральную воду. Когда литр жидкости уже плескался внутри, подступая, кажется, к самому горлу, она вышла из салона и нерешительно замерла. На освещенном луной снегу она, вне всяких сомнений, просматривается из окон соседнего автомобиля как на ладони.

Засмуцавшись, Лика отошла за ближайшую елку, опустила на колени. «Как там Седов сказал? Два пальца в рот?» – подумала она.

Тело сотрясали судороги. Казалось, желудок вот-вот выскочит вместе с хлещущей водой и плюхнет прямо на снег. Обессиленно прислонившись спиной к дереву, Лика перевела дыхание и засунула в рот пригоршню снега, неожиданно вкусного, вкуснее мороженого, как та самая сосулька из детства, которую она сосала тайком от отца, катившего ее на санках.

– Как хорошо, что все закончилось, – пробормотала Лика.

– Что ты, дорогая, все только начинается.

К ее виску был прижат пистолет.

Сердце спикировало в пятки. Лика обреченно прошептала:

– Артем... Но что ты здесь делаешь? И зачем пистолет? Артем, во всем виноваты Слава с Машей. Они в машине, там Седов...

– Надо же, – усмехнулся Артем Сидоренко. – Какая прыть. Не ожидал от него... А теперь медленно вставай и иди к машине. И не вздумай дергаться, если не хочешь, чтобы я вышиб тебе мозги.

– Артем, да что с тобой? Опомнись, пожалуйста, опомнись. Это ведь я,

Ли́ка! Помнишь, как мы ужинали, как занимались любовью...

– Заканчивай этот телесериал. Ты сама прыгнула ко мне в постель. Я не хотел. Ты сама во всем виновата. Провела бы полгода в «дурке», прокололи бы тебе аминазинчик, и вышла бы на свободу.

С трудом переставляя ноги, по колено вязнущие в снегу, Ли́ка пробормотала:

– В какой «дурке»? Ты о чем?

– Ни о чем, – отрезал Артем. Потом закричал: – Старик! Выкидывай оружие из машины! Иначе я стреляю!

Дверца автомобиля распахнулась. Седов вышел и во все глаза уставился на Артема.

– Отпусти ты ее! Я уже во всем разобрался. Настоящие преступники в салоне. Девчонка ни в чем не виновата.

– Старик! – отчеканил Артем. – Ты плохо слышишь? Я тебе русским языком говорю: оружие на землю.

Из салона кое-как выбрался Вячеслав и заковылял к Артему, оставляя кровавый след на ослепительно белом снежном покрывале.

– Братишка, ты как всегда вовремя, – сдавленно прохрипел он.

– Пистолет. И ключ от наручников на землю быстро!

Тишину взорвал звук предупредительного выстрела.

– Следующий будет ей или тебе в голову! – пообещал Артем Седову.

Тот осторожно опустил пистолет, достал из кармана ключ от наручников и положил его рядом.

«Братишка... – растерянно подумала Ли́ка. – Братишка... Ничего не понимаю... Хотя нет! Точно! Там в дневнике проскользнул один эпизод... У женщины, писавшей дневник, была подруга. Их вместе исключили из института. А потом выяснилось, что у этой подруги – ее еще так смешно звали... Танк, что ли... – тоже будет ребенок от того же парня... То есть получается, что у Макарова было два сына?»

– Маша, – распорядился Артем. – Открой замок наручников. Молодец. Так, Седов, теперь протяни запястья. Маша, они просто защелкиваются. Да, правильно. Машину водить умеешь?

Та с готовностью кивнула.

– Тогда садись за руль «Жигулей» и поезжай со Славой за нами. Там впереди будет заброшенная охотничья сторожка. Надо осмотреть его руку. И подумать, что делать с этими двумя сыщиками, – решил Артем.

Через пару минут на лесной опушке луна равнодушно освещала лишь зарывшийся капотом в сугроб изрешеченный пулями автомобиль со спущенными колесами...

Артем пристально вглядывался в узкую лесную дорогу. В груди нещадно колело. Хотелось скорее добраться до сторожки, зажечь свет и посмотреть, что же там у Славки с рукой. На первый взгляд Седов попал в него дважды – в предплечье и кисть. Наверняка пули застряли в кости, разорваны мышцы... Бедный братишка...

Он смотрел на дорогу, а в глазах стояла та их встреча, самая первая, неожиданная...

...В тот вечер он почувствовал что-то неладное. Сел в автомобиль и покатил к особняку Сергея Макарова. Оказалось, вовремя. В мелькавшую в освещенном окне фигуру целился человек.

Ярость, жгучая, застилающая глаза, заклокотала в груди. Макаров его, только его! Он сам с ним рассчитается за все, что тот сделал. А за то, что не сделал – в особенности. Лишь Артем вправе решать, сколько тому осталось жить и как он умрет.

Он сбил человека с ног, схватил его за ворот рубашки.

– Кто тебе его заказал? Кто? – кричал он и наносил удары в крепкое мускулистое тело.

– Да батяня это мой! – прохрипел парень. – Кобель недоделанный...

– Батяня?!

Руки Артема разжались, чтобы через секунду обнять лежавшего на земле человека.

– Братишка! Я все-таки нашел тебя...

Тот вырвался из его объятий и с недоумением на него уставился. Потом дотянулся до упавшего на траву пистолета и наставил его Артему между глаз.

– Дурачок, – счастливо рассмеялся Артем. – Да убери ты свою пушку. Пошли все обсудим. Нам совершенно некуда торопиться...

Они проговорили всю ночь. Артем рассказал, как после смерти матери его забрали дед с бабкой, как, собирая вещи, он решил захватить с собой пару книг и обнаружил лежавший за ними дневник мамы, как читал его, содрогаясь от сочувствия к матери... В дневнике не указывалось ни имен, ни фамилий, но все же он докопался до правды. Мать успела ему рассказать, что отца зовут Сергей Макаров. Фамилию упоминавшейся в дневнике маминой подруги он выяснил в институте. Только вот на запросы по ее розыску приходили стандартные ответы: такая гражданка в списках

не значит... А ему так хотелось ее отыскать. Артем догадывался: у него может быть брат или сестра...

– Конечно, ты ее не мог найти, – объяснил Слава. – Она в институт под девичьей фамилией поступала, Захарова. А потом фамилию поменяла, Кулаковой стала. Замуж она выходила фиктивно, чтобы нам квартиру дали. Дед давным-давно помер, я его даже не видел. А бабка умерла, когда мне четыре года исполнилось. Других родственников у мамки не было. Дом в деревне она продала...

Вячеслав же о существовании брата не догадывался. Его мать, изо всех сил стараясь вычеркнуть из памяти даже воспоминания о прошлом, никогда ему ничего не говорила. И он не стал ей рассказывать о том, что встретил Артема. К тому времени она стала совсем плоха, врачи говорили, что ей оставалось жить максимум года два...

– Надо еще подождать, – решил Артем. – Ну сам посуди, зачем ей знать, что Макарова не станет. Догадается не догадается – все равно переживать будет. А если нас еще заметут, что тогда?

– Ты прав, братишка, – согласился Слава. – Ты точно заметил, нам торопиться некуда. Столько лет ждали – подождем еще. Но вообще странно как мы с тобой, не сговариваясь, его замочить решили...

Артем ничего странного в этом не видел. Он вспоминал свою мать, несчастную, с рано постаревшим лицом, выплакавшую все глаза после последнего разговора с отцом. Она, должно быть, даже не заметила, погруженная в свои горестные мысли, что вышла на проезжую часть, а на нее, отчаянно сигналив, несется грузовик... А ему каково пришлось во время учебы? Жить на одну стипендию, разгружать по ночам вагоны, а потом бороться со сном над конспектами?.. Нет, за все в этой жизни надо платить. И Макаров заплатит по полной программе...

Времени имелось более чем достаточно, так что они со Славой полностью продумали план предстоящих действий. Никаких мелодраматических объяснений. Просто смерть – быстрая, загадочная, вызывающая подозрения в адрес кого угодно, только не их, нежеланных и нелюбимых детей Сергея Макарова...

Артем разрабатывал операцию так же тщательно, как полководец продумывает план сражений. Славина фамилия уже не вызывала никаких ассоциаций с исключенной за аморалку из института девушкой. Свою фамилию еще до встречи со Славкой он поменял, взял бабушкину девичью, Сидоренко. Смотался в город N, уничтожил все следы нахождения там своей матери, и везде – в домоуправлении, в отделе кадров завода, в роддоме – разбрасывал деньги направо и налево, прося лишь об одном:

«Если кто-то будет интересоваться – немедленно дайте знать».

Все было готово еще лет пять назад. С Макарова они со Славой глаз не спускали. Артем ему в домашний телефон умудрился даже жучок засунуть. Ох, и часто же плакали женщины по вине их папашки!

– Милый, дорогой, не бросай, пожалей, у нас будет ребенок! – то и дело звучало в его телефонной трубке.

Сплошная Санта-Барбара, одним словом. С годами этот сукин сын совершенно не менялся.

А мать Вячеслава все жила себе и жила. Характером она обладала бойцовским, боролась за свою жизнь, все Славкиных внуков мечтала понянчить. Да и лекарства в последнее время стали поэфффективнее. А умерла глупо так, нелепо. Свинины свежей поела, жареной. Ей мясо на рынке непроверенное всучили, зараженное сальмонеллезом.

Артем на похороны не поехал, ни к чему ему там светиться. Но рыдал так, словно бы свою мать второй раз схоронил. Срослись они со Славкой за эти годы, не было у них никого роднее и ближе друг друга.

Макаров всегда со спортом дружил, зарядочка, гантели, даже холодной водой обливался – правда, летом, зимой не рисковал. Наверное, эту свою любовь к спорту он и Славке передал. Гены – штука сильная. А Артему от отца достались холодная расчетливость, быстрая реакция, память отменная...

Когда в Москве фитнес-центры стали открываться на каждом углу, Макаров себе лучший выбрал. Дорогой, престижный, в центре города.

Славика туда без проблем на работу взяли. Еще бы, призер чемпионата Европы как-никак. А Артем клубную карту купил. Нравилось им за папашкой наблюдать, ой как нравилось. Славка его нагружает, про здоровье говорит, а сам думает: «Подожди, старый козел, вот уже мы с тобой посчитаемся». Артем тоже – минералочку ему несет и мечтает вмазать по холеной ненавистной физиономии.

Впрочем, про вмазать – это он так, для души думал. Не зря же на юрфаке учился. Скумекал: мордобой, пальба – все это в кино красиво. А в реальной жизни ничего лучше яда нет. Следов минимум, да еще не всякая экспертиза точно покажет, от чего окочурился человек, сколько времени прошло после принятия препарата...

– Машка ему снотворное в коктейль намешает – и шито-крыто, – предложил Слава, когда Артем поздно вечером заглянул в его «соты».

Артем с опаской покосился на перегородки – тонкие. Вышел, подергал ручки соседних дверей. Заперто. Хорошо. В этом деле не доверять – проверять нужно.

– А девчонка не проболтается?

– Да ты что, могила.

– А с ней потом как?

– Что значит как? Женюсь, детей нарожаем. Я ее на руках носить буду.

Артем улыбнулся:

– А удержишь?

Брат тоже засмеялся:

– Так я же сильный. К тому же своя ноша не тянет!

На том и порешили.

Но события стали разворачиваться совершенно по-другому сценарию. Вначале как снег на голову свалился Володя Седов с его предложением помочь в расследовании.

Артем уже и так крутился, и этак, все намекая: на кой ляд тебе это дело сдалось, работы, что ли, не хватает?

Но Седов как рогом уперся. Хочу – и все тут. А ты мне помоги по старой дружбе.

Потом Артем прикинул: но это не так уж и плохо. Он, по крайней мере, будет в курсе того, в каком направлении копает следователь. И помочь ему даже постарался. Нарыл фактуры на Николая Плешкова, просто бери мужика тепленьким и сажай в каталажку. Жаль, у того алиби оказалось...

Дальше все покатило как снежный ком – стихийно, неуправляемо. Славик говорил, Комарова надо убирать, боялся, что тот обо всем догадается, и ляпнет кому не следует. Потом Лика Вронская вдруг писательницей решила заделаться...

Взломал он ее компьютер, перекачал первые главы, затем и весь текст распечатал. Прочитал, перепугался, но в конце концов придумал, как всю эту ситуацию в свою пользу обратить.

Снотворное ей после убийства Славиком Комарова в спортивную сумку подбросил, Седову намекнул: девочка-то журналистка, ты в ее компьютере-то пошарь, старик.

Но Лика его опять переиграла. Снотворное при обыске не изъяли. Выкинула она его, что ли... Книгу уничтожила. Седов от подозрений аж зубами скрипит, а улики нет против нее никаких.

Но тут она сама ему помогла. Поперлась к Хлестову, предупредить его надумала. Отлично! Артем ее выследил, к себе привез, думал пару ее вещей как-нибудь Хлестову подбросить, книгу распечатанную Седову под дверь кабинета подсунул. Старая дружба, как говорится, не ржавеет. Наслаждайся, Седов, и делай правильные выводы.

И тут как обухом по голове. Всплывает какая-то гадалка, которую требуется устранить. Она же по фотографиям кое-что просечь может. А если ей фотографии Славы или Артема покажут? Сам-то Седов лопух лопухом, но парнишка с ним пряткий работает, сообразительный...

Он уж решил, что все улажено. Притащил в квартиру гадалки свои чашки, весь набор на полку над мойкой засунул. Старые, гадалкины, с собой унес, вышвырнул в урну в трех кварталах от ее «хрущобы». Чашку с Ликиными пальчиками на столике оставил. Пусть друг студенческой юности порадует... Собрался было поехать домой и притащить Лику к Седову – а ее и след простыл... Потом ему главврач позвонила, сказала, что девушка приходила, картами рожениц интересовалась. И тут он все понял: и что про автоматическую камеру хранения Вронская пронюхала, и что дневник прочитала... Да, глупо было его хранить, дневник. Но ведь он маме принадлежал, как с ним расстанешься, с последним горьким напоминанием...

Поговорив с главврачом, он сразу же набрал Славку. Тот помчался в город N. Самому-то перед Ликой раскрываться не хотелось, неизвестно еще, как оно все сложится, может, еще понадобится что... Вот Славка и поехал. А Артему на душе все беспокойно было. Промаявшись пару часов от неизвестности, он поехал в город N. Но до самого города так и не доехал, пальбу в лесу услышал...

...Наконец, дорога привела к засыпанной снегом сторожке.

– Вылезайте из машины, – бросил он Лике и Володе, притихшим, растерянным...

3

Артем действовал четко. Протянул Маше пистолет, чтобы та присматривала за Вронской и Седовым, выбил плечом хлипкую дверь, чиркнул зажигалкой над сложенными в камине поленьями, снова взял у Маши оружие.

– Давай рюкзак мне, – поигрывая пистолетом, сказал он Лике. И повернулся к Седову: – Мобильник сюда живо.

Маша тем временем вернулась со Славкой. Его лицо стало белым как мел и влажным от пота.

Опять вручив девушке оружие, Артем осмотрел подсобное помещение для дров и инструментов, пристроенное к сторожке. Отлично: на окнах решетки, и запор тяжелый, надежный.

Затолкав журналистку и однокурсника в подсобку, Сидоренко вернулся в сторожку.

Вячеславу было совсем худо.

– Потерпи, братишка, – сказал ему Артем, разрезая ножом промокший от крови рукав куртки.

– Он не умрет? – дрожащим голосом спросила Маша.

Он попытался ее приободрить:

– Да ты что! До свадьбы заживет. Пригласишь меня на вашу свадьбу? Родственник как-никак.

– Приглашу, – всхлипнула Маша.

Ее лицо застыло в скорбной маске, и Артем понял: ни черта она ему не верит, боится, переживает.

Да и у самого, если честно, на душе кошки скребли. Пытаясь вытащить застрявшую в Славиной руке пулю, Артем все прикидывал: как это Седов мог обо всем догадаться? Ну ладно, Лика. Прикинулась влюбленной по уши, борщи даже ему варила, а сама тем временем все просчитывала, анализировала. Но Седов, Седов же пару часов назад совершенно ни о чем не догадывался...

– Что нам теперь делать? – простонал Слава.

Артем честно ответил:

– Не знаю...

– Я знаю! – внезапно сказала Маша.

Братья как по команде повернули к ней головы.

– Говори, котенок.

– Я так понимаю, что против Лики у следователя Седова появились улики?

Артем кивнул:

– В принципе, да. Ее отпечатки пальцев обнаружили на чашке в квартире у гадалки. Я ей собирался подкинуть снотворное в сумку с ее вещами, которые у меня в квартире остались.

– Она кроме роддома в городе N нигде не показывалась?

– Кто ж ее знает... – Артем пожал плечами. Проклятая пуля упрямо не желала извлекаться. Пинцет из аптечки, слишком тонкий, все время соскальзывал... – Но вроде не должна была... Но это, в принципе, не проблема. Там в роддоме главврач – тетка надежная, за пару сотен «гринов» сделает все, что надо.

– Отлично, – удовлетворенно сказала Маша. – Тогда все просто. Лика ведь находится в розыске. Будем считать, что она пряталась в этой сторожке. А Седов ее выследил и смертельно ранил. Знаете, так часто бывает в фильмах. Бравый полицейский думает, что убил преступника, склоняется над ним, а тот выхватывает пистолет. Бац – и у него во лбу дырка. Траурная музыка, титры, финита ля комедия.

– Видишь, Артем, – лицо Славы исказила боль, но голос был веселым, довольным. – А ты еще не хотел ее привлечь к нашей операции. Мой котенок дело говорит...

– Что ж, – вытирая пот со лба, произнес Артем. Одну пулю, из кисти, извлечь удалось: ее серый бочок торчал из сочащейся кровью раны. С предплечьем придется повозиться подольше. – Ты прав, братишка. Конечно, в этой версии при желании тоже есть к чему придраться. Но будем надеяться, что коллеги Седова – коллеги покойного Седова – люди не такие упертые, как Володя. Каким был Володя...

4

– Холод-д-но, – через десять минут после заточения в подсобку сказала Лика.

– Не жарко, – отозвался Володя. Он засунул скованные наручниками руки между коленей, но теплее от этого не стало.

Они опять замолчали.

Лика, надувшись, думала о том, что следователи нынче пошли хуже некуда. Вначале гоняются за ни в чем не повинными девушками, потом отдают преступникам пистолеты и послушно выполняют все их распоряжения.

– Слушай, Седов, а как ты вообще в лесу-то оказался? – потирая ладошки, спросила Лика. – И почему в гордом одиночестве? Захватил бы с собой кого – глядишь, не пришлось бы здесь куковать...

Седов в сердцах бросил:

– Как оказался, как оказался. Долгая история. Подъехал к Кулакову. Подозревать их с Машей начал. Вижу – из подъезда выходит Слава. Потом, через пару минут, Маша выскакивает. И они куда-то укатывают. Ну я поехал за ними следом. Дотащился за их тачкой до города N. Приехали к какому-то зданию.

– Это роддом был, – вставила Лика.

– Потом, – продолжил Володя, – через пару минут вижу: ведет тебя Слава, пистолетом в спину тычет. Вы загрузились в машину и поехали.

– Наблюдать – это у тебя хорошо получается.

– Да он тебе пушку между лопатками вставил. Я за тебя, дуру, боялся. Думал разобраться с ним позже. Выехали на трассу. А потом его машина исчезла. Была вот только что перед глазами – и исчезла. Я порулил к ближайшему посту ГИБДД, он там неподалеку, километрах в пятнадцати. Спрашивал, какие тут второстепенные дороги имеются. Пока выяснил, пока все объехал, пока вас нашел... А ты тоже хороша! Плохо мне, отравили меня!

Лика принялась оправдываться:

– Я полстакана кофе со снотворным выпила. Я уже с жизнью, можно сказать, попрощалась!

– А потом... – с досадой продолжил Седов, – Артем. Не ожидал я от него этого. Я же думал, он мне друг, понимаешь? Мы с ним на одном курсе учились. Я ему верил больше, чем самому себе. Он на всех семинарах

задачи первым решал, у него башка, как компьютер работает.

То ли от мороза, то ли от страха Лика наполнилась язвительностью:

– Да уж, о тебе этого явно не скажешь.

– Да ладно тебе! – взорвался Володя. – Да если бы не я – лежала бы ты сейчас в каком-нибудь овраге. Кофе свой допила бы – и лежала бы как миленькая.

Взглянув на часы, Лика согласилась:

– Да, точно. Уже бы лежала. Прости. Я сейчас не понимаю, что говорю. Боязно мне, Седов. Они же нас передушат, как котят. У них уже на совести столько смертей – подумать страшно. А Артем – скотина. Но какой актер! Как он меня якобы от тебя прятал, как помочь хотел. И взгляд при этом был такой невинный, как у ребенка.

– Да уж, невиннее некуда. Он, я так думаю, и гадалку убил. А ей чашку подсунул с твоими отпечатками пальцев. Подожди, а ты помнишь... Он Славу братишкой называл...

Лика коротко рассказала про дневник.

– Я-то вначале думала: раз ячейка Славина, то и дневник принадлежит Славинной маме. А они там скорее всего просто вместе все хранили – снотворное, пистолет там еще один лежал, я его так в ячейке и оставила. И поперлась в этот роддом, роженицу по фамилии Кулакова разыскивать. А ее тут сроду не было. Это Артем в этом роддоме на свет появился, а не Слава. Но вот только как же они меня так быстро вычислили? Наверное, главврачиха настучала. Мерзкая тетка.

Седов заскрежетал зубами:

– Почему, почему ты, когда нашла этот дневник, не связалась со мной?

Лика удивленно на него посмотрела:

– Так боялась тебя. Думала, к тебе попадешь – потом не выйдешь. Решила, что ты оборотень в погонах. Да и Артем мне все говорил: Седов тебя подозревает, Седов тебя подозревает...

– Вот сукин сын. А мне он все говорил: Лика ни в чем не виновата. А сам улики подсовывал. И делал вид, что влюблен в тебя. Я ему даже сочувствовал, вот, думаю, бедолага, запал на девочку, а она черт знает что вытворяет.

– Ну да, – грустно сказала Лика. – А я не делала вид – я влюбилась. Радовалась, глупышка, что наконец-то в моей жизни появился мужчина, который решает мои проблемы. Думала, нашла сильное мужское плечо, на которое можно опереться. Не представляешь – замуж за него собралась. И вот выясняется: нет никаких рыцарей. А вот мерзавцев – более чем достаточно. А на вокзал я, в общем, случайно отправилась. Обед

приготовила, полдня впереди, заняться нечем...

Седов собирался было успокоить Лику, рассказав, что ситуация вовсе небезнадежна, но запнулся, невольно вздрогнул, услышав скрип отодвигаемого засова.

– Выходите! – коротко скомандовал Артем.

Войдя в сторожку, Лика похолодела, несмотря на весело потрескивающие поленья в камине. Выражение лиц Славы и Маши не оставляли никаких сомнений: это конец.

Седов все пытался поймать взгляд Артема. Когда это случилось, он не обнаружил в его глазах ни следа раскаяния.

«Скоро все будет хорошо», – подумала Маша, сжимая Славину ладонь.

Вячеслав с досадой пробормотал:

– Братишка, ну чего ты там копаешься?

– Подожди. Надо прикинуть, как должны располагаться тела, чтобы никто ничего не заподозрил, – отозвался Артем.

В этот момент в сторожке погас свет. Все окна, как от взрыва, вылетели в один момент. В отблесках горящих дров в камине Лика заметила, как комната наполнилась людьми в черных комбинезонах, а потом чья-то сильная рука прижала ее к полу. Раздалось несколько выстрелов, потянуло едким запахом пороха, и Лика вдруг провалилась в глубокий колодец темноты...

Голоса звучали приглушенно, как сквозь вату.

– Да все с ней в порядке!

– А может, ее зацепило при штурме? Ты проверь... Ран нет?

– На ней ни царапинки. Просто сознание потеряла. Перепугалась.

– Нашатырь ей дай понюхать.

Услышав про нашатырь, Лика встрепенулась и открыла глаза.

– Не надо нашатырь. Я и так живая, – пробормотала она, приподнимаясь с пола. Голова стала тяжелой, чугуновой. – Все в порядке?

– Относительно, – сказал Володя Седов, протягивая ей руку.

Лика поднялась на ноги и огляделась. В углу, на стуле, с руками, скованными наручниками, сидел Артем. На полу лежало тело, накрытое простыней, возле которого в истерике билась Маша, сдерживаемая парнем в черном комбинезоне.

– Слава? – устало спросила Лика.

Седов пояснил:

– Он выхватил пистолет у Артема и стал стрелять...

Нащупав в кармане диктофон – тут ее малютка, не выскользнул – Лика протянула его Седову:

– Вот, возьми. Я записала все, что Кулаков рассказывал.

Следователь ее похвалил, а потом взял под руку и подвел к симпатичному молодому парню.

– Знакомься, это Паша, наш оперативник. Можешь сказать ему спасибо. Он подарил нам второй день рождения.

– Спасибо!

Паша залился краской и махнул рукой:

– Да ладно тебе, Володя. Главное, что все хорошо закончилось. Но ты – не стану отрицать – заставил меня поволноваться.

– А почему? – поинтересовалась Лика.

...Весь вечер Пашу преследовал образ Тани Добротворской. Он пытался смотреть новости, прикидывал планы на завтра, и каждый раз ловил себя на мысли о том, что снова и снова вспоминает ее бархатистые карие глаза, подтянутую фигурку, но самое главное – ее улыбку, такую искреннюю, солнечную, что просто душа радуется. Она немного успела рассказать о себе. Сказала, что работает инструктором аэробики в «Мире спорта», одна воспитывает двоих детишек.

Он уже тогда начал ревновать:

– А чего это ты с Артемом приехала? Встречаешься с ним?

Таня рассмеялась:

– Знал бы ты, чего мне стоило его уломать взять меня с собой. И теперь я уже об этом жалею... А встречается, точнее встречался, Артемка с моей подругой. Это святое, как ты понимаешь. Мы просто знакомы с ним сто лет.

У Паши отлегло от сердца, но ненадолго. Не может, наверное, такая замечательная девушка скучать в одиночестве. Да и старше она его лет на пять-шесть.

«Не судьба», – решил он тогда.

И днем, когда дел было по горло, он действительно так и считал. Ну записал телефончик на всякий случай. Мало ли что уточнить придется. И выбросил их разговор из головы.

А вот вечером – просто наваждение. Глаза, смешная короткая стрижка, улыбка. Стройные ножки, приятный голос, и снова улыбка. Дружелюбие, тугие грудки – без лифчика, между прочим! – под плотным свитером, и опять улыбка.

– Нет, так я точно рехнусь, – пододвигая к себе телефон, пробормотал Паша. – Я ей просто позвоню. Приглашу куда-нибудь. Пошлет так пошлет. Зато понятно будет, что тут мне ловить нечего...

От приглашения в кафе Таня отказалась.

– Я детей только что спать уложила. Сам подумай: вдруг они проснутся, а мамы нет рядом. Ты лучше сам приезжай. Как раз еду на завтра готовлю, могу ужином покормить. И в кафе ходить не надо, – подружески тепло сказала она.

Паша помчался к ней, как сумасшедший. И едва вошел в ее квартиру, небольшую, но такую уютную, с разбросанными по полу детскими игрушками и огромной, прямо-таки наглой какой-то пальмой, сразу понял: никуда он отсюда не уйдет.

Но пришлось, и намного быстрее, чем он рассчитывал...

Татьяна положила Паше на тарелку огромный кусок мяса под майонезом с картошкой – пахло одуряюще, аж под ложечкой засосало, хотя он вроде недавно консерву завалил, улыбнулась и сказала:

– У меня сегодня просто какой-то день открытых дверей. Следовательно только что звонил. Ну тот, который с тобой был в квартире гадалки.

– Седов, – прожевав кусок сочной свинины, подсказал Паша.

– Да, точно, он самый. Он еще меня допрашивал после смерти Виктора.

– И чего хотел?

– Сначала... – Танюша наморщила хорошенький лобик, – ему вроде понадобилась Маша Петрова. Но потом я ему сказала, что она сотовый наверняка отключила, так как они со Славиком Кулаковым к нему домой поехали. Тогда он спросил его адрес.

«Кулаков, Кулаков, – размышлял Паша, расправляясь с мясом. – Ну да, амбал такой, инструктор из тренажерки, помню, допрашивал... То есть сначала Седов его сам допросил, а ко мне он уже потом попал, когда что-то уточнить понадобилось. Да, лучше бы мне Танечка понадобилась тогда, это насколько раньше мы могли бы познакомиться... Но зачем ему Маша и этот Кулаков? Он же мне ничего не говорил...»

Они закончили ужинать, потом Паша, решив сразу зарекомендовать себя с положительной стороны, перемыл всю посуду, и Танюша принесла большой альбом с фотографиями, которые они долго рассматривали.

Но чувство беспокойства, возникшее за ужином, не исчезало.

Паша набрал номер Седова.

«Абонент отключен или находится вне зоны действия сети», – равнодушно отозвался металлический женский голос.

Прошло полчаса. То же действие, тот же ответ.

– Боюсь, мне надо идти, – сказал Паша, раздумывая, можно ли чмокнуть Таню в милую бархатистую щечку. – Но если ты не против, я зайду... Завтра зайду. Договорились?

– Буду рада тебя увидеть, – расцветая в улыбке, сказала Таня, и, заметив нерешительное ожидание в его глазах, сама коснулась губами его щеки.

«Отлично! Все просто отлично! – думал Паша по дороге в прокуратуру. – Но вот только куда мог подеваться Седов?..»

Так размышлял Паша, добравшись на работу. Седов всегда ездит на автомобиле. Поэтому к Кулакову скорее всего он тоже поехал на своих раздолбанных, но резво бегущих «Жигулях». Телефон Володя не отключает даже ночью. Значит, он находится вне зоны действия сети. А это за городом. И вдали от трассы... Шансов на удачу мало, но все же стоит попробовать.

Он обзванивал посты ГИБДД в Подмоскowie, выясняя, не был ли замечен автомобиль следователя Владимира Седова, как оживший сотовый телефон заставил радостно вздрогнуть. В его окошечке высвечивался номер Седова.

– Времени мало, слушай внимательно. Нахожусь вблизи лесного массива города N. Преследую машину Вячеслава Кулакова, в которую он,

угрожая пистолетом, затолкал Лику Вронскую. Быстро вызывай помощь, – распорядился следователь.

Дальнейшее оказалось делом техники. Паша связался с местным отделением милиции. Те объехали квадрат предполагаемых поисков, обнаружили автомобиль в лесу со следами крови, вызвали группу захвата.

Паша на дежурной машине помчался в город N, молясь лишь об одном: только бы не опоздать...

...Закончив рассказ, оперативник повернулся к Седову и укоризненно на него посмотрел:

– Володя, я только одного не понимаю. Почему ты никого не поставил в известность о планируемом задержании? Самому захотелось пожать лавры геройского подвига?

– Какой уж тут геройский подвиг, – Седов даже слегка покраснел. – Да я просто понятия не имел, что события начнут развиваться так стремительно. Потом, увидев, как мою главную подозреваемую чуть на тот свет не отправили, уже просек, что вечер перестает быть томным и связался с тобой...

Хмурое московское утро неуверенно пробралось в квартиру Лики Вронской.

«Неужели все закончилось? – с облегчением подумала девушка, открыв дверь в свою комнату. – Такое ощущение, что я не была тут целую вечность. Да, в общем, так оно и есть...»

Ей казалось, что ее никогда не отпустят домой из проклятой сторожки. Сначала она отвечала на вопросы охваченного творческим рвением Володи Седова, быстро делавшим пометки в блокноте. Потом приехали другие следователи – такие же дотошные и настойчивые.

Наверняка кто-то из милиции стукнул о произошедшем местным журналистам, и вот уже у сторожки притормозили «Жигули» с пометкой «пресса» на огромном прикрепленном к лобовому стеклу пропуске, из которого, как горох, посыпались телевизионщики – корреспондент, оператор, помощник оператора...

Не успела Лика и рот открыть от возмущения – помилуйте, братцы, какое интервью в моем состоянии – как ее, вместе с Пашей и Седовым, подтолкнули к телекамере с горящей красной лампочкой на корпусе.

«Вот подфартило местным ребятам, они озолотятся на этом сюжете, – щелкая телевизионным пультом, подумала Лика. – У них отснятый материал все центральные каналы купят. Эксклюзив с места событий и торжество правосудия».

– Вчера ночью правоохранительным органам удалось выйти на след преступников, виновных в совершении серии недавних убийств в престижном фитнес-центре «Мир спорта», – затараторила миловидная дикторша со свежим личиком.

«А у меня, – мрачно отметила Лика, изучив на экране свое испуганное лицо, – свежести и в помине нет. Словно бы меня всю ночь стирали в стиральной машинке. Да и Седов не лучше. Только Паша цветет и пахнет как майский луг. Кажется, Танюшу можно поздравить с пополнением списка съеденных мужских сердец...»

Через минуту ожил, затренькал, заголосил домашний телефон.

Услышав мамин голос, Лика моментально отстранила трубку от уха. Так, сейчас мамочка возмущается, что вечно у ее чада все не как у людей. Теперь порция впендюринга за то, что пропала, не звонила. Далее –

констатация того факта, что дочь ее в могилу загонит. А вот теперь можно и поговорить.

Но Лика чуть поторопилась.

– Доченька, с тобой все в порядке? – с беспокойством спросила мама. – Ты такая бледненькая была по телевизору. Ты хорошо кушаешь?

– Да, мама, – стараясь не разораться, пробормотала Лика. Ей уже почти тридцать лет! А у ее мамы всегда один и тот же вопрос. – Кушаю я хорошо. Не волнуйся. Со мной все в порядке. Вечером заеду...

Андрей Иванович Красноперов, как обычно, не стал тратить время на приветствие.

– Вронская? Рад, что ты жива-здоровая. Ну что, эксклюзивный репортаж я планирую на этот номер, да? Садись писать, сбрось по электронке – мы как раз успеваем его втиснуть. Жаль, что фоток не будет. Ты там ничего не снимала случайно?

– Случайно меня там чуть не убили!

Лика выдернула аппарат из розетки, приняла душ и забралась в постель. По дороге домой ей казалось, что она отрубится, едва голова коснется подушки. Теперь же перед глазами снова и снова возникало то перекошенное от ярости лицо Артема, то накрытое простыней тело Славы, то стаканчик с отравленным кофе, который она сжимала в своих руках...

Что же ей делать завтра? Точнее, уже сегодня? Вернуться в газету? Засесть за новую книжку? Купить абонемент в другой спортзал?

– А впрочем, какая разница, – уже засыпая, пробормотала Лика. – Самое главное, что у меня будет возможность это сделать. Жизнь – роскошная штука...

Table of Contents

Ольга ТАРАСЕВИЧ БЕЗ ЧАЙНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ

Глава 1

1
2
3
4
5
6
7

Глава 2

1
2
3
4
5
6
7
8

Глава 3

1
2
3
4
5
6
7
8
9

Глава 4

1
2
3
4
5
6

7
8
9

Глава 5

1
2
3
4
5
6

Глава 6

1
2
3
4
5
6